ПИОНЕР 3

1986

Пионеры города Челябинска участвуют в реконструкции Алого поля, которое примыкает к городскому Дворцу пионеров и школьников. В 1905 году на этом месте была расстреляна демонстрация рабочих.

Пионеры собирают средства на реконструкцию памятного места, изучают его историю. Один из первых памятников великому вождю Октября В. И. Ленину был поставлен именно на Алом поле.

Челябинские пионеры — активные участники Всесоюзной пионерской плавки. Что такое плавка, посвященная XXVII съезду партии? Это две с половиной тысячи автомашин, которые доставили тридцать шесть тысяч тонн металлолома на завод! Это металлургический цех, целый день работающий на пионерском металле!

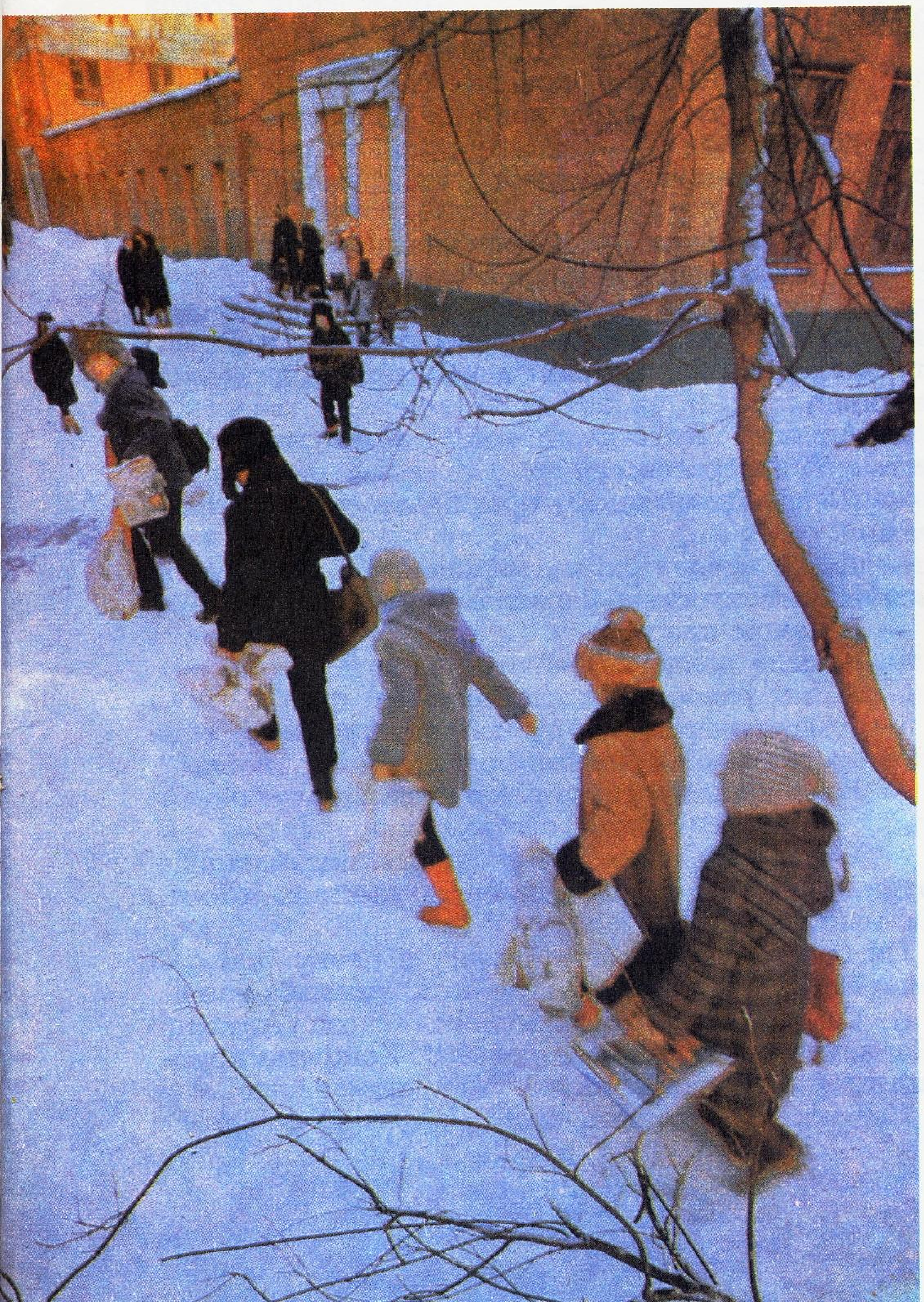
Клетки для птиц, кроликов, черенки для лопат, грабель, сельскохозяйственный инвентарь — вот что отправляют с уроков труда вологодские школьники в села. Это трудовой подарок пионеров сельским жителям.

В Вологде прошел областной пионерский сбор «Берем с коммунистов пример». Это был рапорт пионеров XXVII съезду.

В Черкассах прошла областная выставка детского технического творчества. Девиз ее — «Молодые рационализаторы и изобретатели, юные техники и исследователи — XXVII съезду КПСС». На выставке были представлены четыре с половиной тысячи работ пионеров.

На I областном слете-выставке, посвященном XXVII съезду партии, юные кролиководы обратились ко всем школьникам области с призывом: «Школьные крольчефермы — подарок XXVII съезду». Каждый пионер обязался вырастить пять кроликов и сдать их государству.

ПИОНЕРСКОЕ СЛОВО, ПИОНЕРСКОЕ ДЕЛО, ПИОНЕРСКАЯ ЧЕСТЬ



Пионеры Таджикистана собрали в прошлом году двести пятьдесят тысяч тонн хлопка.

Республиканской стала операция, объявленная журналом «Смена»,— «Добрые книги — детскому дому».

Высоко в горы поднимаются пионеры-смельчаки, чтобы собрать редкие лекарственные травы. Больные люди, которые лечатся отварами этих трав, благодарны детям.

На I республиканском тимуровском слете было принято решение собирать материалы для Музея истории комсомола республики. Музей открылся в городе Душанбе в дни подготовки к XXVII съезду КПСС. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, рапорты о проделанных операциях — таков тимуровский вклад в это важное дело.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Москва 1986 г.
Издательство «Правда»

Ольга **СИДЕЛЬНИКОВА**

ХОЗЯИН

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

1

Сережа шагал размашисто, когда можно, выбирал сухую обочину, а когда нельзя, топал по хляби, разбрызгивая сапогами студеную весеннюю воду. Казалось, он вовсе не глядел на село свое, на равнину с перелесками, которая невысокими буграми начиналась за выгоном, а потом спадала к угадывающимся ручьям и речушкам.

Весна была в самой грязной своей поре: дороги — сплошная снеговая каша да вода. Может, и неприглядно для стороннего взгляда, но до чего же красива русская весна в русском селе. И оттого, что дома стоят под голыми еще ветлами и березами, каждый виден весь, и в каждом история родины без утайки и выдумки: давно здесь люди живут и будут жить вечно. И как знак этой вечности жизни над каждым человечьим жильем в селе — птичье жилье, скворечники.

На Сереже телогрейка с ушанкой, сапоги резиновые, а на плече скворечник с прибитым шестом.

— Эгей, Сережка! — крикнула ему с высокого крыльца женщина в синем халате поверх пальто.— Когда мне скворушник навесишь?

— Сделаю! — деловито кивнул Сережка, не останавливаясь и не замедляя шаг.

Женщина открыла замок на дверях. Это магазин, большая вывеска «Товары повседневного спроса».

— Орехи привезли! — крикнула вслед Сережке женщина, явно заискивая.— Грецкие!

А Сережа шагал дальше. Вот он наклонился, отбросил с дороги палку, вот отодвинул ногой камень.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ

Возле одного дома он замедлил шаг, глянул через штакетник. Хозяйка в теплом платке и телогрейке выпустила из сарая важных уток, и те засеменили за строгим селезнем.

— Елена Васильевна,— негромко окликнул Сережка,— сегодня я к вам. Здравствуйте.

Елена Васильевна подняла голову, отстранила платок от молодого задумчивого лица.

— Здравствуй, Сережа... Ох и скворечник же... Царский.

— Я вам еще синичник сделаю,— сказал Сережа.— Куда прибивать будем?

— Хорошо бы так, чтоб отцу было в окно видно. Вернется из больницы, а ему подарок.

Сережа огляделся и выбрал березу возле сарая. У него все с собой: молоток, ножовка и разные гвозди в кармане. Он бойко постукивал наверху и радовался, что Елена Васильевна смотрит на него.

— Вы грецкие орехи любите? — спросил он.

— Не знаю даже...

— А то в магазин завезли... Ого, а чегой-то ерохинская изба-то? Дверь открыта... Кто там у них?

Сережка не встревожился, что кто-то чужой залез в дом, где давно никто не жил. Посторонним эти дома без интереса. Так уж получилось, что на каждую пустую избу люди смотрят в селе с надеждой, что не навсегда опустела она. Не должен пустеть дом, ничего нет хуже печки, в которой годами дрова не горели.

— Вроде родственник приехал...— сказала Елена Васильевна и замолчала вдруг, потому что в калитку входил незнакомый Сереже человек в потертой кожаной куртке на меху. Сереже он был незнаком, а с Еленой Васильевной, видимо, сегодня уже разговаривал.

— Топор хотел попросить,— сказал он.— Доски с окон надо отодрать... Темно, знаете, в избе.

Сережке приятно было, когда Елена Васильевна попросила его помочь приезжему.

— Важно, чтоб наличники не повредить,— по-хозяйски сказал он.— Потом не сколотишь. Дерево старое, гвоздем не удержать.

В освобожденные от досок окна лился утренний свет, и было видно, какая это запущенная, старая, давно стоявшая без хозяев изба. Сережка сам вызвался протопить печь, проверить, не завалился ли дымоход. Он перекладывал поленья, ломал лучинки.

— Алексей Палыч, может, бумага ненужная есть... Тут сырое все.

— Дядей Лешей зови,— протянул ему газету приезжий.

— Да я вроде уж не маленький,— улыбнулся вспыхнувшему огню Сережка.

— В каком классе?

— Шестой кончаю...

— А мне скворечник сделаешь?

— У меня очередь... Учителям надо, медичке, еще там просили... Вы, кстати, орехи грецкие любите?

— Равнодушен,— сказал Алексей Павлович,— а ты?

— Я-то...— Сережка вытер бумагой испачканные руки.— У меня еще полмешка лесных стоит. Осенью принес.

Он бросил скомканную бумагу в печку.

— Пойду... Что надо будет — крайняя изба наша.

— Самостоятельный ты мужик,— сказал Алексей Павлович.— Может, чаю попьем? Конфеты хорошие есть... Ты заработал.

Сережка усмехнулся.

Красива весна в русском селе... Давно здесь люди живут и будут жить вечно.

— Да я не девчонка... Мне еще навоз на огород возить. Мать ждет.

Сергей по-взрослому махнул рукой и вышел, а приезжий, согнувшись, глядел в низкое оконце.

2

В Сережкином классе всего шесть человек. И то много считается. Шесть учеников и еще учитель. В городских школах — про это они знали и по телевизору видели — сразу по тридцать и по сорок учеников. Как им там? Не тесно? Зато весело, наверное.

— Итак, вопрос: где используют слонов? Вопрос к Корнееву, но думаем все. Где используют слонов?

В классе шесть человек. Только то и отличие. На стене — карта. Идет урок географии. Учительница Нина Николаевна так же громко обращается к классу, как если бы ребят было тридцать. Сережа стоит у доски.

— Где...— Он пожимает плечами.— В хозяйстве, небось... В хозяйство-то и слоны идут, Нина Николаевна.

— Можно и так ответить. Теперь Наташа пойдет, а ты, Сережа, будешь показывать по карте. Наташа про Гренландию расскажет.

Девочка в толстых очках, беленькая и тоненькая, поправила фартук, вышла к доске.

— Покажи нам, Сережа, Гренландию.

Указка поползла в южном направлении.

— Та-ак,— сказала Нина Николаевна.— Это уже Азорские острова. Что растет в Гренландии, Сережа?

— Чайный куст,— буркнул Сережа,— и... грецкие орехи.

Ребята засмеялись, а Наташа смеялась и сердилась одновременно. Сережа знал, что она сердится, и это ему почему-то было приятно.

На перемене в школьном коридоре звучит музыка, девочки танцуют, крутятся, взлетают прыгалки. Так всегда, потому что холодно, давно отопление не работает. Сережка стоял у холодной батареи и не удивился, что по двору идет приезжий Алексей Павлович. Мало ли зачем человеку в школу?

— Ты кого видишь? — Наташа неслышно встала рядом с ним.

— Никого,— сердито сказал Сережка и не выдержал:— И что ты, Наташка, девка какая-то нескладная? Все деревенские без очков, а ты... И по карте за тебя показывать надоело.

— Ну и не показывай,— обиделась Наташа,— меня вот в Москве вылечат, так я и сама все буду.

— Сережа,— окликнули из-за спины.— Как мне найти директора школы?

Это спрашивал приезжий.

— Во...— усмехнулся Сережа,— так она с вами через забор живет, топор вам давала. Елена-то Васильевна... По коридору идите, ключи увидите в двери, целую связку, так то ее кабинет. Пошли обедать.— Сережка повернулся к Наташе, но она уже уходила от него, прямая и тоненькая, высоко неся голову с коротко остриженными легкими волосами. Напрасно, однако, она не смотрела под ноги, потому что первоклассник Вовка неосмотрительно оставил свой портфель посреди коридора, а сам, как мячик, прыгал через прыгалки, которые ему старательно крутили две девочки.

— Осторожно! — крикнул Сережка.

Но Наташа уже споткнулась, растянулась беспомощно на полу, очки отлетели в сторону, и она первым делом стала искать их, ощупывая пол вокруг себя.

— Целы.— Сережка протянул ей очки.— Убилась?

Наташа помотала отрицательно головой и пошла теперь уже осторожно, разглядывая напряженно пол под ногами.

— Куда без меня понеслась? — крикнул ей вслед Сережка.— А эти еще тут,— подосадовал он.— Эй, малышня! Вы чего портфели раскидали? А ну-ка, поди сюда! — приказал он первокласснику, уже подхватившему свой злополучный портфель.— Чего обедать не идешь?

Первоклассник молчал.

— А он деньги не внес... — сказала одна девочка.

— Вовка весь месяц обедать не будет,— добавила другая.

— Тебе что, мать не дала, что ли? — наклонился к Вовке Сережка.

Тот поднял глаза и не посмел не ответить.

— Дала,— прошептал он.

— А где ж они, деньги-то?

— Орехов купил.— Вовка скривился, чтоб заплакать.

— Это грецкие, что ли? А признаться побоишься дома-то?

Вовка кивнул.

3

Разговор в учительской был серьезный.

— Что это вы вдруг надумали? — Елена Васильевна внимательно изучала приезжего.

— Просто так сидеть — скучно... Педагогическое образование у меня есть... Может, пригожусь? В облоно сказали: у вас дефицит учителей, поскольку дальнее село. Могу математику вести и даже рисование.

— Нас здесь всего семь человек,— грустно сказала Елена Васильевна,— все коренные, деревенские. Городские плохо приживаются. Одна приехала — мерзла все. Специально валенки купила, чтоб спать.

Они посмеялись и пошли смотреть школу.

— Видите,— она показала на стенд «Наши отличники»,— вместо фотографий — фамилии. Далеко ехать фотографироваться. До районного центра 25 километров.

— Надо организовать фотокружок,— сразу же предложил Алексей Павлович.

— В школе один мужчина — историк Иван Иванович, но он уже пожилой очень,— сказала Елена Васильевна.— Может, вы займетесь?

— Тихо как,— удивился Алексей Павлович.

— Так тридцать девять человек. На все восемь классов. А когда я училась, было сто пятьдесят.

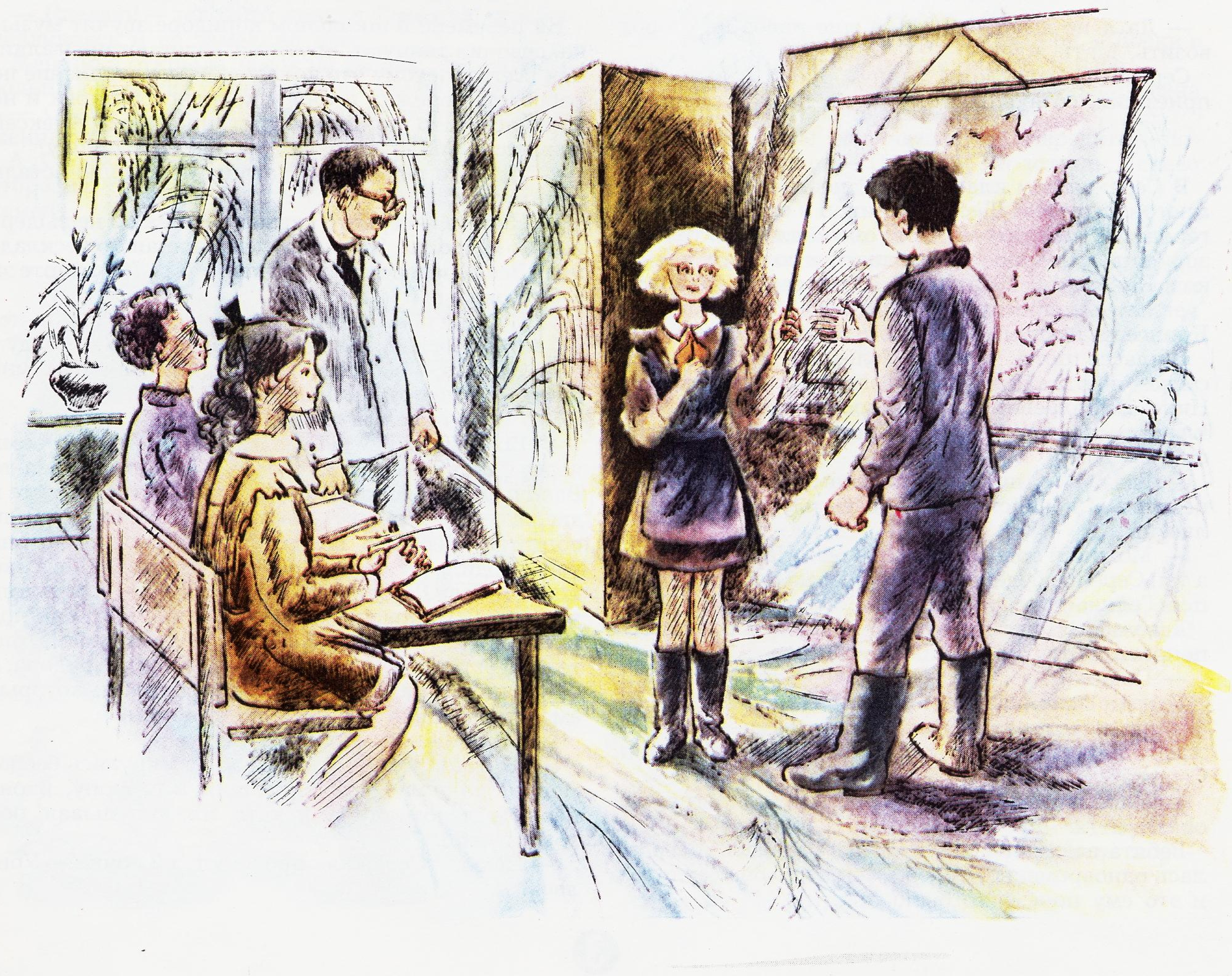
— А это кто рисовал? — спросил Алексей Павлович.

На большом листе бумаги было написано: «Образцы прически школьников» — и нарисованы красиво причесанные детские головы.

— Я... — смутилась Елена Васильевна.

— Неплохо,— похвалил Алексей Павлович, раз-

Девочка в толстых очках, беленькая и тоненькая, отвечала, а Сережа показывал на карте.



глядывая ее. Волосы Елены Васильевны были длинными и пушистыми, красиво спускались на плечи.

— Вы совсем еще молодая,— вздохнул он.— И вы молодец. Рад буду быть вам полезен.

— Ребята очень хорошие, в районной десятилетке их вундеркиндами называют,— немного похвалилась Елена Васильевна.

— Одни вундеркинды? — изумился Алексей Павлович.— А тот мальчик, Сережа?

— О, он в первую очередь...

А в шестом классе шел урок истории.

— Исторических событий каждый день происходит очень много. Одни события радуют людей, другие огорчают,— говорил небольшого роста седой учитель Иван Иванович. Ребята слушали внимательно. Они уважали его торжественную манеру ведения урока.

— В Новгороде открыли памятник Александру Невскому... Оксана, покажите нам на карте Неву и скажите, какое событие произошло в одна тысяча двести... Ну?..— И сам докончил:— Сороковом году. Что же вы, Оксана?

— Она теперь Катерина,— сказал Коля Горин.

— Разве? — удивился Иван Иванович.

— Я в «Грозе» играю,— покраснела Оксана,— мы с Еленой Васильевной ставим Островского.

— Прекрасно,— похвалил Иван Иванович.— Между прочим, шотландский исследователь Вильям Гранд провел в Гималаях пять лет — искал снежного человека.

— Нашел? — поинтересовался Сережка.

— Думает поиски прекратить,— уклончиво сказал Иван Иванович, явно переживая за Вильяма Гранда,— он считает, что снежный человек существует, но не может посвятить поиску его всю жизнь. Ну так... Никто из вас не имеет сообщить ничего такого, что бы пополнило сегодня науку историю?

Иван Иванович, словно готовясь услышать важное, поправил галстук, застегнул пиджак.

Сережка поднял руку.

— Ерохинская-то хата заколочена была который год, а теперь там жилец объявился,— сказал он, поднимаясь,— сам ему окна расшивал.

— Это событие в историю не войдет,— сказал Иван Иванович очень мягко.— Оно не имеет большого значения.

— Как же не имеет? — удивился Сережка.— Была изба, а будет дача. Жилец-то городской...

— Что ж,— Иван Иванович внимательно посмотрел на Сережку,— может, ты и прав. Даже наверное прав... Этим явлением когда-нибудь займутся историки... А пока продолжим урок. Наташа, вы готовы отвечать?

Наташа пошла к доске, по привычке вначале оправив фартук.

— А по карте можно я, Иван Иванович,— заторопился Сережка,— честное слово, я выучил.

Наташа засмеялась, протянула ему указку...

— Ты на ферму сегодня идешь? — спросила Наташа, когда они вышли из школы.— Твоя очередь...

— Пойду,— вздохнул Сережка. Школьную работу на ферме по программе трудового обучения он работой не считал. Игрушки все это, для вида. То ли дело — самому работать, самому отвечать, самому и зарплату получать.

— Ты, небось, на деньги жадный,— угадала его мысли Наташа,— у тебя одна работа на уме.

— А чего ж,— пожал плечами Сережка,— и деньги не помешают... Мать-то у меня слабая...

Они шли рядом неспешно, казалось, что вокруг и не видели ничего.

— По весне огороды пахать будешь?

— Хотел... Жалко, Серый сдает. Конюхи ему все в последнюю очередь, старый, мол...

Он огляделся — снег совсем отступил с полей, земля на пашнях тянулась к солнцу и наполнялась водой, все больше и больше растворяя в себе последние остатки зимы.

— Летом буду телят пасти — Серого на свежей травке поправлю... А тебя корзинки научу плести, хочешь? Разноцветных прутиков наберу... Ольховые прутья — те оранжевые, узором вплетем — красота.

— Я, небось, не различу,— грустно сказала Наташа,— вот вылечат меня, тогда...

Сережка с сожалением глянул на не видящую всю окружающую их красоту Наташу.

— Ну, вылечат, конечно,— сказал он,— в Москве-то врачи зря не пообещают... А и пока нечего зря времени терять,— нарочно грубо оборвал он свою жалобную интонацию.— Руки-то у тебя в порядке?

— Сережка,— наконец окликнула его мать.— Иди-ка погреб спасать! Вода страшенная.

4

Сережка с матерью спасали погреб. Бежали прочь, унося коварную воду, проделанные Сережей ручейки.

— Штаны-то зашить надо,— ворчала мать,— жених...

— Чего зашивать... Новые давно нужны.

— Денег у нас негусто,— вздохнула мать.

— Ты б работать шла, а? — Сергей оперся на лопату.— Ну, чего ты, мам, всю зиму в избе сидишь? На все село одна ты такая.

— Да ты ж пойми,— огорчилась мать,— не могу я в помещении да с людьми, не выходит. Как дура делаюсь. Все забываю... Вот телят пасти — это мое. Ничего, скоро лето. Возьму опять телок и в дальний лес. Будут и грибы, и ягоды, и орехи.— Мать развеселилась, подтягивая низко над глазами спущенный платок.

— Мне бы пять рублей сегодня раздобыть,— вздохнул Сережка.

— Зачем это? — испугалась мать.

— Нужно. Занять-то не у кого?

— Еще чего,— мать снова надвинула платок на глаза,— сроду ни у кого не ходила, не просила.

— Вот и плохо.— Сережка ожесточенно заработал лопатой.— Среди людей живешь, а однаодинешенька...

Через час он вновь шел по деревне, приезжего увидел во дворе.

— Обживаетесь? А я Серого иду кормить.

— Серый — лошадь? — спросил Алексей Павлович.

— Конь. Старый.

— Что ж, его кормить некому?

— Боюсь, забудет конюх.

— Пойдем вместе, мне интересно. Я еще и села как следует не видел,— предложил Алексей Павлович.

Они шли, и Сережку все больше увлекала роль экскурсовода.

— Здесь церковь стояла,— показал он на покрытую водой впадину,— вон кирпичная кладка проступает... Ее немцы взорвали.

— Зачем? — невольно, как бы сам у себя, спросил Алексей Павлович.

— Кто их знает,— пожал плечами Сережка,— она, говорят, красивая больно была... Тогда в селе ровно тысяча домов была, так немец всех

жителей угнал, только сжечь все дома не успел. Некоторые из наших в лесу схоронились.

Он вдруг кинулся, перепрыгивая лужи, в сторону, туда, где были россыпью свалены березовые кругляшки.

— Кто ж так рубит, э-эх!

Паренек лет семи, тот самый первоклассник Вовка, насадив на топор кругляк, напрасно старался теперь избавиться от него. Из последних сил он взмахивал отягощенным топором выше головы и потом плашмя ронял его на землю. Сережка ловко расколол, поставил новый, замахнулся, ударил точно — снова развалил кругляк на две ровные половинки.

— Во как... Понял? Не обедал сегодня — сразу видать. Уроки выучил?

Вовка счастливо улыбался.

— Стихотворение осталось,— сказал он.

— Учи,— строго приказал Сережка.— Я завтра до уроков проверю.

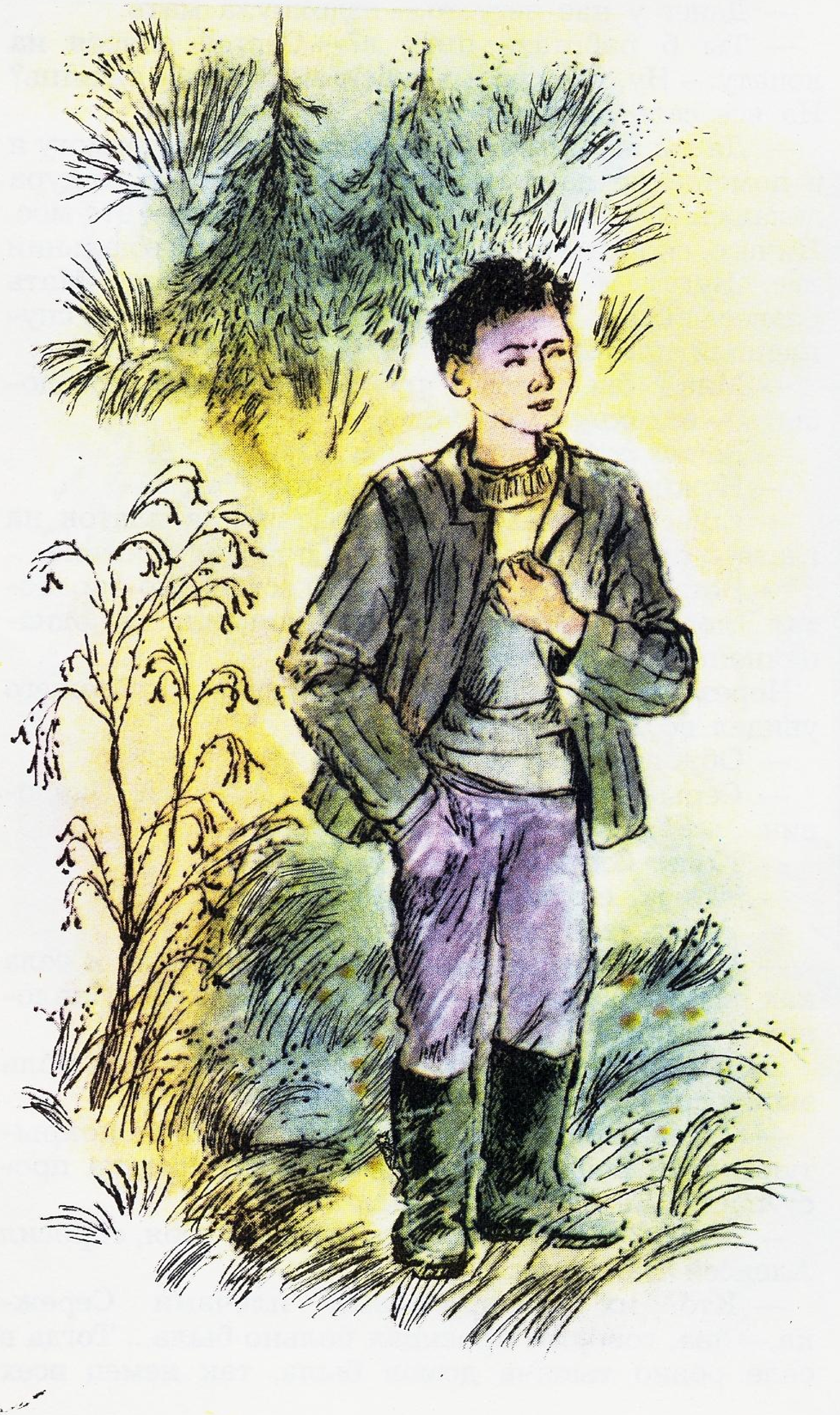
Он опять прыжком вернулся к Алексею Павловичу.

— Первоклассник,— объяснил он,— подшефный... У нас всего-то три человека в первом классе.

— Всего три? — удивился Алексей Павлович.— Если так пойдет, скоро совсем учить некого будет в вашей школе.

Они были заняты дорогой: то и дело обманывала ровная на первый взгляд поверхность — коварная вода ждала везде.

— Я почему люблю скворечники делать,— рассказывал, прыгая, Сережка,— у птиц детей много,



вот уж семьи так семьи... Поведись так на селе — одной школы не хватит. А то вон уж сколько изб заколочено стоит. Вы-то зачем приехали?

— Жить собираюсь. Пока...

— А работать где станете?

— В вашей школе.

— Что ж из города-то?

— Здоровье подвело... Врачи городскую жизнь категорически запретили... Да и самому суета надоела.

Сережка косо глянул на приезжего.

— Так и у нас жизнь не больно спокойная.

Они поднимались вверх пологим, уже согнавшим вниз весь снег и теперь просыхающим на солнце холмом. На открытой, свободной от деревьев и кустов его поверхности одиноко стояла простая скамья. На ней сидела старуха, сильно закутанная шалью, в больших, не по ее усохшему, сгорбленному телу валенках с галошами. Она не пошевелилась, увидев подошедших, только глянула и снова уставилась глазами в бело-голубую даль.

— Бабушка, слышь,— окликнул ее Сережка,— мы к вечеру с Наташкой придем, я печку-то подтоплю...

Старуха кивнула, но глаз не отвела.

— Сама-то не топи, слышь? — повторил Сережка.

Старуха повела рукой в рукавице.

— Красота... Вишь, просторно как...— сказала она, потом покачала головой и повторила горестно:— Красота...

— Тут немцы партизан вешали,— тихо объяснил приезжему Сережка,— и дочку ее повесили. Вот она и ходит каждый день. Я уж скамейку ей сделал, а то, бывало, встанет и стоит часами.

Алексей Павлович оглядел то, что открывалось глазу с холма,— сияла, переливалась, струилась влажная равнина...

— Красота,— повторил он старухино слово.

— Это все им в последний раз виделось,— Сережка глубоко вздохнул,— вот она за них и рада...

Он показал рукой вниз.

— А вон конюшня... Тут сухо, давайте бегом.

И он помчался вниз, отталкиваясь от земли и взлетая в упругих прыжках, как жеребенок.

Алексей Павлович спускался не спеша. Сережка поджидал его внизу.

— Мне пять рублей надо,— сказал он. — Взаймы не дадите? Под картошку огороды пахать начнем — я отдам.

Алексей Павлович, стараясь не показать, что оторопел, достал бумажник.

— Бога ради. — Он протянул Сереже деньги. — Зачем, если не секрет?

— Секрет,— улыбнулся Сережка,— оттого и прошу у вас. Наши сельские-то дотошные, а вы человек новый. — Он спрятал деньги. — Спасибо. За мной не пропадет. — И помчался дальше, туда, где стояли выпущенные на вольный воздух лошади.

— Эгей! Серый! — закричал Сережка.

Крупный костистый конь поднял тяжелую голову и тихонько заржал.

5

Их одноэтажная, длинная сельская школа под старыми ветлами, усаженными скворечниками Сережкиного производства, казалась тихой и необитаемой, как и любая школа во время урока, но солнце, разбивающееся о стекла, видело там, за окнами, детские лица, ровно тридцать девять на всю школу — не больше и не меньше. А первоклассник Вовка, глядя в солнечное окно, жмурясь и запинаясь, читал:

Сияла, переливалась влажная равнина... На скамейке одиноко сидела старуха...

Вот уж снег последний в поле тает.
Теплый пар восходит от земли...

Потом две девочки из Сережкиного класса, переплетя руки, понеслись в танце, а Наташа запела им музыкальное сопровождение. А Сережка поставил на подоконник клетку с синицами и распахнул окно. И оказалось, что у каждого школьного окна стоят ребята, стоят учителя и смотрят, как улетают прочь от неволи счастливые синицы.

— Это шестой класс для малышей устроил «День птиц»,— объяснила Алексею Павловичу Елена Васильевна.— И все Сережа Корнеев... Такой выдумщик...

— Кстати, он мне говорил, что уже сам деньги зарабатывает. Огороды пашет... Правда это?

— Сельский мальчишка в двенадцать лет не ребенок,— пожала плечами Елена Васильевна.— Что ж тут особенного? Он еще лекарственные травы в аптеку сдает.

Алексей Павлович нахмурился.

— Меня тут беспокоит этическая сторона. Какая в результате личность сформируется?

Малыши под руководством Сережки тащили через двор новые скворечники. Елена Васильевна помахала им рукой.

— Сережа может на лошади работать, хорошо знает трактор. Взрослые трактористы ему доверяют... Заработок вполне честный: огороды ведь надо пахать. Наверно, слышали, в Америке дети машины моют, с малышами сидят. Я это приветствую. Для подростка страшнее всего безделье. А Сережа... У него одна мать. Она... ну, в общем, она работать почти не может. Пять лет назад у Сережи брат утонул. Они плот сделали и перевернулись. У нас пруд глубокий очень. Он за Сережей нырял, спас его, а сам... видно, от холода. Осень была.

А тот, про кого говорила Елена Васильевна приезжему, на просохшем школьном дворе устроил с малышами игру в салочки. Ребята носились с визгом, иногда, спасаясь от настигающего Сережки, кто-нибудь мчался к стоящей поодаль Наташе, и она прижимала к себе малыша, кружила.

6

В совхозном овощехранилище ребята разбирали семенную картошку, вся школа и все учителя во главе с директором.

Елена Васильевна нагрузила ведро, разогнулась.

— Позвольте... Даме не положено.— Алексей Павлович оказался рядом.

— Нашли даму...— улыбнулась она,— я к первому уроку и рук как следует отмыть не успеваю... Хозяйство — корова, куры, утки. Отец у меня инвалид.

— Что ж помощника не завели?

— После института вернулась и, как видите, живу, не пропала и без помощников.

Она попыталась придержать ведро, но Алексей Павлович не отдал, так и понесли вместе.

Тут как раз и появился молодой мужчина в пиджаке и при галстуке, но в высоких сапогах. Деловым шагом направился к ребятам, придирчиво оглядел их работу.

— Ну-ка, ну-ка. Что ж вы гнилую-то с хорошей мешаете... Елена Васильевна, куда учителя смотрят, с такими работничками мы далеко не уедем.

Елена Васильевна посмотрела на две гнилые картофелины, которые демонстрировал раздраженный бригадир.

— Не надо,— тихо попросила она,— у нас девочка... вы же знаете... не хочется лишний раз подчеркивать ей...— Она показала в Наташину сторону.

Сережка встал рядом, сказал с усмешкой:

— Вот так другой раз на выгоне начнешь на телят кричать — считай, день пропал: и сам упаришься, и стадо не соберешь. Хороший пастух ласковым словом пасет. Это мне мать всегда говорит.

Он взял из рук бригадира гнилую картошку, отбросил в сторону.

— Моя вина. Больше не повторится.

Бригадир будто не слышал, смотрел, как отошла Елена Васильевна, как согнулась над картошкой.

— Сережа! — позвала Наташа.

Она сидела там, где было всего светлей, но все равно глаза ее за стеклами очков щурились. Сережка подошел, присел рядом.

— Это я, наверное,— грустно сказала Наташа,— хотя стараюсь, ощупываю каждую.

— А! — махнул Сережка досадливо.— Он же начальника любит показать, не знаешь, что ли?

— Не-а,— улыбнулась Наташа,— он в нашу Елену Васильевну влюблен, а ей этот... приезжий... нравится.

— Ух ты,— присвистнул Сережка.— Ну, ты даешь, Наташка. Как же ты это углядела?

— Дурак ты, Сережка.— Наташа старательно обследовала картофелину.— Это и слепой увидит.

7

Серый, наклонив скуластую от старости голову, пил воду из реки, стоял по щиколотки в воде. Сережка и Наташа сидели на берегу.

— ...Я долго воды боялся,— рассказывал Сережка,— а в пятом классе увидел один раз, как ты в воду полезла, и перепугался: вдруг утопнешь. За неделю научился плавать.

— А правда, что ты на дороге камни да палки подбираешь? Мне Оксана говорила...

— А что ж,— улыбнулся Сережка,— ты ж разиня. Пойдешь да грохнешься.

— Спасибо,— сказала Наташа.

Сережа подсадил ее на спину напившегося Серого, сам пошел рядом, держа коня в поводу.

— Давай малышне праздник устроим, когда занятия кончатся: поведем в лес, костер разожжем, соревнования какие-нибудь устроим. А еще я на Сером их покатаю,— фантазировал Сережка,— и

орехов хочу купить, грецких... Куплю и развешу на елках и березах. Побегают, побегают, а мы им потом: ну-ка, глядите, что у вас над головой... Вот это будут им Азорские острова.

— Еще можно серебряной бумагой обернуть,— поддержала Наташа,— или золотой... Будут орехи, как в сказке.

Они не спешили. Солнце еще только поднималось над уже покрытым легкой зеленью селом. Под высоким и просторным, бесконечным от голубизны небом орали петухи. Люди хлопотали у своих домов, делали первое и главное для сельского человека — обхаживали и кормили скотину: слышалось мычание, хрюканье, кряканье... Только старуха в большой шали безучастно сидела возле своей маленькой избенки, и мимо молчаливого этого хозяйства Сережка пройти не мог.

— Бабушка Дарья,— подошел он к старухе,— давай по-быстрому печку растоплю, воды я вчера наносил... Есть вода-то?

— Все есть,— разомкнула губы старуха,— кому ее пить-то, воду-то?

Она оглядела Серого и вдруг как-то оживилась:

— Ты не пахать едешь? Вспаши-ка мне делянočку, картохи посадить. У меня, бывало, мои-то до чего картоху молодую любили.

— Сегодня не смогу,— покачал головой Сережа,— сегодня мы на поле совхозную картошку будем возить. Я на днях приеду.

— А и правда — не надо,— снова угасла старуха,— это я так... На что мне? — Она махнула рукой за избу, где была делянка.— Пусть бурьян растет.

Сережка сильно тянул Серого за повод, Наташа улыбалась яркому солнечному свету и не видела, что Сережка идет, опустив голову.

— Слушай.— Он остановился.— Завтра Девятое мая, День Победы, а я делянку отказался вспахать. Будь у нее дочка жива — она без нас с тобой обошлась бы. Сколько бы тогда народу в избе было.— Он решительно развернул Серого.

— Пошли, Наташка, тебе тоже дело найдется. Устроим бабушке праздник. На то мы и тимуровцы.

— Да нас ждут, небось,— возразила было Наташа.— На чем они возить станут?

— Там еще лошади. А потом... Сколько тут работы? Я быстро управлюсь.

— Заругаются,— предупредила Наташа, но тут же захлопала в ладоши.— Ой, а я тогда блинов испеку! Пусть в избе праздником пахнет.

Наташка месила тесто и пела песню. Голову она низко повязала платком, и сидевшая у печки старуха слушала, дремала, и видно было, что довольна.

— Ладно ли он вспашет-то? — вдруг забеспокоившись, перебила она певшую Наташу.— Ты крикни поди, чтоб шибче налегал.

— Сережка-то? — звонко и счастливо сказала Наташа.— Да он разве чего не умеет? Чего его учить-то?

— А ты все же крикни,— настаивала старуха,— земля на делянке лежалая, ее вспушить надоть.

Наташа вышла во двор, обогнула избу. Сережка и Серый, оба привычно и легко резали делянку вспаханными полосами.

— Чего выскочила? — увидел ее Сережка.

— На тебя посмотреть,— засмеялась Наташа.

— Гляди-ка — посмотреть,— обрадовался этому слову Сережка.— А блины когда поспеют?

— Работай, пахарь,— сказала Наташа,— а там будут и блины.

— Ладно,— не останавливаясь, сказал Сереж-

— Зачем вы так? Вы же ничего не поняли! — закричала Наташа.

ка,— рассиживаться нам не придется. Сейчас кончу — и на овощехранилище. Жалко, Серый устанет.

Серый вдруг коротко заржал и в ответ услышал приветливое ржание — возле избы остановилась телега. Спрыгнувший с нее Алексей Павлович увидел и Серого, и Сережу за плугом, и Наташу в фартуке, с измазанными тестом руками.

— Смотрите-ка,— сказал он,— да тут настоящая идиллия. Там люди ждут, а он, пожалуйста, как ни в чем не бывало калымит.

— Что? — остановился Сережка. — Да тпру ты, стой! — крикнул он Серому. — Что значит — калымит?

— Деньгу зашибает, вот что! — крикнул Алексей Павлович. — А ведь в комсомол будешь вступать! Себе в карман деньгу зашибаешь, когда другие, товарищи твои, совхозную картошку на поле вывозят!

— Зачем вы так? — жалобно вскрикнула Наташа. — Вы ж не поняли!

— Помолчи,— остановил ее Сережка,— я сейчас приду, Алексей Павлович. Вот только допашу. Видите — немного осталось. Но, Серый, пошел, да пошел же!

— Ну! — Алексей Павлович развел руками. — Это уж ни в какие ворота не лезет. Он, видите ли, сейчас допашет. Ладно, будем ждать! Премного будем обязаны! Только на лошади ты сегодня уж работать не будешь. Я тебя отстранил.

Он прошел мимо Наташи, влез на телегу. Из избы показалась бабушка Дарья. Она не слышала, о чем разговор, и улыбалась радостно.

— Да куда ж не поемши блинов-то? — замахала она темной рукой Алексею Павловичу. — Праздник ведь. Блинков горяченьких...

Телега громыхала по дороге.

На овощехранилище Сережа, понятно, опоздал и работал без остановки. Нагружал и таскал корзины, нагружал и таскал. Запыленный, усталый Серый потянулся было к нему губами, но Сережка сделал вид, что не заметил, устанавливал корзины на телегу, не глядя по сторонам. Серый вдруг дернулся, попятился назад и даже присел в оглоблях. Сережка увидел, что мальчишка, ездивший все это время на Сером, изо всех сил затянул удила.

— Эй! — крикнул Сережка. — Ослабь-ка, да ослабь, тебе говорят!

— Не командуй,— басовито сказал мальчишка. — Ишь, привык командовать. Как хочу, так и затяну. Ты с лошади отстранен. — И, чтоб не быть голословным, он подтянул еще — Серый всхрапнул, задрал голову.

Сережа бросился на мальчишку, повалил его и, катая в пыли, приговаривал:

— Тебя б так... Я тебя научу с конем обращаться!

Ребята бросились разнимать, но Сережа уже оставил скулившего мальчишку, отряхнулся и начал перепрягать Серого.

— Отойди от коня,— приказал Алексей Павлович. — Корнеев, кому говорят, займись погрузкой. Теперь ты вообще никогда не будешь работать на лошади.

Сережка похлопал Серого по боку, ласково провел рукой по взмыленной морде.

— Небось, вы не в городе,— сказал он Алексею Павловичу. — На Сером я буду ездить. Он же не такси, он помереть может.

— Ну что ж, пусть Елена Васильевна сама разбирается,— как-то даже спокойно и очень устало сказал Алексей Павлович.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Отряд говорит

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕРЖИМ ШАГ!»

КОНКРЕТНОЕ, СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЕ ДЕЛО —

каждому пионерскому коллективу, каждому пионеру!

РЕЙД по пионерским отрядам и дружинам Белоруссии помогает нам совершать наш давний друг — газета белорусских пионеров «ЗОРЬКА».

СНОВСКАЯ ШКОЛА, Несвижский район. В школе два животноводческих звена. Одно помогает старшим на свиноводческой ферме: ухаживает за поросятами, кормит их, содержит в чистоте. Второе действует на птицеферме: выращивает цыплят.

ПЛЕМСОВХОЗ «ИНДУСТРИЯ», Коломенский район. Лида Прохорова организовала пионерское звено помощи свинаркам, среди которых трудится ее бабушка, знатная свинарка. Девочки не отказываются ни от каких поручений старших, определяют для себя будущую профессию.

ГОРНОСТАЕВИЧЕСКАЯ ШКОЛА, Свислочский район, Гродненская область. Мальчишки-четвероклассники создали в сарае небольшую кроликоферму. Пионерское звено мальчиков с косами и граблями выходило на заготовку сена, и теперь целый угол сарая завален душистым сеном. В ящиках хранятся свекла, морковка, капуста — овощи для кроликов выращивали на пришкольном участке. А клетки для кроликов мастерили под руководством школьного завхоза. Утепляют крольчатники, чистят их, готовят для кроликов питательный рацион мальчишки-пионеры по науке, изучая труды ученых-кролиководов. За год звено юных кролиководов сдало государству больше сорока кроликов. И на школьный счет было переведено больше двухсот рублей.

ДЕРЕВНЯ КОШЕВИЧИ, Петриковский район, Гомельская область. Тут одна только Таня Довжинец сдает государству сто — сто пятьдесят кроликов в год. Сама выращивает их, заготавливает корм на зиму, чистит клетки.

ДЕРЕВНЯ ВУЛЬКА-1, Лунинецкий район, Брестская область. Комбайны убирают хлеб, зерно сыплется в кузова машин, а вслед за комбайнами и машинами идут пионерские звенья. И ни один колосок не остается не замеченным в поле.

ЗАСКОВИЧСКАЯ ШКОЛА Молодечненский район. Пионерское звено помогало здесь на зернотоку разгружать зерно с машин, сушить его, готовить для очистки.

СКРИБОВСКАЯ ШКОЛА, Щучинский район, Гродненская область. На картофельных полях экспериментальной базы «Восток» помогали убирать картофель пионеры 4—7-х классов. Эти поля для них не чужие. Летом, в лагере труда и отдыха, пионеры Скрибовской школы пропалывали эти поля, окучивали картофельные кусты.

ВОЛОЖИНСКИЙ РАЙОН Минской области. Тут родился почин: «Садам — пионерскую заботу!» 1200 плодовых деревьев доверили школьникам в совхозе «ДРИЧИНСКИЙ». В первый же год члены ученической производственной бригады Прилепской школы собрали в колхозном саду около 9 тонн яблок. В совхозе «ОКТЯБРЬСКИЙ» Логойского района школе поручили шефство над садом в 16 гектаров. И ребята справились, растят хорошие урожаи. Пионерский отряд имени Зои Космодемьянской зачислил Зою в состав производственной бригады, трудится и за себя, и за героиню войны.

ПОСЕЛОК КОМАРИКИ, Брагинский район, Гомельская область. Пионеры помогали совхозу «Комаринский» наводить порядок в коровнике. Чистили, подметали, скребли. После дезинфекции белили стены. Убирали территорию совхозного двора.

А ГОРОДСКИЕ РЕБЯТА? КАКИЕ У НИХ УСПЕХИ?

ГОРОД ОРША, школа № 11. Тут создан в школе НАСТОЯЩИЙ ЦЕХ! Мальчики работают по заказу вагонного депо. Изготовляют кронштейны для огнетушителей. Освобождают много рабочих рук на заводе. Приходится немало потрудиться, пока бесформенный кусок металла превратится в деталь. У каждого нынешнего «специалиста» школьного цеха было такое время, когда он с опаской поглядывал на настоящие станки и инструменты, но не случалось, чтобы кому-то не удалось осилить все операции производства.

Это о мальчиках. А девочки? Девочки шьют салфетки с вышивкой для детского сада. По заказу «Легмаша» изготовляют рабочим рукавицы и передники. К праздникам и демонстрациям мастерят нарядные цветы.

За год ребята заработали в своем школьном цехе около ДВУХ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ.

с отрядом

ИНИЦИАТИВА, ТВОРЧЕСТВО, ПОИСК —

необходимы сегодня везде для ускорения социально-экономического развития страны.

РЕЙД по пионерским отрядам Молдавии помогает нам совершить газета молдавских пионеров «ЮНЫЙ ЛЕНИНЕЦ».

СЕЛО ИВАНОВКА, Котовский район. Близится весна. Где взять саженцы? Пионеры из отряда имени Вити Коробкова получили СТО САЖЕНЦЕВ — целую рощу — в лесхозе. Лесхоз поставил условие: в обмен на семена акации. Пришлось побродить по заснеженному лесу с шестами. Утопая по колено, а иногда и по пояс в снегу, пионеры шестами сшибали с веток стручки, полные спелых семян. Собирали их в мешки и на санках доставляли в лесхоз. Привезли всего 72 килограмма. Зато теперь вокруг школы-новостройки вырастет замечательная, красивая роща!

Инициатива пионеров села Ивановки принимается на вооружение!

БРАТУШАНСКИЙ СОВХОЗ-ТЕХНИКУМ И БРАТУШАНСКАЯ ШКОЛА ЕДИНЕЦКОГО РАЙОНА — друзья. Пионеры помогают совхозу-техникуму в хозяйстве, а совхоз-техникум — школе увидеть результаты своего производительного труда, пройти первоначальную профессиональную подготовку.

ПЕТЯ ГУЦУЛ, восьмиклассник, вырастил 180 бычков. За сезон они дали 16 тонн 200 килограммов мяса. Этого мяса достаточно, чтобы прокормить в течение дня население такого города, как Единцы. У ПЕТИ свой ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД: видеть каждого бычка в стаде. Изучить и полюбить каждого. Однажды, когда Петя пас стадо, он заметил, что один бычок не ест и не пьет. Петя согнал всех бычков в загон, а сам — на ферму. Оказалось, у больного бычка вздутие живота. Вовремя приняли меры и спасли бычка. А Петя сделал еще один ВАЖНЫЙ ВЫВОД: мало хорошо следить за кормлением и содержанием животных, надо изучить основы зоофетнауки.

ИЗ 400 ТОНН МЯСА, которые производит совхоз-техникум, 70 ТОНН — доля труда пионерских звеньев.

АЛЕНА МУЛИК, семиклассница, ПОНЯЛА, что не всегда самый лучший корм и рацион, составленный специалистами, дают высокие надои, высокую жирность. Бывают коровы с норовом, некоторым не нравится механический способ доения. Только ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК, основанный на научных знаниях и точных длительных наблюдениях, позволяет добиваться нужных результатов.

ИЗ 8000 КИЛОГРАММОВ МОЛОКА, которые ежедневно надаивают на фермах совхоза-техникума, 800 КИЛОГРАММОВ приходится на долю пионерских звеньев.

Творческий подход к делу в Братушанской школе запомним!

ПОСЕЛОК КАЛИНИНСК, Единецкий район. Посты бережливых в школе-интернате замечают сразу же любой непорядок: стул дал трещину, у двери ручка отваливается, окно открывается с трудом. В этой школе-интернате мальчишки все умеют: и починить, и подклеить, и прибить. НО чтобы время не тратить зря, все должно быть под рукой, на месте. МОЛОТОК, ПИЛУ, РУБАНОК, КЛЕЩИ ребята быстро могут получить на инструментальном складе. ПОРЯДОК — одно из условий обдуманного творческого труда.

Усвоим: порядок, организация труда — залог успеха! РЕБЯТА! РАССКАЖИТЕ, каким конкретным, социально значимым делом может гордиться ваш пионерский коллектив? Как учитесь вы проявлять инициативу, новаторство, смелость взять на себя ответственность за решение той или иной практической задачи? ЖДЕМ ПИСЕМ!

СКОРО ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СУББОТНИК!

МИНСК, школа № 42. В прошлом году здесь особенно организованно прошел ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СУББОТНИК. Анализ показал: УСПЕХ — в хорошей организации труда. На совместном заседании комитета комсомола и совета пионерской дружины решили: дело нужно найти каждому и всем сообщить заранее, кто где будет трудиться.

Часть ребят убирает двор производственного объединения «Горизонт». Это шефы школы. Другая часть ребят заботится о чистоте школьного двора, разбивает клумбы, готовит землю к посадке кустов.

Некоторые ребята отправились с подарками — лопатками и совками — в детский сад, дали там для малышей концерт. Три ремонтные бригады занялись починкой парт, приведением в порядок книг в библиотеке и наведением порядка на спортивной площадке.

Ну, а юные корреспонденты написали обо всем, что происходило в этот день, в стенных газетах!

Может быть, и вам пригодится опыт пионеров и комсомольцев 42-й школы города Минска?!

НАМ ЖИТЬ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ!

НАТАША ВОРВОЛЕВА, город АХТУБИНСК. Я не могу смотреть спокойно, как мальчишки срезают ветки деревьев, режут ножами стволы. Подумайте, если каждый срежет по веточке, погубит ствол дерева, наша земля опустеет, облысеет. Мы лишимся ее красоты. Ребята! Создадим зеленые патрули! Защитим нашу природу! Нам жить в XXI веке! НАПИШИТЕ МНЕ, что вы думаете об этом. Как защищаете природу?

101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11 этаж

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПИОНЕРА»

МЫ ЗА МИР!

Мы — за мир! Эти слова близки и понятны каждому советскому человеку и всем вам, наши читатели. А вот те, кто хочет нажиться на войне, кто кует оружие для новых ядерных и звездных войн, тем по душе иные понятия: «разбой», «агрессия», «захват чужих территорий», «беззаконие». Они твердят о «советской угрозе», стремятся скрыть от своих народов правду о мирных предложениях нашей страны, о ее миролюбии, о том, что мир нужен нам для того, чтобы строить новые города, растить хлеб, чтобы каждый из вас жил под мирным небом.

Коммунистическая партия, весь советский народ всегда считали и считают главной своей

задачей не допустить развязывания новой мировой войны, не допустить непоправимой катастрофы, которая приведет к гибели человечества.

Война или мир? Разум или безумие?

Сегодня за нашим традиционным «Круглым столом» и пойдет разговор об этом. А поведут его комментаторы Всесоюзного радио Николай Агаянц, Владимир Левин, Виталий Соболев и корреспондент международного отдела журнала «Журналист» Игорь Гапочка.

И. Гапочка. 25 октября 1917 года. Петроград. Смольный. Открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Делегаты съезда приняли единогласно Декрет о мире. Советская власть обращалась ко всем народам и правительствам воюющих стран с предложением прекратить войну и заключить мир. «Мир народам!» — провозглашал Декрет.

Советское государство — это государство мирное. Наша позиция — мир без войны. Мы за то, чтобы страны сотрудничали, чтобы между ними было дружественное соревнование, а не военное противостояние, чтобы безопасность мира стала возможной, стала реальной.

Л. Ленгтон, житель городка Коттэдж-Гроув, штат Орегон, США, со страниц одного местного журнала спрашивал свое правительство: «Вы говорите, что Советы — наши враги. И тогда надо решить — или разгромить их, или стать друзьями. Но какой же вред могут принести мирные решения Советского Союза?»

Действительно, какой?

Останутся без прибыли фабриканты оружия. Останутся без работы наемники, готовые отправиться в любую точку земного шара, чтобы жечь, грабить, убивать. Останутся не у дел генералы Пентагона, которые разрабатывают сегодня планы ядерной войны против СССР. Будут изгнаны политики, сделавшие карьеру на пропаганде войны.

В мире станет спокойно. Но врагам Советского Союза это не по нраву.

Автору письма, Л. Ленгтону, внушили, что СССР — «враг Америки» и что нужно изготовить как можно больше оружия, чтобы отразить «советскую угрозу».

Владимир Ильич Ленин писал: «Есть глупые люди, которые кричат о красном милитаризме; это — политические мошенники, которые делают вид, будто бы они в эту глупость верят, и кидают подобные обвинения направо и налево, пользуясь для этого своим адвокатским умением сочинять фальшивые доводы и засорять массам глаза песком».

Сегодня сторонники гонки вооружений хотят заставить свои народы смотреть на мир сквозь винтовочный и орудийный прицел.

В. Левин. Вам, ребята, хорошо известно выражение «гонка вооружений». Это значит, что оружия на Земле с каждым днем становится больше. Никогда еще в истории человечества не было столько оружия, сколько сегодня. Я приведу всего одну цифру: в настоящее время, как подсчитали ученые, в мире накоплено такое количество ядерных зарядов, что их мощность равна миллиону атомных бомб — таких, какую сбросила американская авиация 6 августа 1945 года на японский город Хиросиму. Задумайтесь над этой цифрой: миллион хиросимских бомб. Это значит невиданные страдания ни в чем не повинных людей, загубленные жизни более чем ста тысяч человек, умноженные на миллион. В Хиросиме и Нагасаки, куда через три дня после Хиросимы была сброшена вторая американская бомба, до сих пор умирают люди от последствий ядерного взрыва. Список жертв не закрыт и сегодня. Через поколение смертельная болезнь передается детям. Они прикованы к постели. Они умирают. Вот во что обходятся мирным людям этих двух японских городов две атомные бомбы, сброшенные сорок один год назад.

Что же будет с нашей планетой, если в действие будут приведены накопленные ныне запасы ядерной смерти? Ученые и на этот вопрос дают точный ответ. Даже в случае, если взорвется только часть накопленных ядерных зарядов, погибнет сразу половина человечества. А другая половина будет обречена на медленное, мучительное умирание от радиации.

В этих условиях люди Земли должны сосредоточить все усилия на прекращении гонки вооружений, должны сократить, и как можно скорее, количество ядерных запасов, должны наложить запрет на применение этого страшного оружия.

Советский Союз, социалистические страны так и ставят вопрос. Но правящие круги ведущих стран Запада, в первую очередь Соединенных Штатов Америки, не только не прекращают гонку вооружений на Земле, но и вынашивают планы распространения ее на космическое пространство. А это создает новую угрозу всему человечеству.

И. Гапочка. «Никогда не была столь грозной опасность, нависшая над человечеством» — так сказано в главном партийном документе, новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде партии. И вместе с тем, реально оценивая соотношения сил между социализмом и империализмом, между силами мира и силами войны, КПСС отмечает, что «никогда не были и столь реальными возможности сохранения и упрочения мира».

Жизнь показывает: мир сам по себе не придет. Его надо строить, укреплять, за него надо бороться всем — от мала до велика.

Знаменосец мира на планете — СССР еще летом 1985 года в одностороннем порядке ввел мораторий на все ядерные взрывы до конца года. СССР проявил готовность прекратить ядерные испытания полностью при условии, если США поддержат инициативу Советского государства.

Правительство США отказалось поддержать этот мораторий, и Советский Союз имел право, начиная с 1 января 1986 года, возобновить ядерные испытания. Но Советское государство приняло решение продлить односторонний мораторий на ядерные испытания еще на три месяца. Это практический шаг в осуществлении программы ядерного разоружения. Он, как и программа в целом, был изложен в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, сделанном в январе этого года. Программа рассчитана так, что, если правительства США и других стран примут ее, то к 2000 году на Земле больше не останется ядерного оружия.

Н. Агаянц. Хочу добавить еще вот что. Только в Организации Объединенных Наций СССР выдвигал около ста мирных инициатив. За эти предложения в ООН проголосовало большинство стран, их поддерживают люди доброй воли даже тех государств, чьи правительства не хотят принять советские инициативы. Миролюбивая политика Советского Союза вдохновляет борцов за мир на новые протесты, на новые марши мира.

Советский Союз не раз предпринимал односторонние шаги, которые на деле доказывают готовность нашей страны идти навстречу в любых переговорах, договариваться по любым спорным

вопросам. Мы проводили в одностороннем порядке ограничения разных видов вооружений, например, противоспутникового и ядерного оружия. И если бы подобные меры приняли также США и другие страны Запада, обстановка в мире изменилась бы коренным образом.

В. Соболев. Как ни велика угроза миру, создаваемая политикой империализма, предотвратить войну, уберечь человечество от катастрофы можно. В этом — историческое призвание социализма, всех прогрессивных, миролюбивых сил нашей планеты.

У Советского Союза много друзей. Это в первую очередь страны социалистического содружества — большая сила на нашей планете, без которой не может быть решен ни один вопрос мировой политики.

Успехи социализма велики и неоспоримы. Сила социалистического содружества в том, что это инструмент **коллективной** обороны против агрессивных намерений империализма. И Коммунистическая партия Советского Союза будет постоянно укреплять и развивать это содружество.

В. Левин. Вам, ребята, не раз приходилось слышать о том, что важным достижением социализма стало то, что между СССР и США, между странами, входящими в Варшавский Договор и НАТО, установился военно-стратегический паритет. Паритет — это значит равенство. И, достигнув такого равенства в военной силе, Советский Союз и наши сторонники опрокинули расчеты агрессивных кругов империализма на победу в ядерной войне.

Известно, что в правящих кругах США почти 15 раз всерьез обсуждался вопрос о возможности применения ядерного оружия против СССР. Но это было до тех пор, пока паритет, о котором мы только что говорили, не установился.

Сейчас даже самым воинственным представителям американского империализма приходится сдерживать себя. Как гласит английская поговорка, человеку, сидящему в стеклянном доме, рискованно швырять в соседей камнями. Что будет с ним и его домом, если хотя бы один камень полетит в него?

Пока сохраняется военно-стратегическое равновесие — мир гарантирован. Но наша цель в том, чтобы поддерживать это равенство на возможно низком уровне, чтобы вооружения не увеличивались, а сокращались, чтобы огромные средства тратились не на гонку вооружений, а на мирные нужды.

Советский Союз никому не угрожает. Требования наши законны и справедливы, они не ущемляют интересов ни одной страны. И с СССР можно вести разговор только на равных.

В. Соболев. Да, разговор со странами Запада, в первую очередь с США, необходим. Как вы помните, в ноябре прошлого года в Женеве было положено начало этому разговору. Тогда, в Женеве, разговор вели Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Михаил Сергеевич Горбачев и президент Соединенных Штатов Америки Рональд Рейган. Непростой это был разговор. Много разногласий у двух великих держав. Но факт, что этот разговор был начат, говорит о том, что есть, есть реальная возможность мир на Земле сохранить.

И. Гапочка. И у вас, ребята, есть сильное оружие в руках. Это ваш голос протеста — коллективный голос, голос всех детей планеты. Это марши мира советской молодежи, это ваша посильная помощь детям Анголы, Никарагуа, Эфиопии, Афганистана, куда вы шлете посылки с игрушками. Это ярмарки солидарности, коммунистические субботники, трудовые дела и перечисление заработанных денег в Советский фонд мира. В школах вы создаете клубы интернациональной дружбы, которые помогают вам укреплять братскую дружбу с детьми трудящихся всех стран. Если будут дружить дети на всей Земле, то они сохранят эту дружбу, и став взрослыми.

Фотографии Т. БАЖЕНОВА

Салочки с прыжками

На следующий день Сережа сделал уроки, вызвал Чипа, и сначала они просто поболтали о том и о сем.

Когда они вдоволь посмеялись и поиграли, Сережа спросил его:

— Чип, а как же ты все-таки умножаешь? В прошлый раз ты так и не успел рассказать.

— А ты хорошо усвоил, как я складываю?

— Да, ты же меня научил — салочки пальцами.

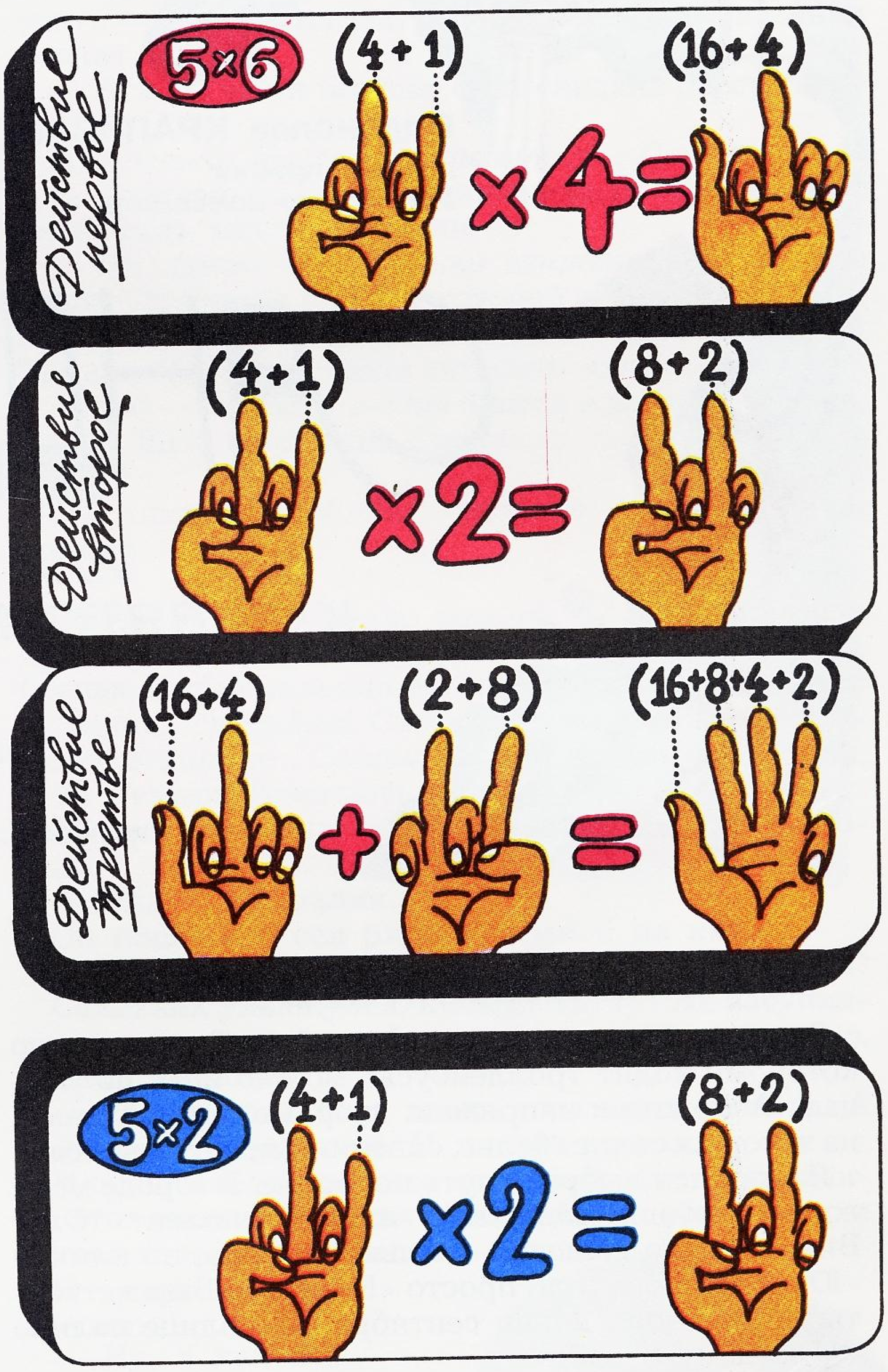
— Ну, а здесь те же салочки, только с прыжками. Например, хочешь ты число на 2 умножить — сдвинь все пальцы на один, хочешь на 4 умножить — сдвинь на 2 и т. д. Скажем, было у тебя число 5 — это 4+1, то есть мизинец и средний палец — помнишь? Умножим его на 2: 4 превратится в 8, а 1 превратится в 2. Получится безымянный палец и указательный. На один палец прыгнули влево. Ну, а если 5 умножить на 4, то все прыгнет на 2 влево, получится большой палец и средний — 20.

— Так это прыжки, — сказал Сережа, — а где же салочки?

— А салочки будут, если ты не на степень двойки (то есть не на 2, 4, 8 и т. д.) хочешь умножать, а на какое-нибудь другое число, например, на 6. Вот посмотри: 6 — это 4+2, значит, надо умножить наше число 5 сначала на 4 (прыгнуть на два шага влево), а потом на 2 (прыгнуть на 1 шаг влево) и сложить. 5×6=5×4+5×2=20+10=30. Ну, а складываем мы, как вчера: с помощью салочек. Так и получаются салочки с прыжками. Прыжок — салочки, прыжок — салочки. А если бы мы те же 5 умножили, например, на 7? Это 4+2+1, то есть мизинец, безымянный и средний пальцы. Будет прыжок на 1 шаг (когда 5 на 2 умножили), потом салочки, когда с исходным числом 5 сложили. Получится 15, а потом прыжок на 2 шага, когда 5 на 4 умножили и получили 20, потом снова салочки, когда к предыдущему числу 15 прибавили и получили 35. Вот тебе и все умножение.

— Чип, — задумчиво сказал Сережа, — а вот скажи, ты что, никогда не устаешь? Никогда тебе не надоедает все правильно делать? Пошалить никогда не хочется?

— Как не хочется? Иногда еще как хочется пошалить и нарочно напутать, — ответил Чип. — Только ни один компьютер, ни один калькулятор еще ни разу нарочно никому не навредил. Нечаянно бывает, если что-нибудь сломается или если неправильную задачу дадут, а нарочно — никогда. Никогда! Ну ладно, мне пора домой, а то мы заболтались.



Знакомство

От стен Херсонеса до проспекта Гагарина, по которому ходят троллейбусы, можно идти по улицам. А можно и напрямик: дворами, площадками, на которых сохнет белье, сквериками и пустырями.

Я старался выбрать путь покороче. В городе меня ждали друзья: капитаны яхты «Фиолент» Олег Вихрев и его сыновья — Алька и Юрка, по кличке «Юро́с-матрос» (или просто «Роська»). Был четвертый час. Стоял конец сентября, но солнце палило по-летнему.

Где-то в квартале от кинотеатра «Мир» тропинка вывела меня на площадку, заросшую высокой травой. На ее стеблях висели высохшие улитки. В траве лежали глыбы песчаника, изрытого впадинами. На ближнем камне сидел мальчишка.

Уперся локтями в коленки, охватил виски и не двигался. Только выгоревшие волосы шевелились в струйках теплого воздуха.

Неподалеку валялся полуоткрытый ранец.

Сперва я на мальчишку глянул мельком. Мальчик как мальчик. Светло-голубая рубашка с короткими, смятыми в гармошку рукавчиками, шорты цвета пыльной плащ-палатки, потрескавшиеся сандалетки на босу ногу. Обыкновенный четвероклассник из ближней школы. Только вот поза невеселая. Но и здесь, видно, дело обычное. Скорее всего, двойку схлопотал и не решается идти домой. Чем тут поможешь?.. Я все же еще раз оглянулся на ходу. В этот миг из-под мальчишкиной руки упала капля-искорка.

В десять или одиннадцать лет люди из-за двойки не плачут. То есть не плачут на виду у прохожих.

«Но прохожих здесь и нет,— попытался успокоить я себя. — Я один тут иду, да и то случайно...»

«Ну иди, иди... случайный прохожий»,— сказал ехидный собеседник, который сидит внутри каждого из нас. Я тихо чертыхнулся, медленно подошел и сел на другом краю камня.

Конечно, мальчик меня заметил. Ни движением, ни взглядом он этого не показал, только весь как-то напрягся. Я молчал.

Самое глупое в таких случаях спрашивать: «Что случилось?» В ответ будет или досадливое дерганье плечом, или сердитое сопение. А на второй и третий вопрос — короткое бормотание: «Ничего...»

Мы посидели с минуту. Потом я сказал негромко:

— Ну?

Он чуть всхлипнул и (вот удача!) отозвался:

— Чего?

Я проговорил осторожно:

— Вот и я думаю — чего? Так просто люди не роняют слезы среди бела дня.

Он шевельнулся, но голову не поднял.

— Вам-то что...

Тут не было ни грубости, ни желания огрызнуться. Просто горькая досада: какой, мол, прок от ваших вопросов?

Я придвинулся к нему на два сантиметра.

— Как «что»? Просто увидел, когда мимо шел...

— Ну и шли бы... — опять всхлипнул он.

— Интересно ты рассуждаешь. У одного человека слезы, а другой топай мимо, как на прогулке...

Мальчик всхлипнул сердито и решительно. Нагнулся еще ниже, дернул к себе ранец, быстро промокнул глаза растрепанным концом галстука. И тогда хмуро ответил:

— Ну и что? Ну и топают сколько угодно.

— Дело хозяйское. А я вот не могу, характер такой дурацкий,— с досадой сказал я (было ясно, что в клуб опоздаю).

Он сел прямо и наконец посмотрел на меня.

Галстук не помог, глаза все равно были мокрые. В них я не заметил ни капли неловкости за слезы. Эти глаза неприступно щетинились белыми ресницами, на которых блестели крошечные брызги.

Нет, не получилось разговора, не сумел я. Что-то не так сказал... Мальчик поднял ранец, застегнул, стал просовывать под ремешки руки. На меня опять не смотрел.

— Не уходи,— попросил я.— Может, я смогу тебе помочь.

Он равнодушно качнул головой:

— Никто не поможет.

— А все-таки,— сказал я с осторожной настойчивостью.— Ты ведь не знаешь, что я могу.

Мальчик мигнул. Чуть свел маленькие выгоревшие брови. Как-то иначе он сейчас глядел. Помягче. Даже чуточку улыбнулся.

— Время-то вернуть все равно не можете.

«Время вернуть не могу»,— подумал я. Но не признался в этом и спросил:

— А зачем?

Он бросил опять ранец и сказал с грустной доверчивостью:

— Потому что вот так получилось... Все пошли на экскурсию на крейсер, а меня — домой... Теперь все равно ничего не поделать, потому что давно ушли.

Вот оно что... Как же мальчишке хотелось на корабль, если дело дошло до слез!

Я мысленно прокрутил в голове список всех знакомых, которые имеют отношение к флоту.

— С этой экскурсией и в самом деле дело безнадежное. Но я могу договориться! Чтобы тоже на крейсер или какой-нибудь эсминец... Или хочешь на яхту? Большая яхта — это целый парусный корабль! И прокатиться сможешь!

Глаза у него быстро высыхали, в них засветилась искорка. Но ответил он серьезно и грустно:

— Да нет... Не в этом же дело.

— А в чем? Обидно, да?

Он ничего не сказал, только бровями шевельнул: и обидно, мол, и еще есть причины, сразу не объяснишь. Потом улыбнулся:

— А я вас помню.

— Да ну? — обрадовался я. Но не удивился. Мне приходилось встречаться с ребятами в десятках здешних школ.

— Вы в нашем классе выступали. В прошлом году.

— А в какой школе?

— Да не в школе. Мы в библиотеку приходили.

В Центральной детской библиотеке я встречался со школьниками множество раз. И чаще всего с третьеклассниками.

— Вы нам сказку про ржавых ведьм рассказывали...

— А-а! — сказал я. Про ведьм я рассказывал неоднократно. Но чтобы поддержать разговор, я «вспомнил»: — Ты, кажется, тогда еще вопрос задал: «Скоро ли эту сказку напечатают?»

— Нет...— Мальчик улыбнулся чуть снисходительно.— Я вопросов не задавал, я позади всех сидел... Да вы меня все равно не вспомните, нас вон сколько было. А меня даже на карточке нет.

— На какой карточке?

— Ну, мы тогда фотографировались вашим аппаратом, помните? Вы потом Тамаре Ивановне карточки для всего класса прислали.

Я вспомнил наконец! Вспомнил молодую и веселую Тамару Ивановну, ее шумный класс, толстую девочку Лену, которая сочиняет стихи, белобрысых близнецов Женьку и Федю, высокого тоненького Кирилла, который читал свой смешной рассказ про непослушную кошку... Но всех разве упомнишь!

— А почему тебя нет на карточке?

— Да так... Я не люблю сниматься, всегда смешной получаюсь... Наши ребята на заборе расселись, а я за акацию задвинулся. Только ноги получились.

— Ну вот, посмотрю на снимок и буду теперь знать — это ты сидишь за акацией, твои башмаки торчат.

— Ага... У меня там еще один сандаль расстегнулся...

Мне что-то смутно вспомнилось... Стоп...

— Слушай-ка, а на других снимках тебя нет? Мы ведь тогда много щелкали.

— На одном есть, только вдалеке. Там впереди Ленка Ловицкая стоит, у которой стихи, помните? И еще девчонки. А я сзади, на турнике вниз головой. А Тамара Ивановна меня поймать хочет...

— Да! — сказал я.— Она боится и кричит: «Ну-ка, слазь! Шею свернешь, Сандалик!..» Это ты — Сандалик?

Он шмыгнул носом, неловко заулыбался и кивнул.

Сейчас я уже хорошо помнил тот веселый час в просторном дворе библиотеки. Стук подошв, смех, боевые кличи мальчишек, визг девчонок. И оклики: «Санчик, Сандалик! Светку держи, она мою брызгалку стащила!.. Сандалик, иди к нам!.. Сандалик, тебя Тамара Ивановна зовет!»

Теперь мы были, можно сказать, давние знакомые.

— Сядем, Сандалик.

Он послушно сел рядом со мной на камень.

— Веселое у тебя прозвище. Ребята придумали?

Сандалик улыбнулся, кивнул. Но тут же насупился, сорвал сухой стебель, стегнул им по камню, сказал неохотно:

— Только это еще давно, в старой школе. А сейчас мы переехали. И школа другая...

И сразу стало понятно, что не в радость Сандалику этот переезд и новая школа. И что обиду свою и слезы свои он помнит.

Я спросил поспешно:

— Ну, а как все-таки насчет яхты? Устроить?

— На яхту я и так могу. Меня папины знакомые обещали взять...

— Ну, тогда на крейсер. Я попробую договориться.

— Да не в этом же дело, — повторил Сандалик недавние слова. И добавил сумрачно: — А вы даже и не спросили.

— О чем?

— Ну... может, мне так и надо. Что не взяли на экскурсию...

— Нет, — сказал я,— что-то не верит-

ся.— И добавил осторожно: — Мне кажется, если бы все было справедливо, ты бы не плакал.

Сандалик подумал и вздохнул:

— Не знаю...

— А за что не взяли-то?

— Да... — начал он. Замолчал, дотянулся до ранца, выдернул из него и раскрыл дневник. Там было начертано: «Накануне устроил безобразную драку, пытался избить товарища. Поведение 2».

Тихо свистнул я и отдал дневник. Отодвинулся, глянул на Сандалика со стороны. При коротком и непрочном знакомстве можно ошибиться в человеке, но я был уверен, что не ошибаюсь.

— Ты же никогда не лезешь первый. Как тебя довели до драки?

Сандалик затолкал дневник в ранец и устало объяснил:

— Да не было драки. Я его только пнуть хотел, да и то не дали... Ну, сил уже нет. Пристает, пристает...

Я не спросил, кто пристает, не это сейчас было главное.

— А с чего началось-то?

Сандалик нерешительно облизал губы, опять насупился:

— Может, я, правда, сам виноват...

— Не знаю. В чем виноват?

— Наверно, не надо было говорить, что Стрелецк — неправильное название. Получилось, что приехал откуда-то и сразу указываю... А я же просто объяснить хотел.

— Ты сначала мне объясни. При чем тут Стрелецк?

— Это весь здешний район так называется, потому что Стрелецкая бухта рядом.

— Я знаю. А почему неправильно?

— Потому что бухты перепутаны,— хмуро сказал Сандалик. — Я же не виноват... Раньше Стрелецкая бухта была Казачья, а та наоборот...

— Стоп, стоп, стоп! А откуда ты это взял?

— С карты... Вот. — Он снова полез в ранец, вытащил сложенный лист — желтый и сухо шелестящий. Развернул на камне.

— Ясно,— сказал я со смесью досады и удивления.

Это была карта Гераклейского полуострова времен Первой обороны — с Севастополем, с окрестными бухтами, с горами и балками. С русскими укреплениями, с французскими и английскими батареями и траншеями. С витиеватой надписью: «Планъ окрестностей городовъ Севастополя, Камыша и Балаклавы въ 1854 и 55 годахъ. Составилъ Кор. Воен. Топ. Штабсъ-Капитанъ Мотковъ 2-й».

— Ясно,— опять сказал я. — «Севастопольский сборник», второй том... Оттуда выдрал?

— Она еле держалась... У вас тоже есть такая, да?

— Есть... А у тебя откуда «Сборник»?

— Ой, да еще от бабушки. То есть от прабабушки и прадедушки. Прадедушка много книг собирал про Севастополь.

— Моряк был?

Сандалик кивнул:

— Папа говорит, он был на миноносце командиром. Ну, не самым главным, а каким-то помощником... А потом он курсантов учил. Только папа его не помнит, он еще до войны умер.

— Как же книги-то уцелели в войну? Тут такое было...

— Да, я знаю,— серьезно сказал Сандалик. — Одни развалины остались. Но книжки некоторые в погреб бабушка спрятала... А дом разбомбили.

— Бабушка погибла? — нерешительно спросил я.

— Нет, ей повезло. Она тогда под старым мостом пряталась. Знаете, такой старинный мост от водопровода, на Аполлоновке?

— Знаю, конечно.

— Она с папой пряталась, он годовалый был. А потом их на эсминце в Новороссийск вывезли.

Мы разговаривали, и я чувствовал, что Сандалику хочется скорее сказать о главном: о путанице с бухтами и своей обиде. Но мне было все интересно, что он рассказывает. Это во-первых. А во-вторых, не хотелось его огорчать раньше времени.

— Значит, раскопали потом погреб? — спросил я.

— Раскопали... Дом был весь разбитый, а заваленный погреб — целый. Потому что он старинный был, каменный. В нем еще в ту войну, при Нахимове, от бомбежки прятались. Ну, то есть не от бомбежки, а от ядер...

— Дом на Корабелке стоял?

— Да, вот здесь. — На карте в сантиметре от голубого завитка Корабельной бухты темнела чернильная звездочка.

— Отметил? — улыбнулся я.

— Да. Там сейчас новые дома, но мне это место папа показывал. А ему бабушка... Она еще долго жила, даже я ее помню. А дедушка погиб в первые дни войны, ушел — и больше ничего не известно.

— Весь ты до десятого колена здешний, севастопольский,— проговорил я чуть ли не с завистью.

— Конечно,— просто сказал Сандалик. Видно, он был уверен, что иначе и быть не могло. Он нетерпеливо, но вежливо помолчал: нет ли у меня еще вопросов? И опять ткнул в карту:

— Видите, эта бухта сейчас Стрелецкая. А здесь написано — Казачья.

— Вижу... — вздохнул я. — И на других планах видел. Только знаешь, Сандалик, наверно, это все-таки путаница.

— Почему? — Он глянул недоверчиво и требовательно.

— Ну, кто ее знает, почему... Слушай, пойдем куда-нибудь в тень, а? Я сейчас расплавлюсь.

— Пойдемте... Ой, а вы никуда не торопитесь?

— Уже не тороплюсь,— сокрушенно сказал я. И подумал, что капитан Вихрев и Алька меня, пожалуй, поймут, но Юрос будет долго дуться.

Мы сели на скамейку в тени двухэтажного дома. Сандалик расстелил карту на коленях. И опять спросил нетерпеливо:

— А почему путаница?

— Трудно сказать. Я сам столкнулся с этим случайно, когда писал один рассказ... Может быть, это пошло от генерала Тотлебена. Он в Первой обороне командовал инженерными работами.

— Ну да, я знаю! Ему памятник на Историческом бульваре.

— Да. У него про Оборону большущий труд, толстенные книги... Так вот, в самом начале Тотлебен перечисляет бухты в том же порядке, что здесь.

— Вот, и правильно! — обрадовался Сандалик. — Раньше же лучше знали! А потом перепутали...

Я подумал: для меня это случайный разговор, а у Сандалика из-за давней неточности названий всякие неприятности и обиды. Я сказал осторожно, боясь обидеть его еще больше:

— Видишь ли, у того же Тотлебена потом написано... Я не помню точно, а смысл такой: когда французы и англичане еще делали первые разведки, их четыре корабля встали у Стрелецкой бухты и вели огонь бомбами по Александровской батарее... Вот по этой, там сейчас яхт-клуб.

Сандалик смотрел непонимающими глазами: ну и что, мол, из этого?

КАЗАЧЬЯ БУХТА
НОВАЯ ШКОЛА
НОВЫЕ ДОМ
ЮЖНАЯ БУХТА

— Ты взгляни.— Я ногтем провел по карте.— Если эта дальняя от города бухта и в самом деле не Казачья, а Стрелецкая, значит, корабли должны были стоять где-то здесь. Расстояние до батарей — километров двенадцать. А таких орудий, чтобы на эту дальность били, тогда и в помине не было. Самое большее — версты на три. Гладкоствольные же... Значит, корабли были все же вот здесь. Значит, вот эта бухта не Казачья, а Стрелецкая.

Сандалик с минуту смотрел на карту, потом опять поднял на меня глаза: и недоверчивые, и в то же время виноватые. Мне стало очень неловко, будто это я — причина всех его горестей.

— Кто-то в прошлом веке напутал, а при чем здесь ты?

— Им ведь это не объяснишь,— тихо сказал Сандалик. — Они и не слушают... Хохочут только да дразнятся.

— Кто?

— Ну... в классе.

«Пойдем в ваш класс,— чуть не сказал я. — Там я объясню вашим ребятам, в чем дело». Но тут же с досадой вспомнил, что сегодня суббота, а послезавтра я уезжаю.

Не зная, чем помочь Сандалику, я сказал:

— Ты все же это... Не унывай, держись. Ты все равно больше прав, чем они. Потому что хочешь разобраться, а им, видимо, все равно... Не ты же составлял карту, а штабс-капитан Мотков-второй... Ох и грамотей этот Второй! Смотри, даже название переврал: написано не Стрелецкая, а Стерлецкая.

Сандалик пригляделся к мелким буковкам и улыбнулся:

— Ой, верно...

Я сказал строго (чтобы побольше вины свалить на незадачливого штабс-капитана из корпуса военных топографов):

— К тому же по старым правилам здесь должна быть не буква «е», а буква «ять». Знаешь такую?

— Конечно. Я же «Севастопольский сборник» весь прочитал. И еще старую книжку про Синопский бой. Там тоже везде эти «яти» и твердые знаки... Из-за них мне и про драку написали...

Я ничего не понимал. Сандалик печально объяснил:

— Из-за памятника... Вы на Малаховом новый памятник Корнилову видели? Его недавно сделали вместо разрушенного.

— Знаю. Не видел еще, завтра собирался...

— Вы посмотрите внимательно, там сзади надпись есть. Про те битвы, где Корнилов сражался, и корабли, которыми командовал. Надпись такую надо ведь или всю по-старинному делать, как раньше писали, или всю по-нашему, верно?

— А там?

— А там по-всякому. Например, слово «тендер» с твердым знаком на конце, а слово «бриг» без. Название «Фемистокл» — с твердым, а «Двенадцать Апостолов» — опять без. Ну и еще... Я про это сказал, а они опять: «Ха-ха-ха, профессор...» — Глаза Сандалика снова намокли и ощетинились ресницами.

— А ты ничего не путаешь? Может, неправильно прочитал?

— Не путаю. Сами увидите... Они, наверно, думают, что я выхвалиться хочу. А я просто хочу, чтобы правильно... Обидно же за Корнилова.

— Нелегко тебе,— вздохнул я и подумал опять: «Чем же ему помочь?» А Сандалик глянул на меня сбоку и спросил про другое:

— А тот рассказ уже напечатали?

— Какой?

— Вы же сказали, что рассказ сочинили, тоже про эти бухты.

— А! Нет, я его так и не закончил... Я хотел о фрегате «Везул» написать. Он погиб в начале прошлого века, еще задолго до Обороны. Во время шторма. Выбросило его на берег в Казачьей бухте, вот я и разбирался, где Казачья, а где Стрелецкая...

— А почему не написали?

— Трудно сказать... Наверно, потому, что не люблю печальных концов. Там люди погибли. Среди них один мальчик, юнга...

Сандалик посмотрел внимательно и сказал:

— Жалко.

— Да... В общем, не получилось у меня.

— А вы про этот фрегат где узнали? Тоже из какой-то старинной книжки?

— Тоже... Есть такая, с описанием всех крушений в русском флоте. От петровских времен до Крымской войны.

— Всех-всех?

— Да. Много там всяких историй...

Сандалик придвинулся ко мне и сел поудобнее, словно решил, что эти истории я стану ему пересказывать. Потом вздохнул:

— Интересно, наверно...

— Конечно. Хотя и грустного много.

Сандалик понимающе кивнул.

— В позапрошлом году у волнолома буксир штормом разбило, тоже люди погибли. Слышали?

— Да, я знаю...

— Так обидно,— тихо проговорил Сандалик.— Совсем недалеко от берега.

— Крушения чаще всего и бывают у берега.

Сандалик задумчиво покивал и признался:

— Я тоже не люблю книжки с плохими концами.

— Наверно, никто не любит,— сказал я.

— Наверно... А все-таки интересно,— вздохнул он.

— Что? — не понял я.

— Ну, та книга. Про крушения кораблей.

Я уловил его тайное желание. А может быть, мне просто не хотелось вот так встать и распрощаться с Сандаликом. Я в самом деле не люблю печальных концов, а этот конец был бы вполне печальный. Так и останется мальчишка со своими обидами. Ничем я его не утешил, ничем не помог, никакой даже маленькой радости ему не сделал. Стоило ли останавливаться и садиться рядом?

Я сказал, почти не размышляя:

— Хочешь, я дам тебе эту книгу? Только на денек, послезавтра я уезжаю.

Он глянул удивленно. Недоверчиво. Обрадованно.

— А... как? А... она где?

Нам повезло: на проспекте Гагарина я увидел свободное такси, и мы домчались до гостиницы буквально в пять минут. И тут же покатили обратно: надо было доставить Сандалика домой.

Он сидел в уголке кабины, смущенный и слегка ошарашенный неожиданностью. Я сказал:

— У тебя сегодня вечер, завтра день и послезавтра почти день. Всю книгу, наверно, не прочитаешь, но кое-что успеешь.

— Ага... — тихонько выдохнул он. — А куда мне ее принести?

— Сможешь прийти прямо на вокзал?

— Конечно,— торопливо сказал он. — Я с первого класса один через весь город езжу.

— Поезд отходит в семь вечера. В полседьмого приходи к вагону номер шесть, я буду ждать.

— Ладно... — И дальше он всю дорогу молчал, только недалеко от кинотеатра «Мир» сказал: — Здесь остановите, я тут пешком доберусь...

Еще когда я ехал с Сандаликом в гостиницу, во мне зашевелились осторожные взрослые мысли. Книга редкая. Охотился я за ней несколько лет и лишь недавно «изловил» в Москве, в антикварном отделе Дома книги. Что я знаю про мальчишку? Где живет — неясно. В какой школе учится — тоже. Даже фамилию на дневнике не посмотрел. Как найдешь четвероклассника, про которого известно только, что зовут его Саша или Санька и прозвище Сандалик? К тому же это прозвище в новой школе, наверно, и не знают... А расспрашивать Сандалика я не решился. Решит еще, что я ему не доверяю!

Конечно, ничего плохого о Сандалике я не думал. Но я боялся разных случайностей. Вдруг не удержится и вытащит книгу на уроке, а тут эта самая учительница! «Дай сюда! Где взял такую книгу? Не отдам, пока не придут родители!» Или потеряет где-нибудь. Или еще что-то...

Но в конце концов шут с ней, с книгой. Если мальчишка не придет к поезду, я не о книжке думать буду. Из-за него изведусь, из-за Сандалика. А он может не прийти: мало ли какие причины готов нам подсунуть подлый закон «всемирного невезения»! Сандалик может просто опоздать, может неожиданно заболеть ангиной, может ногу подвернуть. Это еще ладно. А если будет спешить и не там побежит через улицу?..

Он не придет, а я буду маяться в вагоне от неизвестности и всяких мыслей...

Страх за мальчишек, видимо, у меня в крови. Первый раз я ощутил его давно, лет двадцать пять назад, когда повел купаться на озеро ватагу соседской ребятни. Простая мысль, что безопасность каждого гвалтливого и беспокойного пацана из этой компании зависит сейчас только от меня, вызвала колючую дрожь и нехорошую слабость в ногах. Но дрожь дрожью, слабость слабостью, а вскоре ватага превратилась в отряд. Появились походные палатки, фехтовальные клинки, парусная эскадра. И все это, как взрывчатой начинкой, было наполнено риском: походы по лесам и скалам, плавания по штормовым озерам, мушкетерские турниры, киносъемки с рыцарскими боями и абордажными схватками... И бояться приходилось каждый день. Даже в мелочах. Не пришел кто-то из мальчишек на вахту, и думаешь: не случилось ли что по дороге? Пошли ребята с занятий поздним зимним вечером — опять боишься за них. Ободрал кто-то колено или локоть — снова забота: хорошо ли промыли и забинтовали? Стоят ребята в ночном карауле — и сам спишь вполглаза...

Может быть, это и зря. Но никуда не денешься, такая тревога становится постоянной, как дыхание. И она уже не только о «своих». Она о любом, с кем ты хоть как-то знаком...

Такие мысли крутились у меня, пока я мчался на такси к яхт-клубу.

Я почти не опоздал. А Юрос явился еще позже меня: он учился во вторую смену, и к тому же его заставили переписывать задание по математике.

Мы весь вечер готовили яхту к выходу, а следующий день провели в море. Ветерок был так себе, небольшой, но все же плавание оказалось интересным. Особенно для меня, для человека, который бывает у моря неделю в году. К вечеру около десятка крейсерских яхт оказались недалеко друг от друга, когда шли от Херсонесского маяка в порт. Ветер перешел в норд-вест, сделался покрепче, и парусники, обгоняя друг друга, полетели к гавани мимо всех бухт Гераклейского полуострова: Казачьей и Камышовой, Круглой и Стрелецкой, Херсонесской и Карантинной... Море было очень синее, небо чистое, на волнах появились гребешки, чайки поворачивались клювами к ветру и останавливались в его потоках. А яхты набирали скорость...

Во время плавания тревожные мысли о Сандалике у меня рассеялись. На следующий день тоже некогда было беспокоиться, хватало других забот. И волноваться я начал уже на подходе к вокзалу. Опять стал думать: а вдруг не придет?

Конечно, так и получилось: была ровно половина седьмого, а Сандалика на платформе не оказалось.

Люди шли от троллейбусной остановки на платформу через мост над рельсами. Несколько раз я обрадованно вздрагивал, когда между прутьями перил мелькали коричневые ноги, а над поручнями проносились голубая рубашка и светлые растрепанные волосы. Но это были просто похожие на Сандалика мальчишки.

До отхода десять минут. Потом восемь.

Семь... Тут я впервые чертыхнулся. От души. Иногда это действует.

...Сандалик появился не с моста, а откуда-то сзади. С частым топотом и сбитым дыханием. Встал передо мной встрепанный и виноватый.

— Здрасте... Извините, пожалуйста. Ой...

— Ох и мчался ты,— сказал я радостно. — Что-нибудь случилось?

— Я к Люсе на минутку зашел, к своей сестре,— часто дыша, объяснил Сандалик,— она говорит: «Посиди с Тарасиком, я на пять минут в магазин сбегаю». Я говорю: «Я опоздаю». А она: «Я мигом, честное слово»... Еще слово дает! Ушла в магазин, а там очередь. А Тарасика ведь не бросишь, ему год всего...

— Не бросишь, конечно. А что это за личность — Тарас?

— Люсин сын...

— Значит, ты дядюшка!

— Да... — Сандалик заулыбался. И снова стал серьезным: — Вот книга. Спасибо.

— Много успел прочитать?

— Почти всю. Только приложение не успел. Да там уже не так интересно... — Сандалик помолчал и сказал потише: — Жалко того юнгу на «Везуле»...

— Да... — сказал я. И почему-то опять кольнула тревога за Сандалика.

А он отцепил от рубашки значок и протянул на ладони.

— Возьмите...

Это был значок из серии «Бастионы Севастополя» — «Четвертый бастион». Я взял, мельком пожалев, что не Шестой.

— А у меня и подарить тебе нечего.
— Да ну, дарить еще мне... — смутился он.
— Я тебе свою книжку пришлю. Скажи адрес. — Я вытащил блокнот и ручку.
— Давайте, я сам напишу.
Он принялся писать в блокноте. Я слегка нервничал: объявили, что до отхода поезда две минуты. Но сказал спокойно:
— А ты мне письмо пришли, ладно?
— Ладно. Только адрес тоже дайте...
Я торопливо начеркал адрес на листке.
— Не потеряй.
— Нет, что вы... — Он зажал бумажку в кулаке. И вдруг сказал: — А Казачья бухта в самом деле та, за Камышовой. Туда «Везул» и выбросило.
— Да. Зато насчет памятника ты прав.
Сандалик кивнул и потупился. Сказал шепотом:
— Только я не знаю, что делать.
— И я не знаю... В бронзе отлито, не исправишь так просто.
Сандалик свел брови и хотел что-то ответить, но радио громко заиграло «Прощание славянки» — под этот марш поезда уходят из Севастополя...

Мимо вагона проплывали белые дома на берегах бухт, корабли, маяки, портовые краны.
Я смотрел на берега, на суда, на вечернюю воду, но словно видел перрон и Сандалика. И думал, что прибавился еще один к моим знакомым — тем, кто подсказал мне многие повести и рассказы.
Впрочем, в тот момент я еще не знал, что буду писать о Сандалике. Казалось бы, что писать? Зачем? Никаких приключений с ним не случалось.
Но пришло время, когда подумал: расскажу про обыкновенный год из жизни обыкновенного севастопольского мальчишки. И сел писать. Тем более что теперь я знал про Сандалика гораздо больше, чем при первой встрече.

Сандалик и Одиссей

Про Одиссея знал в этом мире только один человек — Сандалик. То есть Санька.
Речь идет не о знаменитом Одиссее, про которого мифы, поэмы, разные книжки и даже кино, а о мальчишке с таким именем. Этот мальчик жил тоже в древние века, но все-таки позже того Одиссея.
Познакомился с ним Санька не сразу. Сначала он просто так приходил на развалины Херсонеса. Неподалеку от новой квартиры, на берегу Песочной бухты, был пляж, и Санька бегал туда по утрам. А дорога вела мимо каменной стены, за которой лежал заповедник — руины и раскопки старинного города. Как-то от нечего делать Санька и забрел сюда.
Санька бывал здесь и раньше — с Люсей, с отцом, несколько раз. Было интересно, конечно, только не так уж... А в это летнее утро Санька взглянул на все по-другому. Может быть, потому, что был один и никуда не спешил?
Кругом пахло тайной.
Темнели зарешеченные входы в подземелья. Подымались разрушенные серые башни и стены — такие древние, что страшно вздохнуть. Стояли среди колючих кустов одинокие мраморные колонны. Ступенями уходили в глубину развалины театра. Среди фундаментов от домов пестрела сложенная из морских камешков мозаика...
И пустынно было, тихо, только под обрывами отдаленно вздыхало море, да в теплой траве кто-то стрекотал и позванивал.
Саньке показалось, что под любым камнем здесь можно отыскать старинную монету, ржавый меч или другую до жути любопытную вещь.
...Ни монет, ни оружия он не нашел, зато набрал черепков от старинных кувшинов и ваз.
Особенно много интересного было на галечном пляже под обрывом, над которым висел колокол. Там среди омытых морем камней перемешались все времена. Древние осколки и пивные пробки, какие-то старинные ржавые пуговицы и обкатанные волнами обломки мрамора от колонн, крабьи клешни и кусочки чьих-то костей...
Однажды Санька погнался за юрким крабом, отвалил плоский камень и увидел, что в оранжевом черепке, как в ладошке, лежит черная гильза от старого автомата ППШ. И сразу вспомнил, какие здесь были бои во время войны с фашистами.
А может, это дедушка стрелял здесь, отбиваясь от врагов? Может, это от его автомата гильза?
Нельзя сказать, что Херсонес был безлюден. Кое-где работали на раскопках полуголые, черные от солнца студенты. Недалеко от берега ныряли, несмотря на всякие запреты, аквалангисты. И туристы бродили. Но люди как-то незаметны были среди руин. Никто не мешал Саньке быть одному. И здесь он впервые в жизни понял, что одиночество — это иногда очень неплохо. Можно ходить не спеша, думать о всяких тайнах, о людях, которые жили раньше, живут сейчас и будут жить потом... И вообще о жизни...
Но иногда одиночество надоедало. От него начинало звенеть в ушах. Тогда Санька «приклеивался» к какой-нибудь экскурсии.
Экскурсанты пестрыми группами ходили по камням, а бодрые тетеньки-экскурсоводы рассказывали, где какие были дома две тысячи лет назад, как в них жили гончары, воины и торговцы, какие кругом стояли храмы и статуи и откуда приходили в Херсонесскую гавань похожие на раскрашенных морских чудовищ корабли — в ту бухту, которая сейчас называется как-то по-больничному — Карантинная.
Иногда экскурсоводы показывали туристам большие разноцветные картинки. И Саньке давали посмотреть. На картинках было очень синее небо, разноцветные паруса в гавани, воины в шлемах с гребешками, рынок с пестрой толпой. В толпе среди взрослых сновали смуглые ребятишки. И однажды Санька увидел мальчика, с которым они были похожи.
У мальчишки были светлые волосы, коричневые руки и ноги и такие же, как у Саньки, сандалии из ремешков. Ветер трепал на мальчишке просторную белую рубашку или накидку, похожую на короткое платьице (кажется, она называется «туника»). Если Санька выдернет из-под ремешка свою рубашку, получится то же самое. И можно будет прыгнуть на две тысячи лет в прошлое, побежать на Херсонесскую площадь и разыскать этого мальчика.
Санька теперь понимал, чего ему не хватает в Херсонесе — такого вот товарища!
Но нет, просто так в древность не прыгнешь. Нужна была машина времени.
Санька сделал машину за два часа. Он взял сломанный будильник, нарисовал для него новый циферблат, где вместо чисел-часов были написаны тысячелетия, приспособил сюда же лампочку и батарейку, чтобы мигала,— вот и все!
Санька завел пружину, отвел стрелку на две тысячи лет против хода, нажал контакт и отнес

механизм в тайник под камнем в непролазных зарослях дрока (для всех, кроме Саньки, непролазных). Потом он распустил по ветру рубашку и, хлопая растоптанными сандалиями по камням, помчался искать в шумном городе Одиссея.

Они сидели на узкой набережной недалеко от храма с множеством колонн. Сзади шумела людная площадь, но здесь мальчишкам никто не мешал. Санька и Одиссей болтали ногами в теплой воде.

— Ты меня долго искал? — спросил Одиссей.

— Нет, я почти сразу угадал, где твой дом.

— А я тебя тоже сразу узнал.

— Как?

— Не знаю. Будто чувствовал.

— Я один раз все же спросил у каких-то ребят: «Где живет Одиссей?!» А они давай хохотать: «За золотым руном уплыл!»

Одиссей улыбнулся:

— Меня так назвали, потому что мой отец тоже моряк.

— Капитан?

— Нет, что ты! Матрос на торговом судне.

— Он далеко плавает?

Одиссей перестал улыбаться и кивнул:

— Далеко... Мама иногда плачет, если долго нет корабля.

— Это я знаю,— вздохнул Санька. — Наша мама тоже беспокоилась, когда папа на промысел уходил...

— А твой отец тоже матрос?

— Нет, он третий механик был на рыболовной базе. А сейчас на судоремонтном заводе работает мастером. Потому что база была старая, ее на слом отправили, а папу врачебная комиссия на берегу засадила. У него с сердцем неважно.

— А механик — это кто такой?

— Ну... вроде помощника кормчего.

— Наверно, он тоскует по морю,— серьезно сказал Одиссей.

Санька бултыхнул ногой, отгоняя медузу, и вздохнул:

— Наверно... Только он виду не подает, он веселый. Говорит: хватит болтаться по волнам, теперь буду жить на берегу и вас всех воспитывать. Это меня, Люсю и Тарасика. Тарасик — ее сын маленький, значит, уже папин внук.

— Какая у тебя большая сестра. А у меня сестры и братья все маленькие.

— У меня большая. Она хорошая... И муж у нее хороший. Гришей зовут. Он военное училище окончил, специалист по дизельным установкам.

— А это что такое?

— Ну... это чтобы корабли двигать. У вас паруса и весла на кораблях, а у нас машины.

— А, я знаю про машины! У нас тоже есть. Чтобы камни метать во врагов, когда война. И еще в театре для всяких фокусов... А на кораблях нет. У вас эти машины рабы двигают?

— Да что ты, у нас нет рабов! Горючее двигает. Ну, нефть сгорает, а от тепла сила такая.

— У нас еще такого не придумали. У нас нефть только для боевого огня, для войны...

— Ну ее, войну... — хмуро отозвался Санька.

Одиссей кивнул:

— Когда играешь — интересно, а если по правде, то плохо... Но если враги нападут, куда денешься?

— Если нападут — тогда конечно,— согласился Санька.

— На корабль, где плыл отец, один раз пираты напали,— сказал Одиссей. — Отец, знаешь, как здорово бился! И другие тоже... И потопили пиратов.

— Пускай не лезут,— сказал Санька.

— А один раз на корабле рабов везли на продажу,— нахмурившись, заговорил Одиссей. — Там хуже было. Рабы восстали, почти всех перебили, а отец прыгнул в море и два дня плавал, за пустой бочонок держался. Потом его дельфин спас.

— Да? Я про такие случаи тоже слыхал...

— У нас дельфины многих спасают. Это запросто,— сказал Одиссей. Но Саньке не давала покоя другая мысль:

— Все-таки это нехорошо — угнетать рабов...

Одиссей смущенно побулькал ногами и покосился на Саньку:

— Да... а что делать? У вас всякие машины придуманы с огнем, а у нас кто будет работать?

— А свободные люди, что ли, не могут работать?! — возмутился Санька.— У нас тоже никто не бездельничает! Не везде же машины... А твой отец — он ведь тоже работает, хотя и свободный.

— Но мы же бедные... У нас только два раба — одна старая женщина, она помогает маме с малышами возиться, да еще привратник. Он просто так называется «привратник», а вообще-то он за всем хозяйством смотрит... Да это только считается, что рабы, а на самом деле... ну, будто свои. Они с нами всю жизнь живут, никто их не обижает. А вот у богачей — там другое дело. И продают, и новых покупают, и убить даже могут.

— Свинство какое! — сказал Санька. — А вот если бы ты родился не свободным, а рабом, хорошо тебе было бы?

— Ой... — Одиссей поежился от такой жуткой мысли.

— Вот видишь! По-моему, ты должен бороться с рабством...

— Ну... я попробую,— проговорил Одиссей. — Только сейчас-то меня никто не послушает. Надо сперва выучиться, присягу дать на площади, тогда человек уже взрослым считается. Тогда можно выступать и требовать...

— У нас так же,— признался Санька. — Маленьких не слушают... А в вашей школе трудно учиться?

— Еще бы! У наставника палка вот такая... — Одиссей развел ладони. — А толщиной, как палец у взрослого дядьки.

Санька зябко пошевелил лопатками и торопливо сказал:

— Нет, у нас без палок. У нас учительница вообще очень хорошая, даже ругает редко... Только я у нее уже не буду теперь, она младших учит, а я третий класс окончил... И вообще я теперь в другую школу пойду. Потому что мы переехали.

— Купили новую усадьбу?

— Да причем тут усадьба. Папа здесь недалеко квартиру получил двухкомнатную. А старую горсовет оставил Люсе, Грише и Тарасику. А то, знаешь, как маялись вшестером-то...

Одиссей покивал, житейские заботы ему были знакомы.

— Пойдем, Александр, покажу в бухте отцовский корабль.

Они пошли, оставляя на камнях мокрые следы босых ног. Санька похлопал по колену снятой сандалией и попросил:

— Ты не называй меня Александром...

— Почему? — удивился Одиссей. — Очень хорошее имя. Означает «благородный».

— Я знаю. Но у нас так мальчиков не зовут, пока не выросли. Лучше — Санька.

— Сань-ка,— задумчиво повторил Одиссей. — Тоже неплохо... А у тебя есть какое-нибудь героиче-

ское прозвище? У наших мальчиков — у каждого. У меня — «Аргонавт».

— У меня тоже есть. Только не героическое,— признался Санька. — Просто... Сандалик.

— А почему такое? Ты быстрый бегун?

— Вообще-то да, я быстрый...

После детского сада Шурик Дальченко решил, что пора кончать с младенчеством. Имя ему не нравилось, оно годилось только для дошколят. И с первого школьного дня он решил стать Санькой.

Когда Тамара Ивановна знакомилась со всеми по очереди, он встал за партой и быстро сказал:

— Саня Дальченко.

Тамара Ивановна переспросила:

— Как? Сандальченко?

— Дальченко Александр,— с досадой повторил Шурик, и почему-то все засмеялись. А на перемене курчавый боевой мальчишка — Митя Данков — подскочил и крикнул:

— Сандальчик, пошли играть в брызгалки!

Шурик хотел рассердиться, но Митя смотрел очень уж весело. И к тому же он сказал:

— У тебя есть брызгалка? Тогда бери эту, у меня две! — И дал прекрасный водяной пистолет.

Как тут было обижаться?

С того дня и пошло:

— Сандальчик, дай резинку!

— Сандальчик, пошли каштаны трясти!

— Обожди, Сандаль, я скажу Тамаре Ивановне, что вы с Митькой девочек жуком пугали!

Через две недели в школе был кросс. Для всех — с первого по десятый класс. Санька так припустил по аллее, что даже многих пятиклассников обогнал. И Тамара Ивановна при всех сказала:

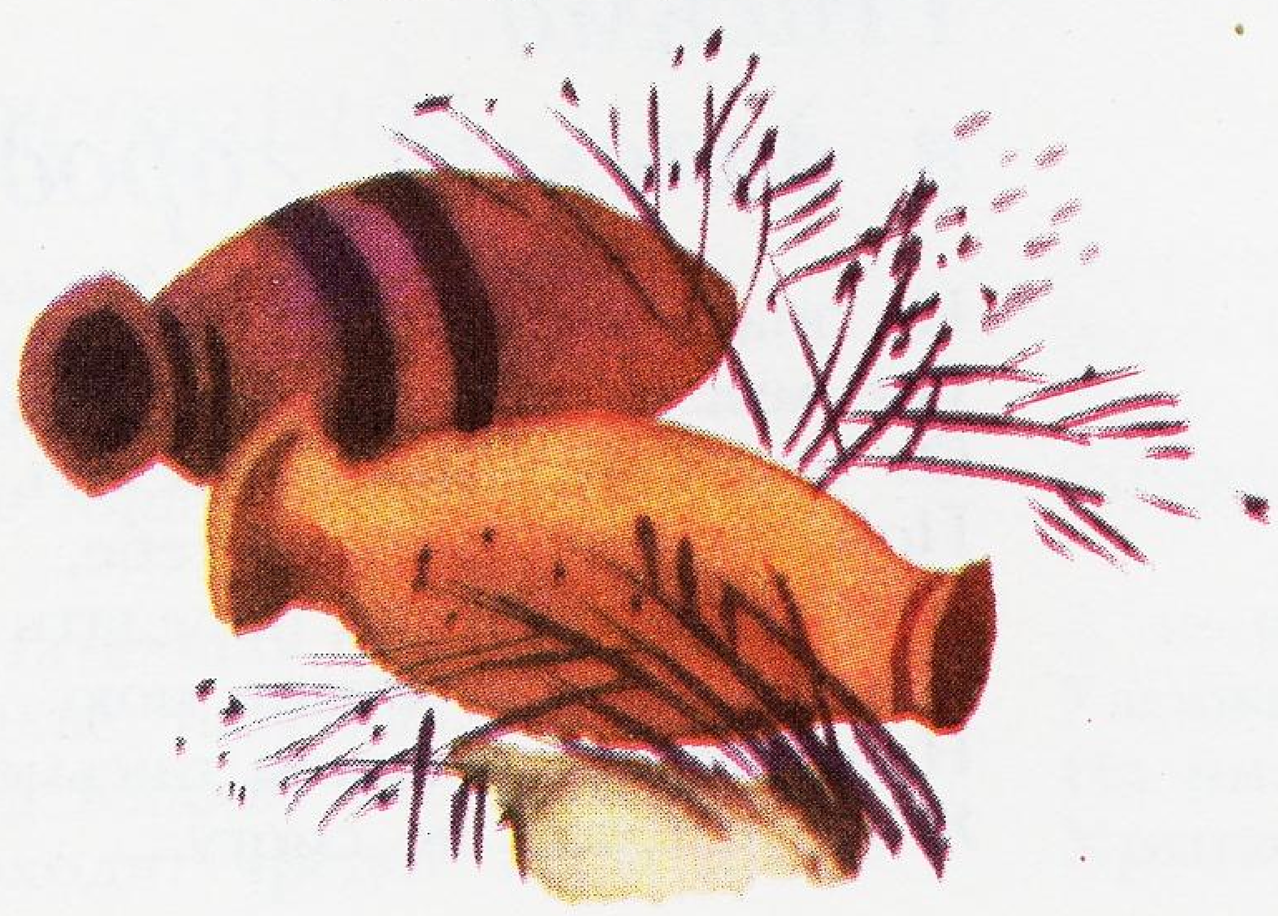
— Вот какой у нас замечательный быстроногий Сандалик.

И с того дня он стал Сандаликом окончательно. Конечно, не геройское прозвище, но и не плохое. Ничуточки не обидное.

В садике Шурика иногда дразнили девчонки: «Шу-уричек, он у нас хоро-оший...» Иногда, дурачась, гладили по головке, а иногда и щипали. Бывало, что до слез доходило, потому что наподдаст он какой-нибудь самой вредной (когда уж очень доведут), и получается, что сам виноват. А в школе все пошло хорошо. За быстроту Сандалика уважали, слишком задиристых девчонок в классе не оказалось, и мальчишки тоже были хорошие. Случалось за три года, конечно, всякое: и слезы бывали, и подраться пару раз пришлось, но в общем-то жизнь катилась без особых огорчений.

...А сейчас он думал: как будет в другой школе? Но не очень тревожился. С новым классом он как-нибудь познакомится. Санька теперь не детсадовский Шурик.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.



К 100-летию со дня рождения С. М. Кирова

Из письма пионерам и школьникам Ленинграда и Ленинградской области

5 ноября 1933 г.

Дорогие товарищи!

Великая Октябрьская революция широко раскрыла двери школы для всех детей трудящихся нашей страны.

Коммунистическая партия и Советская власть установили всеобщее обязательное обучение. Учеба в советской школе — большое, почетное и ответственное дело.

...Перед всеми пионерами и школьниками партия поставила большую задачу — стать сознательными строителями великого коммунистического общества. Для этого надо учиться, учиться и учиться.

«Без учебы, без знания — коммунистического общества не построить»,— говорил наш великий учитель Ленин. Поэтому только тот пионер, та пионерка, которые хорошо учатся, станут в будущем настоящими борцами-коммунистами.

Там, где в школе хорошо поставлена работа, где учителя с любовью относятся к своему делу, где ребята по-боевому дерутся за знания, там уже сейчас школы, классы и пионерские отряды добились серьезных успехов в учебе.

Но мы знаем, что далеко не все пионеры и школьники хорошо учатся. Немало ребят, которые пропускают занятия, не готовятся к урокам, сами плохо учатся и другим мешают.

Многие школьные парты и столы изрезаны, исцарапаны, запачканы стены в классах и коридорах.

Рабочие на бумажных фабриках и в типографиях ударно работали, чтобы дать вам к началу учебного года новые учебники, но многие учебники уже сейчас оборваны и грязны, а учебник должен жить несколько лет, по этим учебникам должны учиться не только вы, но и младшие товарищи.

...Дружным коллективом, под руководством своих учителей овладевайте знаниями. Соревнуйтесь в учебе между собой, помогайте отстающим. Настойчиво, с пионерским упорством изучайте математику, физику, химию, обществоведение, историю, родной и иностранный языки.

Изучайте нашу великую социалистическую стройку.

Посещайте заводы, фабрики, электростанции, трамвайные парки, автомобильные гаражи, колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции, пароходы, шахты, сланцевые, торфяные разработки.

Готовьтесь стать будущими квалифицированными рабочими, мастерами, техниками, знающими колхозниками, сельхозтехниками, инженерами и агрономами.

...Со своей стороны вы должны обещать, что будете еще лучше учиться. Помните, что «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которое выработало человечество» (Ленин).

С. КИРОВ

Юле САНДУЛЯК 7 лет. Она из Москвы.

Корабль с названием «Мама»

Мама! Так тебя люблю я,
Что не знаю прямо!
Я большому кораблю
Дам названье «Мама»!

*

«ХУДОЖНИЦА».
Рисунок Ларисы НАРЫШКИНОЙ.
7 лет.

Наташе АЛЕКСАХИНОЙ 11 лет, учится она в 377-й школе Москвы. Наташа очень любит свою бабушку Марину, посвящает ей стихи.

День рождения бабушки

Люблю я очень бабушку
Хорошую мою.
Пусть иногда не лажу с ней,
Но все-таки люблю.
Она трудолюбивая,
Не старая, красивая,
Пусть иногда сварливая
И капельку ворчливая...
Она меня учила
И шить, и вышивать,
И тихим зимним вечером
Укладывала спать.
Она мне помогала
В учебе и труде
И сказку рассказала
О волке и козе.

Сегодня день желанный,
Прекрасный, долгожданный:
Сегодня поздравляют
Все бабушку мою.
Она стоит, стесняясь,
От солнца заграждаясь,
Счастливо улыбаясь.
Сегодня ждем гостей мы,
Готовим пироги.
Сегодня — День Веселья
Для всей нашей семьи!

Юля ЧАШКИНА семиклассница, живет она в селе Купля Рязанской области.

Ледоход

Весна наступила,
И тронулся лед.
И как паутина
Дождик идет.
Льдина о льдину
Со скоростью бьется.
Речка проснулась,
С зимой расстается!
Лед уплыл в синеву,
И вздохнула река.
Снова тихо проходят
Над ней облака.

*

Стихи Оли СКАЛОН из Москвы. Оля учится в 7-м классе.

Весна идет!

Чуть веет тихий ветерок,
И по утрам царит прохлада.
И тонкий ломится ледок
В глуши проснувшегося сада.
Но вот и солнышко встает —
И вот уже растаял лед.
И птичек радостная стая
Кричит: «Весна! Весна идет!»
Вот первый побежал ручей,
И снег повсюду исчезает,
А шустрый, звонкий воробей
Нам о весне напоминает.

*

«Здравствуй, «Кораблик»! Я — Женя Мирошниченко, мне 14 лет, учусь в школе № 2 города Василькова в 7-м классе. Стихи сочиняю с шести лет. Моя сестра долго жила в Хабаровске. Тогда я написал стихотворение».

Письмо в далекий город

Не знаю, что и написать:
Рой мыслей мчится в голове.
От них стараюсь не отстать —
Побольше рассказать тебе,
Чтобы все чувства передать
И описать всю жизнь мою.
Наверно, ни в каком письме
Я это сделать не смогу...

«ПРОВОДЫ РУССКОЙ ЗИМЫ». Рисунок Аллы ПОРТНОВОЙ, 11 лет.

«Дорогой «Кораблик»! Посылаю тебе несколько своих стихотворных опытов. Мне 13 лет, учусь в 7-м классе, люблю читать. Особенно нравятся мне стихи современных поэтов: Евтушенко, Вознесенского, Рождественского. В них бьется пульс времени. Очень люблю читать Александра Грина, Гарсиа Лорку и Анну Ахматову. Много думаю о смысле жизни, хотя понимаю пока не много. С уважением. Лена Некрасова». Лена живет в Рязани.

Джоконде

Скользит по лицу улыбка
Веяньем легкого бриза.
Какие руки создали
Твое лицо, Мона Лиза?

Мечтательность и лукавство,
Веселье, надежда, насмешка...
Пред взором людские толпы
Проходят чредой неспешной.

Разрушились гордые скалы,
Иссякли быстрые реки...
Тебя Леонардо-волшебник
Оставил бессмертной навеки.

А люди смеются, мечтают,
Улыбки смывают слезами...
На них ты все так же смотришь
Хранящими тайну глазами.

ТИМУРОВСКИЙ ТЕАТР НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ

Сегодня мы хотим познакомить вас с необычным тимуровским коллективом. Это не штаб, не отряд, не команда. Это театр по имени «Тимур». Работает этот театр в городе Харькове. Во Дворце культуры строителей имени А. М. Горького. Играют на его сцене мальчишки и девчонки, а руководит «Тимуром» профессиональный актер Василий Евгеньевич Сидин.

В театре нет ни одного скучающего человека. Здесь они все — от мала до велика — актеры. И тимуровцы.

1. Что такое доброта?

—...Ленивые звуки, Оксана, ленивые — еле-еле во рту переваливаются. Четче, четче говори, с настроением!

Василий Евгеньевич дело говорит. И все это понимают. Текст нужен, а пока только каша. Еще раз начали!

— Бей, барабан, по злу и равнодушию!
— Бей, барабан, суровое оружие!
— Бей, барабан, по трусости и хамству!..
Идет репетиция...

В театре «Тимур» почти пятьдесят человек. Это пионерская труппа со своими реквизиторами, гримерами, костюмерами, осветителями. Это театр, на спектаклях которого в зимние каникулы побывало почти десять тысяч человек.

Конечно, спектакль, зрители, аплодисменты — прекрасно, здорово. Но больше всего артисты театра «Тимур» любят репетиции. Репетиция — это характер, трудолюбие, воля, выдержка. Это первая радость удачно сыгранной сцены, точной реплики, верного жеста.

Итак, идет репетиция сложного и очень ответственного спектакля. Это спектакль-плакат, спектакль-песня о современных тимуровцах. Называется он «Спешите делать добро!».

...Небольшая комната — репетиционный зал. Здесь тесно, когда соберутся все вместе, но очень уютно. Пестрые афиши на стенах, тимуровская библиотечка, яркие костюмы и декорации, выглядывающие из приоткрытых шкафов. И еще большой стол, за которым сидит режиссер, руководитель театра.

ВАСИЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Сначала он был таким же мальчишкой, как они — сегодняшние артисты «Тимура». И так же, как они, пришел в детский самодеятельный театр. Потом Василий Евгеньевич окончил институт, стал профессиональным артистом и много лет проработал в настоящих «взрослых» театрах.

Василий Евгеньевич высокий, худощавый, с добрыми глазами и обаятельной улыбкой. Он очень похож на молодого Дон Кихота. На порывистого, эмоционального, полного бесконечных добрых идей, думающего только о других и живущего только для других.

Ему необходимо постоянно общаться с детьми, поэтому даже летом он едет в пионерский лагерь старшим вожатым. И там тоже выдумывает, творит, зажигает идеями ребят. По его предложению обычный лагерь превратился в Гайдароград. Каждая аллея и площадка, линейка и клуб носят имена гайдаровских произведений и их героев.

Воспитанники Василия Евгеньевича не забывают учителя и во взрослой жизни. Пишут из армии; встречая на улицах Харькова, останавливаются, радостно улыбаясь: «Здрасьте. Как вы? Как наш театр?»

...— По-вашему, доброта — это угостить малыша конфеткой? Или сказать на перемене приятелю: «На, возьми мою тетрадь... списывай»? Нет, если вы действительно так думаете, я с вами не соглашусь ни за что,— сказал Василий Евгеньевич.

Никто, конечно, так не думал. Только что это на самом деле — настоящая доброта? Вот ребята из театра, это точно, добрые.

Помогают ветеранам труда, заботятся о малышах. Дают спектакли в госпиталях, детских домах, подшефных селах. Пишут письма в армию и проводят десятки пионерских сборов, на которых рассказывают ребятам о своих сверстниках — тимуровцах. Это и есть доброта.

ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ. «Милые артисты! Спасибо вам за увлекательное путешествие в чудесную страну сказок! С каким вниманием, интересом, любовью смотрели на вас зрители — дети. Молодцы! Вы играете откровенно, задорно, с душой. У вас прекрасный коллектив, вы несете детям радость, учите их быть добрыми, смелыми, идти на помощь другу. Спасибо, спасибо, спасибо!» И. Ковтун, вожатая пионерского лагеря «Веселый».

ИЗ ПИСЬМА СОЛДАТА. «Получил ваше письмо перед самой отправкой в боевую часть, отдали прямо в машине. Очень рад, что не забывают в коллективе про старую гвардию. Значит, и мы что-то сделали для «Тимура». С. Кульбака.

— Доброта — это отдавать самого себя. Отдавать, не жалея, свое сердце, свое время, свою радость. А еще доброта — это решительный отпор злу. Мы должны сделать так, чтобы зал на нашем спектакле сжимал кулаки. Чтобы зритель уходил со спектакля с единственным желанием — побеждать зло. Запомните: зрителя нельзя отпускать равнодушным. Равнодушие — самое страшное зло на свете,— говорил Василий Евгеньевич.

Когда Рубена Чилутьяна не пускают на репетицию из-за посыпавшихся троек — ему рвутся на помощь сразу все. Когда болеет Оксана Хренникова — разговоры только о том, кто пойдет навещать ее сегодня, кто завтра. Так было в театре всегда. В театре «Тимур» равнодушных нет.

ИЗ ИСТОРИИ ТЕАТРА. ...Они были сорванцами. Гоняли на велосипедах, пели песни под гитару и были смелы, независимы, задиристы. А потом они стали театром. Не вдруг, конечно, не за один день. Много пришлось походить Василию Евгеньевичу по городу, чтобы собрать ребят.

— Стой, велосипедист! Мне твой трюк для спектакля нужен. Приходи. С велосипедом, конечно.

— Эй, гитарист, можешь спеть эту песню еще раз? В театре? Перед зрителями?

Было заманчиво, и они пришли. Были готовы петь, плясать, спрыгивать с потолка. Только где же театр? Его надо было еще создать.

Сейчас те сорванцы, первые артисты театра «Тимур»,— взрослые люди. Кто-то из них стал профессиональным артистом, режиссером, кто-то учится в Харьковском институте культуры, кто-то служит в армии. На их месте уже другие ребята: те, кто попросился в коллектив после спектакля в пионерском лагере, кого привел однажды друг на репетицию, кого нашел Василий Евгеньевич в инспекции по делам несовершеннолетних. Но есть история детского театра, веселые капустники, остроумные стенгазеты и, конечно, спектакли. Спектакли разные — от коротких десятиминутных этюдов до огромных театрализованных представлений. Таких, например, как городские Пушкинские праздники.

Пушкинский праздник — это грандиозный спектакль, в котором обычно заняты до тысячи человек. Спектакль-действо, спектакль-игра. Состязаются богатыри с волшебником Черномором, откуда ни возьмись врывается в зал чертенок из «Сказки о попе и работнике Балде», а старуха, жадная, сварливая, не предполагает, что останется у разбитого корыта. Одинаково интересно играть и зрителям, и артистам. Только артистам во сто крат труднее — у них за плечами многие долгие репетиции...

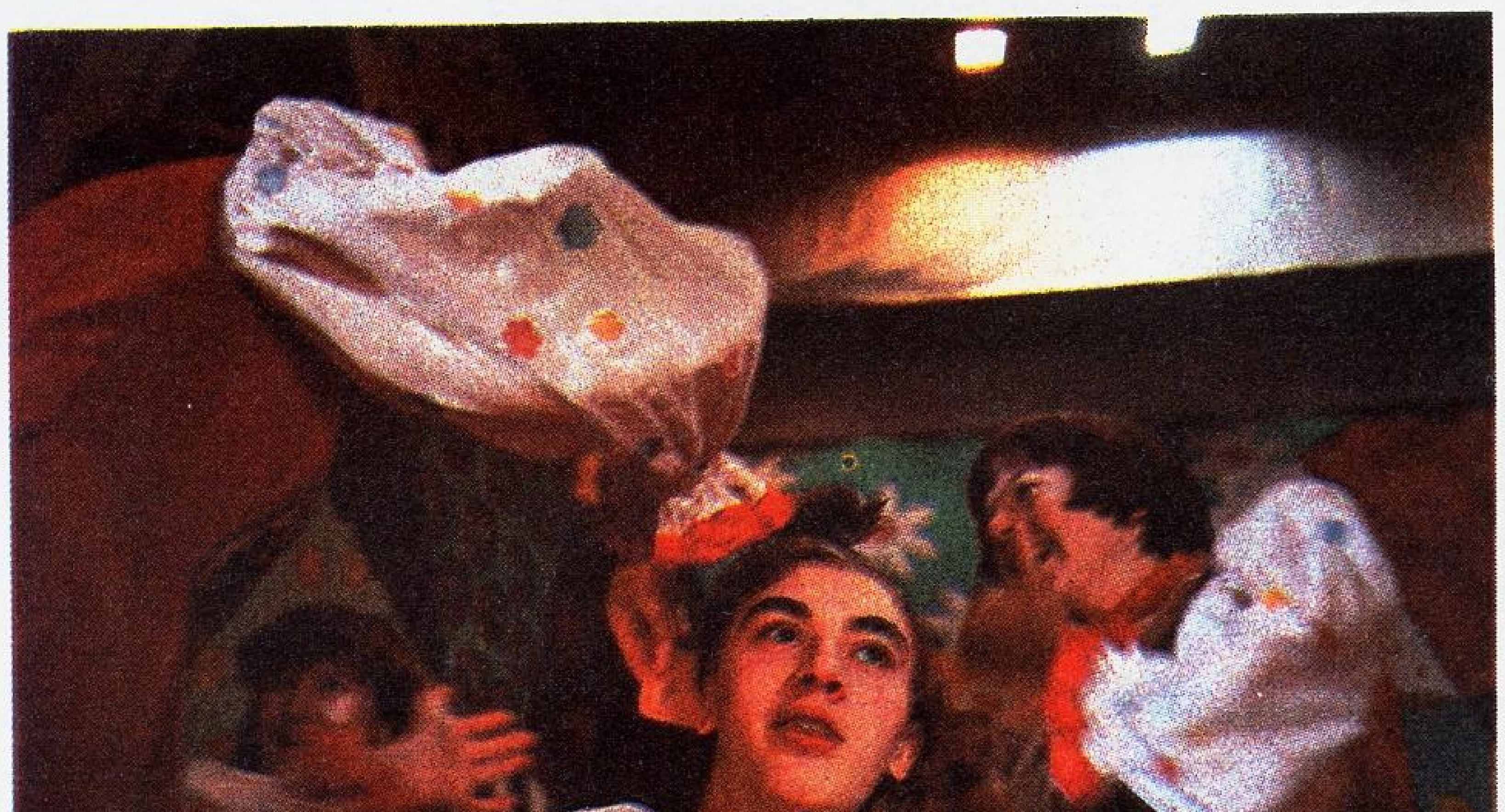
— Я знаю, что вам трудно, знаю. Но зрителю об этом знать неинтересно. Он пришел в театр, чтобы читать в ваших глазах радость, гнев, чтобы видеть спектакль, а не вас, уставших, с заплетающимися языками... Отбросили вялость, ненужные эмоции! Даем спектакль! Это по-тимуровски — оставлять в памяти людей свое дело... Дима и Наташа, начали! — говорит Василий Евгеньевич.

Репетиция длится уже больше часа. Откуда берутся у ребят силы? Они берутся из традиций театра. Из клятвы юного артиста, в которой сказано: «В любых ситуациях, при любых обстоятельствах оставаться тимуровцем. Быть стойким в труде, не ныть». Они не ноют, они стойкие по-тимуровски.

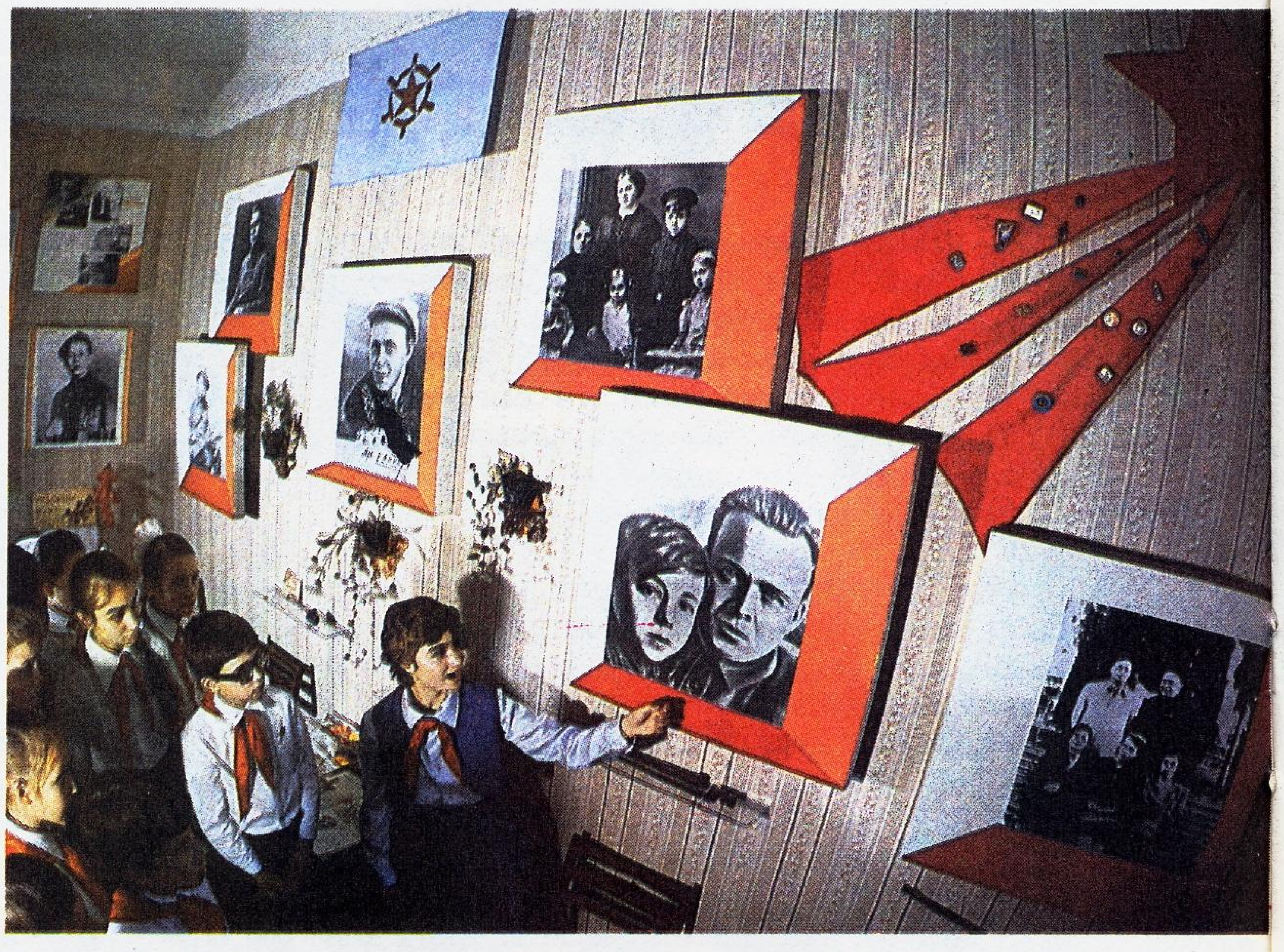
ДИМА БОРОВОЙ И НАТАША СОБОЛЕВА — ветераны театра «Тимур», хотя Дима учится в восьмом классе, а Наташа — в шестом. Оба они пришли сюда третьеклассниками. Дима тогда был маленький, писклявый, даже побаивался Василий Евгеньевич его на роли ставить. А он молодцом оказался, сыграл свою первую роль, Пашку Котикова в спектакле «Министр ее величества», не хуже старших ребят. Даже Виталик Ильницкий, который в паре тогда с Димой играл, похвалил: «А ты ничего, Димыч, оказался, молодец».

Тогда в театре двух таких друзей, как Дима и Виталик, не было. Они и сейчас дружат, переписываются, потому что Виталик служит в армии. А подружились ребята, когда Виталик учился в десятом, а Дима — в четвертом. И не просто подружились, а так, что «не разлей вода». Виталик для Димы как старший

Весело!



Главный Тимур театра — Володя Блинов.



Если нет репетиции — экскурсия по гайдаровскому музею.

брат: если обижал кто — заступался, а если Димка сам с кем-нибудь задирался — нездоровилось и ему. И Дима никогда не обижался. Наоборот, слушался во всем, помогал на репетициях.

Наташа Соболева такая же задорная, смелая, с любым мальчишкой поспорить не побоится. Когда она в спектакле Пеппи-Длинный-Чулок играет, на сцене такие трюки проделывает, что ловкости ее просто позавидуешь. Наташа — настоящая артистка. К любой роли относится серьезно и очень ответственно, как говорят профессиональные артисты, «выкладывается полностью». Даже к такой необычной роли, как в той игре...

2. Игра

Василий Евгеньевич дерзкую идею своих ребят поддержал. Он вообще всегда за эксперимент. А ребята предложили вот что: около одной из харьковских школ разыграть несколько сценок на тему «Тимуровцы и квакинцы»: квакинцы — артисты, тимуровцы — ребята из школы. «Нам интересно узнать, всегда ли тимуровцы ведут себя по-тимуровски», — объяснили ребята.

— Только помните: играете как для самих себя. Зрители рядом стоять не будут, — сказал Василий Евгеньевич.

— Будут, к сожалению, — вздохнул кто-то.

...Зрителей было сначала шесть человек. Они вышли на крыльцо и остановились. Мимо них неслась школьная детвора — кто на музыку, кто на баскетбол, а кто на турник во дворе. Девочки-пятиклассницы играли в классики. Группа мальчишек секретничала за углом. В общем, это была обычная картина около обычной школы.

Шесть зрителей не прыгали в классики, не обменивались марками, не подтягивались на турнике. Они стояли, раздумывая, чем бы заняться, созерцая округу. Этим спокойным, равнодушным видом, взглядом стороннего наблюдателя они сразу же привлекли наше внимание. Мы назвали их зрителями, и слово это было тогда обидным и страшным...

Мы присутствовали на необычном спектакле. Место действия — школьный двор. Время действия — школьная перемена. А действующие лица — школьники, артисты театра «Тимур», учитель труда, нянечка. Учитель окапывал грядки с четвертым классом, а нянечка иногда в самые ответственные моменты выходила на крыльцо: «А ну, не бегай! А ну, оставь! А ну-ка, прекрати безобразие!» Нянечка, похоже, пользовалась уважением, потому что после ее «А ну-ка!» безобразия временно прекращались.

Зато стоило учителю труда на минутку оставить своих четвероклашек, как тут же «безобразия» перекинулись на школьный огород. По только что вскопанным грядкам вихрем пронеслись «чужие» мальчишки. Чужие — не свои, значит, все в порядке. А свои не безобразничали. Они просто побросали лопаты и лениво уселись прямо на землю. Пришел учитель. Он разогнал чужих и заставил работать своих.

...Эх, если б это был не Толик, а какой-нибудь другой мальчишка, Наташа бы ему показала. Она отбила бы у него охоту в следующий раз задираться. Но тут надо было терпеть, иначе задуманный эксперимент не состоялся бы.

Толик вошел в образ. Он не давал Наташе проходу, он отобрал у нее портфель и, похоже, собирался погонять его по двору вместо мячика. А Наташа, едва сдерживая слезы, отбивала, как могла, свой портфель. Так хотелось заплакать — случай необычайный с Наташей — и не из-за портфеля, а от обиды. Ни один — ни один! — не заступался за нее уже двадцать минут.

Наталья заревела. И тогда терпение у девочек-пятиклассниц лопнуло. Они, оставив свои классики, налетели на Толика.

Интересно, о чем думал Толик, когда мчался от толпы разъяренных девчонок далеко-далеко, прямо до леса? Может, он бубнил тихонько себе под нос: «Мы так не договаривались», — а может быть, радовался, как настоящий артист, сцене, которая затронула в конце концов сердца зрителей? Толику не

поздоровилось. Но кто из артистов не знает, что искусство требует жертв?

...Валере повезло больше. Лучшие друзья — Валера, Саша и Володя Блинов — на время стали врагами, задирались, толкались, говорили обидные слова. И не видать бы Валере спасения, если бы...

— А ну-ка! — раздался зычный, требовательный голос нянечки. — А ну-ка, прекратить!

С тряпкой в руках нянечка молниеносно оказалась рядом с компанией. Володя и Саша бежали с «поля брани», оставив друга под нянечкиным крылом. И та, крепко взяв его за руку, повела в школу. «Я тебя сейчас, милый, пока спрячу, а их прогоню. Тогда и выйдешь», — сказала она. Но прятать, к счастью, Валеру не пришлось. Заступился один восьмиклассник: вывел его на улицу через запасной ход.

Правда, не позавидуешь Володе Блинову. Главному Тимуру театра роль была особенно тяжела. Одно дело — вмешаться в драку, когда обижают кого-то, но чтобы самому, да еще своего друга...

Они сидели все вместе на своем сборном пункте перед школой.

Картина школьного двора не менялась. Девочки прыгали, мальчики шептались, новые зрители — ах, если бы их не было! — стояли по-прежнему на старом месте.

Кто они, эти равнодушные, спокойные ребята? Неужели среди них были и тимуровцы школы, расположенной на улице Тимуровцев?

Этот вопрос мы задали школьному тимуровскому штабу на следующий день после игры. Оказалось, тимуровцы не знали о том, что творилось на их дворе вчера. А в другие дни?..

На разговор с нами пришли и артисты театра. Им хотелось завершить свой эксперимент-игру на тимуровском школьном штабе.

Штабисты очень хорошо объяснили нам, какими должны быть современные тимуровцы.

— Тимуровец должен быть примером во всем, помогать и младшим, и старшим... Сам проявлять инициативу... Он должен быть добрым, отзывчивым, активным, не бояться трудностей, а еще скромным, смелым, честным, неравнодушным.

И вдруг — неожиданное мнение:

— Идеального тимуровца даже в самом лучшем тимуровском отряде не может быть.

— Почему? — спросили мы.

— Потому что бывают моменты, когда и тимуровец чего-то не замечает. Он идет сейчас к ветерану, знает: завтра отчитываться на сборе, его похвалят. И думает: зачем выручать девчонку, которую обижают? Кому об этом расскажешь? Кто за это похвалит? Так ведут себя эгоисты. А если человек — эгоист, он не сможет быть тимуровцем.

Потом мы спросили ребят, как они борются с квакинцами.

— Сначала говорим с ними по душам. Не понимают — приглашаем на тимуровский штаб родителей, и с ними говорим о поведении их ребят.

— Помогает?

— Часто да.

...Разговор на тимуровском штабе получился серьезный, длинный. Помогли его провести артисты из «Тимура». И тебе, читатель, мы хотим задать вопросы, на которые ты обязательно ответь, нам важно знать твое мнение.

КТО ТАКОЙ НАСТОЯЩИЙ ТИМУРОВЕЦ?

РАССКАЖИТЕ О ТОМ, КАК БОРЮТСЯ ТИМУРОВЦЫ С КВАКИНЦАМИ.

ПОНРАВИЛСЯ ЛИ ВАМ ЭКСПЕРИМЕНТ ТЕАТРА «ТИМУР» ИЛИ НЕТ?

На наш взгляд, не в каждой школе он может получиться: для этого нужны настоящие актеры. Тогда как выяснить, работают тимуровцы в дружинах или нет? Достаточно ли выслушивать на сборах их рапорты? ЖДЕМ ВАШИХ МНЕНИЙ, ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

...Жизнь театра «Тимур» продолжается. Интересная, разнообразная.

И. АНДРИАНОВА,
Т. ШАРОНОВА

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА

После спектакля.

Поздравляем поэта Юрия КУШАКА с пятидесятилетием!

Не всякий человек, пишущий стихи, имеет право обращаться к детям, а лишь тот, кому есть что рассказать, у кого есть собственный голос, кто помнит, как это — быть ребенком среди взрослых. Вот таким поэтом я и представляю себе Юрия Кушака. Мне кажется, поэт не подражает никому из предшественников, а по-своему продолжает сделанное нами и нашими ближайшими последователями, принадлежа уже к третьему поколению советских детских писателей.

Сергей МИХАЛКОВ,
Герой Социалистического Труда

ЮРИЙ КУШАК

Там, где танцует тюлень

Порою мне кажется,
Что про Кильдин,
Быть может, на свете
Я знаю один,
Да старый маячник,
Да внучка его.
А больше я там
Не встречал никого.

Конечно же, каждый
Бывалый моряк
На Севере знает
Кильдинский маяк
И маленький остров,
Где волны гремят,
Где камни
Суровые тайны хранят.

Но я вспоминаю,
Как сказку и сон,
Как с Машенькой я
Завожу граммофон,
Старинный, латунный,
С огромной трубой,
На каменном береге
В день голубой.

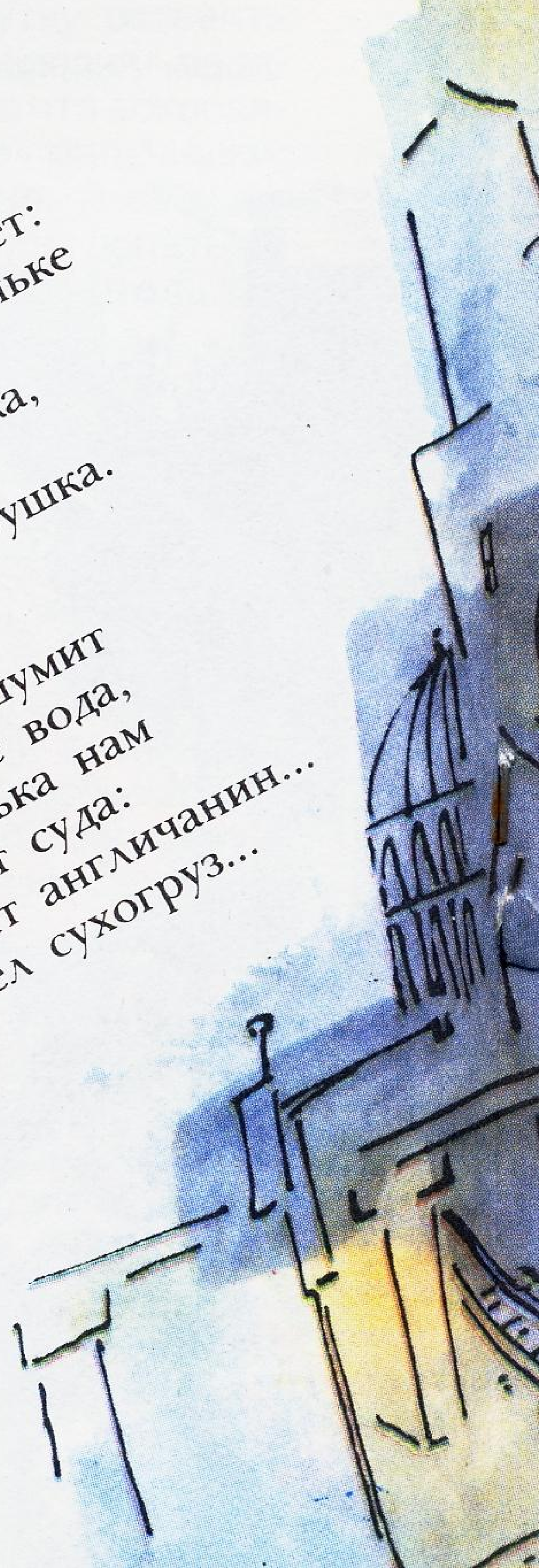
Ах, если б вы знали,
Как любит тюлень
Кружиться под музыку
В солнечный день!
Да кто ж неуклюжим
Его назовет —
Он даже летает,
Танцует, поет!

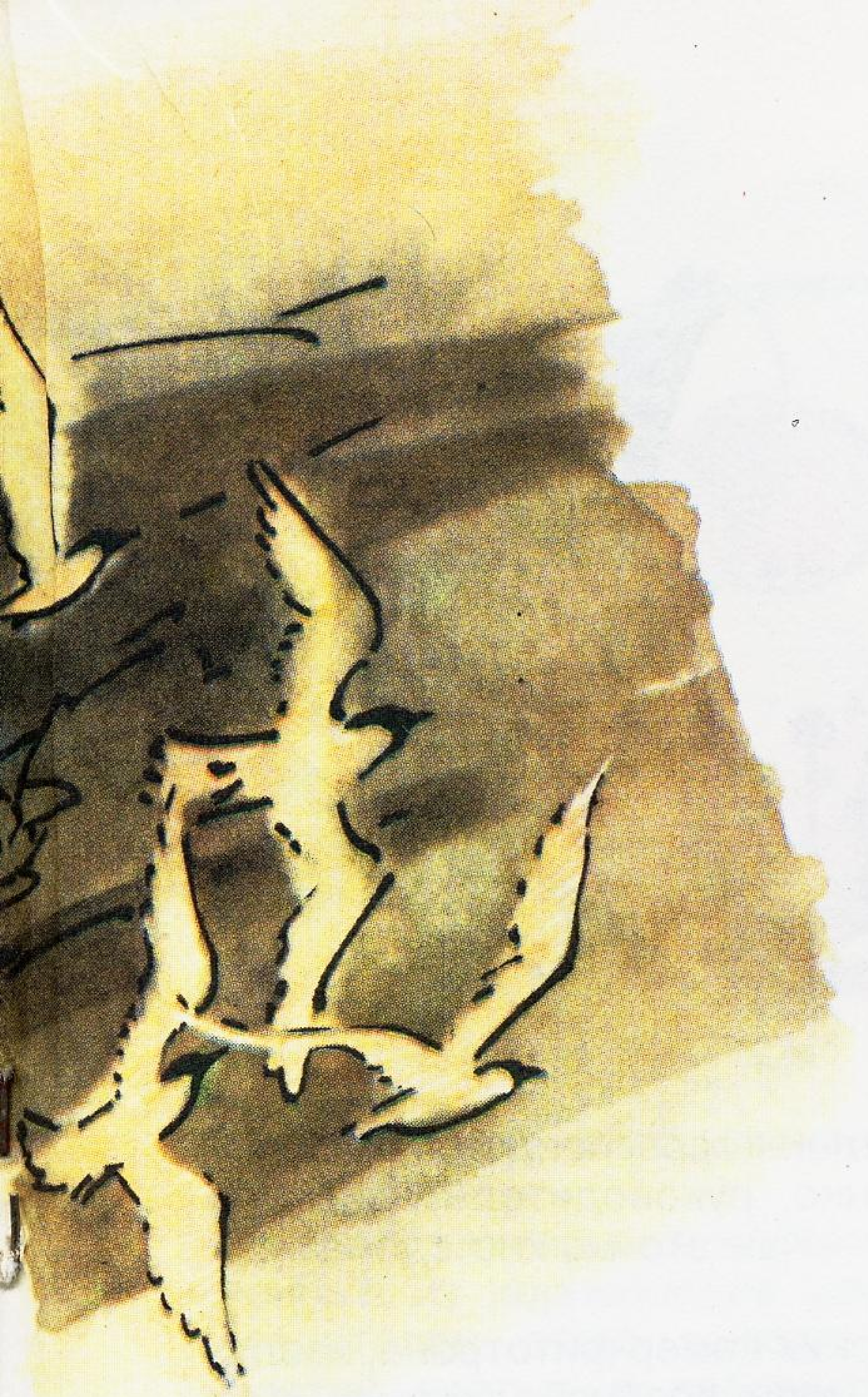
Пластинка была,
К сожаленью, одна,
И знал ее каждый —
До самого дна,
До самого неба,
Где чайка кричит,
Когда граммофон
Хоть на миг замолчит.

Еще вспоминается
Мне невзначай,
Как в доме маячника
Пили мы чай,
Он в миску морошку
Подкладывал мне
И все говорил
О жене, о войне...

Висел на стене
Потемневший портрет:
Ах, было бы Машеньке
Столько же лет,
Да та же матроска,
Да те ордена:
Ну копия — бабушка.
Точно — она!

Как море, шумит
В самоваре вода,
А Машенька нам
Называет суда:
— Гудит англичанин...
Прошел сухогруз...
А дед, усмехаясь,
Покручивал ус.
Сверкал и кружился
Огонь маяка...
И снова мне слышится
Издалека,
Как где-то срываются
Капли со льдин...
Киль-дин...
И еще раз тихонько:
Киль-дин...





Стихи, посвящённые другу

Хотел подарить
Я другу коньки,
Да только коньки мои
Чуть велики,
Чуть велики для друга.
Хотел подарить
Свой новый бушлат,
Но он ему тоже
Великоват,
Великоват для друга.

И клюшка, и сабля
Есть у него.
А больше и нет
У меня ничего.
А именно завтра
Его день рождения —
Такое вот невезение!

И ночью я вдруг
Придумал стихи,
Проснулся — и сразу
Придумал стихи,
Стихи, посвященные другу.

И были они
Просты и легки,
И падали тихо
Сережки с ольхи
В стихи, посвященные другу.

С раскрытой тетрадкой
Всю ночь на окне
Сидел я, счастливый.
Один в тишине,
И рифмы, как птицы,
Слетались ко мне —
В стихи, посвященные другу.

И вот я тетрадку
Подсунул под дверь.
Он эти стихи
Прочитает теперь.
И скажет,
Что лучшего друга и нет!
И скажет:
— Мой друг — настоящий поэт!
Он скажет:
— Конечно, немало помарок,
Но это лучший подарок!

Рисунки С. СОКОЛОВА

Путешествие по фитотрону

Станислав ЗИГУНЕНКО

В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» намечено «усилить на основе использования биотехнологии и генной инженерии работу по созданию и внедрению в производство новых высокопродуктивных сортов и гибридов сельскохозяйственных культур». В выполнении этих планов участвуют и сотрудники Института физиологии растений имени К. А. Тимирязева АН СССР. Недавно я побывал в фитотроне института.

«Фито» в переводе с греческого означает «растение», «трон» — «место». Значит, фитотрон — это место, где выращивают растения. Оранжерея, говоря по-другому.

В фитотроне действительно выращивают растения. Причем по желанию людей, по командам вычислительной техники в одной камере фитотрона могут быть созданы климатические условия Сахары, а в другой — Камчатки. Но есть здесь и лаборатория, в которой выращивают растения настолько необычным способом, что мне сразу припомнился фантастический рассказ, прочитанный еще в школе. С него я и начну.

Морковное море, море женьшеня

«...Внизу расстилалось бескрайнее оранжевое море. В одних местах оно было спокойно, в других — то и дело образовывались неспешные водовороты, из которых время от времени выплывали и лопались огромные пузыри.

Вертолет завис над одним из таких водоворотов. Пилот выбросил веревочную лестницу. Испытатель еще раз проверил снаряжение, закрыл забрало скафандра и встал. Пора было начинать спуск...»

Так писатель-фантаст лет двадцать тому назад описывал погружение в море... морковки!

— В принципе такое море действительно можно создать,— сказала мне член-корреспондент АН СССР Раиса Георгиевна Бутенко, руководитель одной из лабораторий института.— Как это можно сделать, я вам сейчас покажу...

В одной из климатических камер фитотрона, изолированной от внешнего мира двойной дверью — так можно с меньшими потерями тепла поддерживать микроклимат 25—26°С, который любят растения,— я увидел на полках множество стеклянных чашечек с крышками. Раиса Георгиевна взяла одну из чашечек, показала мне несколько зелено-оранжевых комочков:

— Вот это и есть «капли», а точнее, участки возможного морковного моря.

И, увидев мое разочарование, улыбнулась:

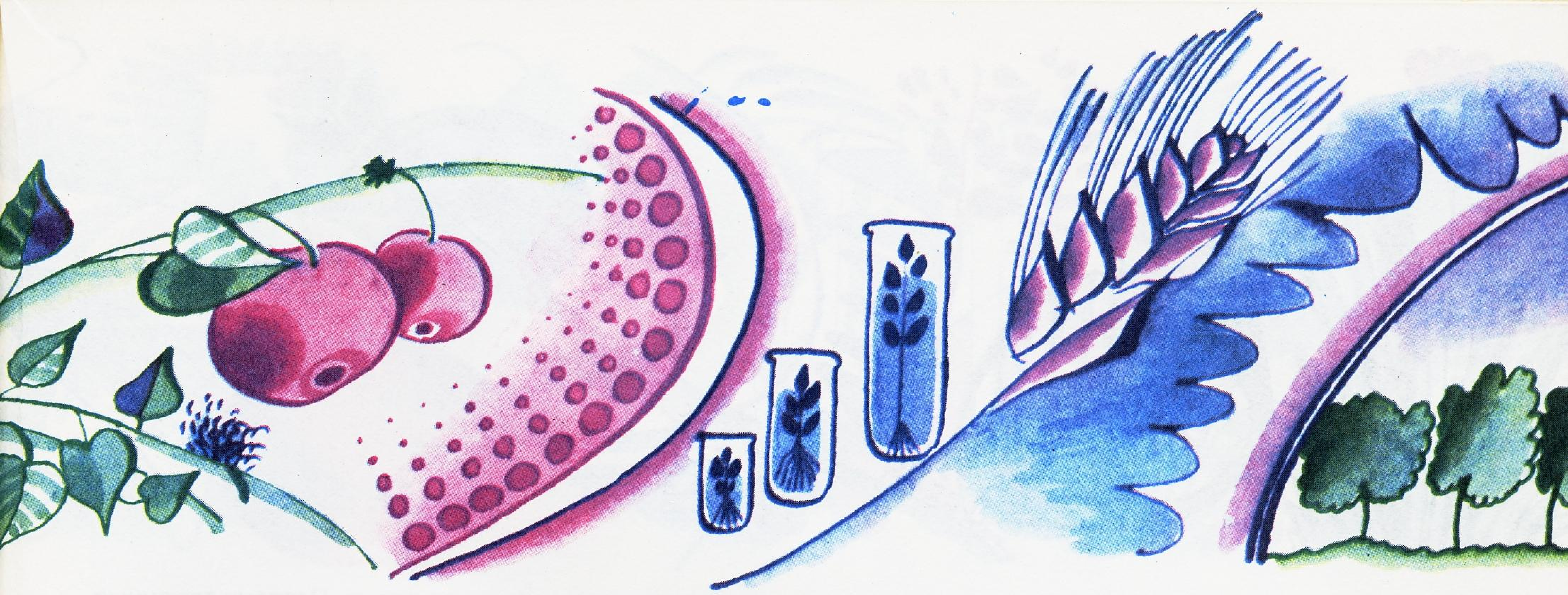
— Что, невелико море? А зачем, собственно, оно вам нужно?

— Ну как же,— сказал я.— В прочитанном мной рассказе, например, такое море служило неисчерпаемым источником корма для животных, пищи для людей. А что, разве плохо круглый год получать свежую морковку прямо как с конвейера, минуя поле или тепличные грядки?

— Идея неплохая,— покачала головой Раиса Георгиевна.— Да только есть такую морковку вы вряд ли будете. Неаппетитная она, хотя в основном по химическому составу и не отличается от выращенной на грядке. Для чего тогда мы ее растим?.. Давайте разберемся во всем по порядку...

Сотрудники лаборатории специализируются по выращиванию растительных тканей и клеток «in vitro», что в переводе с латыни означает «в стекле», то есть в пробирке, колбе или какой другой лабораторной посуде.

Берут небольшой кусочек растительной ткани — чаще всего часть верхушки побега — и помещают в питательную среду. Через некоторое время клетки начинают активно размножаться. Если регулярно добавлять в раствор свежие питательные вещества и растительные гормоны, которые служат регулятора-



ми роста, то такой процесс можно поддерживать очень долго.

Самыми «старыми» сейчас являются клетки, полученные из корнеплодов моркови еще в 1938 году создателем этого метода профессором Р. Готре. Клетки, взятые из лаборатории Готре, продолжают разрастаться во многих лабораториях мира, и никто не может сказать, когда этот процесс закончится.

— Во всяком случае, никаких признаков старения или ухудшения роста этих клеток по сей день не обнаружено,— сказала Раиса Георгиевна.— Если бы все эти клетки оставались в одном месте, они вполне могли бы образовать целое море растительной ткани...

Но такая морковка, как мы уже знаем, невкусная. Почему? Одна из возможных причин этого — дедифференцировка клеток, потеря ими своей специализации. Когда клеточную ткань выращивают «в стекле», откуда бы мы ни взяли клетки — из корнеплода, из верхушки, из листа или цветка,— все эти клетки через некоторое время превращаются в каллусные.

«Каллус» — это «мозоль»; особый тип ткани, образующийся в обычном растении на месте ранения его органов. Такая ткань, как корочка на порезанном пальце, закрывает место ранения, накапливает питательные вещества, необходимые для заживления ранки. Кроме того, в каллусной ткани образуются зачатки всех необходимых растению органов.

Как бы сознавая, какое важное значение имеют такие «мозоли», клетки всех видов и превращаются в каллусные.

— Но то, что важно для растения, иногда не так уж важно для людей,— сказал я.— Зачем нам море невкусной морковки, полученной из каллусной ткани?

— Не в одной морковке дело,— улыбнулась Раиса Георгиевна.— Пойдемте дальше, и вы сами в том убедитесь...

В следующем помещении я снова увидел на стеллажах стеклянные колбы и пробирки. Опять морковка?

— Не угадали,— сказала Раиса Георгиевна.— Перед вами женьшень... Только не выросший в тайге, где, как писал Пришвин, для такого нежного растения опасен не только изюбрь со своим грубым копытом, но даже и муравей, а полученный, можно сказать, на конвейере...

— И здесь не обошлось без методов клеточного выращивания? — догадался я.

— Точно,— подтвердила Раиса Георгиевна.— Причем методы, разработанные советскими учеными, стали уже достоянием нашей промышленности. Только одна опытно-промышленная установка на биохимическом заводе в городе Кирове, например, дает ежегодно государству сотни килограммов женьшеня. Столько же приносят в год все плантации совхоза «Женьшень» Приморского края...

Промышленный способ получения женьшеня позволяет использовать содержащиеся в этом растении ценнейшие вещества не только для изготовления лекарств, но и во многих других целях. В парфюмерных магазинах можно купить крем для лица «Лесная нимфа», в который добавлен женьшеневый экстракт. Вскоре начнут выпускать жевательную резинку с женьшенем — она поможет укреплять десны и зубы.

Растение из пробирки

Следующая камера фитотрона уже больше походила на обычную оранжерею. Под люминесцентным «солнышком» нежились на стеллажах сотни, а может, и тысячи растений. Но росли они опять-таки не в почве, а «в стекле».

Раиса Георгиевна взяла со стеллажа пробирку с крошечным — не более 3—4 сантиметров — растением. У него тем не менее были уже и листики, и стебелек, и корешки.

— Как видите, сегодня мы умеем выращивать из клеток не только массу,— пояснила Раиса Георгиевна,— но и растение полностью. Если теперь его

высадить из пробирки в грунт, то оно будет развиваться точно так же, как если бы мы растили его самым обычным способом, из семечка.

— Так, выходит, без грядки все равно не обойтись? — спросил я.— Тогда вообще зачем выращивать растения в пробирках, тратить силы и время?

— Сейчас вы и это узнаете...

Как прожить 30 000 лет

Если в климатических камерах было по-тропически жарко, то, спустившись по ступенькам в подвал — здесь хранятся клетки, клубни и кусочки растительной ткани,— мы оказались в царстве сумрака и прохлады.

— Ну разве это холодно? — увидев, что я поеживаюсь, заметила Раиса Георгиевна.— Вот в этих сосудах действительно космический холод — около двухсот градусов мороза.

Как известно, при пониженной температуре семена лучше сохраняются. Скажем, картошка в прохладном подвале не прорастает до весны. Но процессы, протекающие в клубнях при таком режиме хранения, лишь приостанавливаются, а не замирают совсем. Поэтому и в подвале, и в домашнем холодильнике нельзя хранить продукты очень уж долго. Иное дело, если мы поместим клетки растений, кусочки растительной ткани в жидкий азот, имеющий температуру кипения минус 196,8°С. При столь низкой температуре, как показывают эксперименты, все химические процессы практически полностью замирают, хранение можно продолжать долгие годы.

Для чего это нужно?

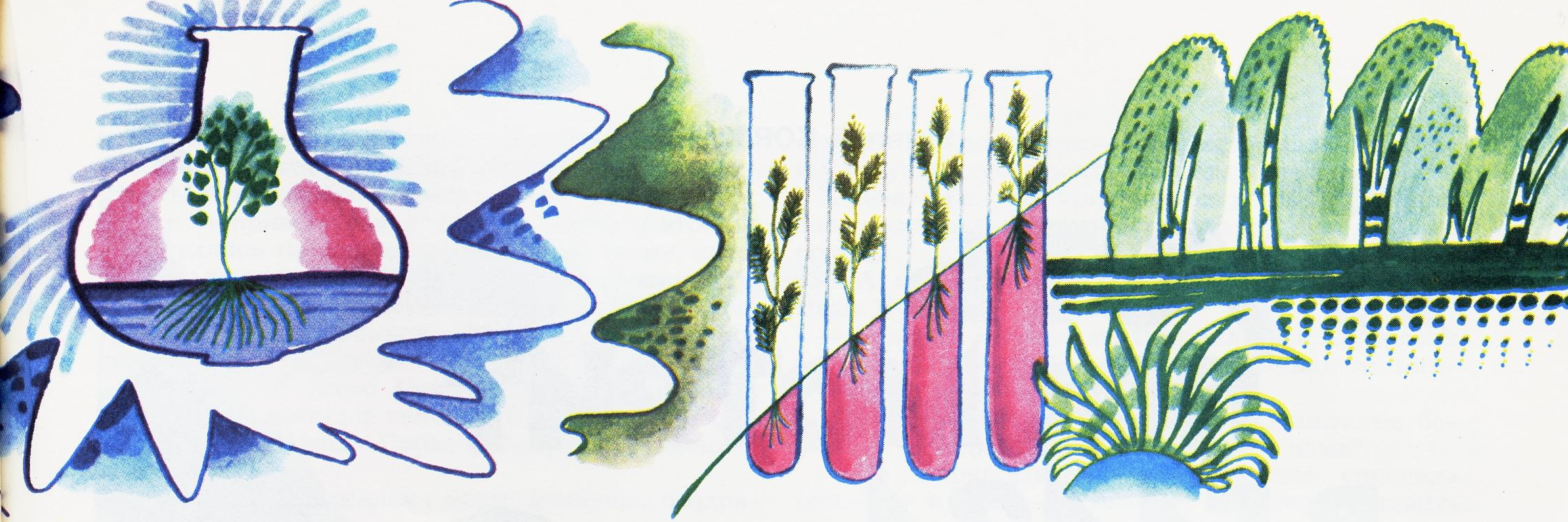
В нашей стране, как и во многих других, существуют хранилища, где содержатся эталонные семена различных культур. Эти семена селекционеры используют, когда выводят новые гибриды. Однако семена, а тем более клубни не могут храниться, не теряя своих качеств, продолжительное время. Поэтому семенные клубни картофеля, скажем, ежегодно высаживают в грунт, собирают осенью урожай и снова отправляют его на хранение до следующей весны. Представляете, сколько труда и посевных площадей требуется для этого? Да еще каждый год приходится идти на определенный риск. А ну как погода окажется настолько неблагоприятной, что весь урожай погибнет?.. Да и при нормальной погоде тоже можно потерять некоторые качества исходного сорта. Ребята, живущие в селах, знают: если выращивать на одном и том же поле семена одного и того же сорта, урожай с каждым годом становится все хуже. Сорт, как говорят, вырождается, теряет свои лучшие качества.

А вот если мы возьмем тот же клубень и поместим его в сосуд с жидким азотом, то картофель, как показывают расчеты, может храниться без изменений... 30 000 лет! Если клубень затем постепенно разморозить и поместить его кусочки в пробирки с питательным раствором, он даст начало новым растениям. Причем благодаря методам клеточного размножения во втором поколении мы получим не одно-два растения, как обычно, а сразу сотни тысяч!..

Операции на клетке

— Раз уж разговор зашел о селекции, о выведении новых сортов, давайте заглянем к Валентину Ильичу Негруку,— предложила Раиса Георгиевна.— Он у нас руководитель группы молекулярной генетики и клеточной инженерии и к некоторым проблемам селекции имеет самое прямое отношение...

Как работают селекционеры, вы, вероятно, знаете. Вспомните хотя бы об опытах И. В. Мичурина. Он потратил десятки лет, чтобы вывести новые сорта яблок, груш и других садовых культур. Каждый год он отбирал среди плодов лучшие, заботливо растил из семечек растения, приживлял черенки одного сорта



на подвои другого, проводил перекрестное опыление... Словом, использовал все приемы современной ему науки. И все же множество раз ему приходилось начинать все сначала. То полученные гибриды, вместо того, чтобы унаследовать лучшие черты родителей, наследовали лишь худшие, то на деревца нападали вредители, то их губила чересчур суровая зима... Не мог Иван Владимирович сделать так, чтобы, говоря словами народной пословицы, на вербе выросли груши, то есть провести межвидовое скрещивание.

А вот если работать с отдельными клетками, то тут возможны еще и не такие чудеса. Например, сейчас ученые ведут работы по скрещиванию картофеля и помидоров. В итоге должен получиться помитофель.

Чтобы вывести помитофель, ученым вовсе не надо проводить десятилетия на опытных участках. Ныне селекционная работа начинается за столом, у окуляров микроскопа, через который исследователь разглядывает строение клетки, проводит какие-то невидимые простым глазом операции.

— За наследственные признаки отвечают гены — участки молекул ДНК, входящие в состав хромосом,— пояснил свои действия Валентин Ильич Негрук.— Если говорить совсем уж упрощенно, хромосома состоит из набора генов примерно так же, как слово состоит из букв. Каждой букве соответствует свой звук, каждому гену — определенный признак. Первоклашки, когда учатся читать, собирают слова из кубиков с обозначенными на них буквами. Так и мы стараемся из набора генов собирать хромосомы с нужным набором свойств растения — засухоустойчивостью, зимостойкостью...

Послушать Валентина Ильича, так все у генетиков довольно просто: «взяли — собрали». Но посудите сами: легко ли делать операции на клетке — объекте, который без микроскопа не видно. И клетка-то живая! Значит, нужно не только провести операцию, но и «поставить на ноги» прооперированную клеточку, вырастить из нее растение...

Словом, хлопот немало. И все-таки генетическая инженерия успешно развивается. Выполнены уже многие операции на клетке, которые еще 15—20 лет назад показались бы фантастичными. Скажем, получен гибрид свеклы со шпинатом — растение, у которого съедобно все, и «вершки», и «корешки».

При помощи методов генной инженерии ученые предполагают сконструировать поливитаминные «суперовощи» с высоким содержанием белка — этакие растительные «бифштексы». Причем специалисты не просто мечтают о таких «чудесах», но и делают уже сегодня все от них зависящее, чтобы эти мечты сбылись как можно скорее.

— Многие наши научные разработки, что называется, с ходу внедряются в промышленность и сельское хозяйство,— сказала в заключение Раиса Георгиевна Бутенко.— Так, сотрудники ВНИИбиотехника внедряют полученную от нас технологию промышленного выращивания женьшеня и других ценных лекарственных растений не только в Кирове, но и на многих других предприятиях медицинской и парфюмерной промышленности. Работники НИИ картофельного хозяйства все шире применяют клеточное размножение, снабжая колхозы и совхозы страны высокопродуктивным посадочным материалом. Заинтересовались этим методом также виноградари и садоводы. Все шире начинают использоваться способы сохранения семян при глубоком замораживании и клеточная селекция... И это понятно: применение этих и других научных достижений в народном хозяйстве оборачивается для нашей страны миллионами ежегодной экономии и прибыли.

...Вот, оказывается, для чего нужно выращивать растительные клетки и целые растения «в стекле».

Рисунки А. БОРИСОВА

Виталий КОРЖИКОВ

Пусть посмотрит в глаза граница

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 1 и 2.

Как-то, проверяя тетради, привыкший за последние дни к шуму Иван Кузьмич подумал: что-то сегодня рано наступила тишина.

Он поднял голову и вдруг на столе увидел перед собой непонятно откуда взявшийся конверт, на котором взрослым почерком было написано: «Ивану Кузьмичу Мышойкину».

Он достал из конверта сложенный лист и прочитал, что комсомольская организация приглашает его прибыть на погранзаставу по срочному делу к шести часам вечера.

Иван Кузьмич удивился, перебрал в памяти все, что могло послужить поводом к приглашению, и уже в 16.00, поглядывая на погранвышку, стал собираться. В 17.00 он вышел. А подходя к заставе, удивился еще больше. Все было, как положено: на вышке стоял наблюдатель, у входа — часовой... Но у ворот синел большой городской автобус, из которого шумно выпрыгивали нарядно одетые молодые люди, девушки в ярких платьях. Кто перебирал струны гитары, кто наигрывал на аккордеоне, кто напевал. Будто на территорию заставы ворвалась волна радостного молодого праздника. И пограничники были празднично веселы, шутили.

Иван Кузьмич как-то радостно подрастерялся. Давно он не слышал такого веселого молодого гама.

Навстречу ему вышел Щербаков, подтянутый, с орденом Красной Звезды, обрадованно пожал руку и пригласил в столовую, которая превратилась в маленький говорливый зал.

Пограничники усаживались рядом с гостями, перешучивались. А от окна доносился знакомый голос:

— Ну, броня крепка!

Давний друг пограничников Иван Антоныч сидел в новом пиджаке, сверкающем орденами, и первым на алой ленте матово отсвечивал платиной орден Ленина.

Вдруг голоса стихли.

На невысокий помост поднялся Щербаков и, улыбнувшись, сказал:

— Товарищи, дорогие шефы, мы благодарим вас за то, что вы приехали провести с нами дружеский вечер. Спасибо, что не забыли про маленький, но дорогой нам праздник, день рождения заставы. Она невелика — точка на карте Родины. Но были у нас свои горячие дела. Были и есть свои герои, свои легендарные тропы. И очень хорошо, что сейчас молодые люди записывают эту историю. Пусть мужество тех, кто шел по нашим тропам прежде, поможет укрепить свой шаг тем, кто пойдет следом.

Слушали Щербакова хорошо. Иван Кузьмич подумал с обидой: «А что ж не пригласили сюда моих ребят?»

И вдруг в коридоре раздался звук пионерского горна и появился сержант Майоров в красном галстуке, вскинув к губам трубу. За ним выбежал на круг, тряхнув золотой головой, Алеша Ломоносов и стал читать:

Человек в дозоре!
Не сомкнуть ресницы!
Он мечтал о море —
Выпала граница...

От его чтения по залу пошел бодрый шумок. А едва он закончил, вышел Митя в пограничной фуражке, гимнастерке и произнес: «Сергей Пастухов. Стихи о границе».

И сразу пограничники подались вперед, навстречу его голосу, подтянулись, посуровели. Это были слова о них. Про их тропы, их ветры. Это были их мысли, только вдруг открытые их товарищем неожиданно горячо, смело. Это были их стихи!

Иван Кузьмич чувствовал, как горело его лицо, оттого что годы держал он взаперти эти строчки, которые могли прибавить людям столько сил. И радовался, что сохранил для людей эту тетрадку и

что она привела его сюда, соединила со всеми и возвращала теперь молодое желание не сдаваться, делать что-то доброе, жить.

Уже поприветствовал заставу Иван Антоныч, прокатились по сопкам пограничные песни, которые спели приехавшие студенты. Уже в коридоре, собираясь на сцену, весело позванивали бубенцами танцоры в искрившихся костюмах, но Щербаков сказал:

— А сейчас слово участнику тяжелого боя с фашистами, который вели наши земляки на Украине в дни войны. Слово Николаю Акимовичу Котельникову.

Котельников поднялся с места, волнуясь, поздравил пограничников.

— Спасибо, что пригласили. Хорошо у вас. Смотрю и вижу: вы не подведете. Мы вас тоже не подвели. Воевали наши товарищи хорошо. Себя не жалели.

В углу громко вздохнул Иван Антоныч.

— А про нас что ж... В газете в общем-то все было написано,— сказал он тихо.— Только было нас на высоте не четверо, а восемь. На высоте было восемь. Другие погибли еще до высоты.

— Так нашли четверых,— сказала какая-то студентка.

Он кивнул головой и вздохнул:

— А трое — с гранатами под танки...

— Пойди найди! — горько усмехнулся Иван Антоныч.— Тут...— И он замолчал, так и не досказав, что уж может быть «тут».— Ну, а ты-то, ты сам? — спросил он вдруг Котельникова.

— А я лежал с командиром, с лейтенантом Плоткиным. Молоденький он был, бил из пулемета, он меня и послал за подмогой, послал...

Тут Котельников остановился, задумался...

— А дальше-то что?

Но Котельников напряг лоб, провел рукой по лицу и отошел к окну.

За окном шумели мальчишки, по буму, вскидывая руки, ходил Мышойкин так, что улыбался, глядя на него, сам Ибрагимов.

Рядом танцевали. Волков пел под гитару — и про троллейбус, и про косточку, и про бригантину.

А Котельников, притихнув, смотрел на них и все старался вспомнить, вспомнить...

Автобус еще стоял у заставы. Во дворе слышался смех, разговоры. Иван Кузьмич искал ребят: пора! А к учителю подошел Майоров все еще в пионерском галстуке и попросил сделать с утра два урока физкультуры: в честь дня рождения заставы начальство разрешило провести с ребятами марш-преследование по тропе Пастухова.

Небо давно уже обсыпали прохладные звезды. А надо было еще кое-что записать к урокам да приготовить сыну ужин.

Однако готовить Ивану Кузьмичу не пришлось.

У школы остановилась совхозная машина, раздался ликующий крик Ломоносова:

— Ура! Капуста!

— Варвара Ивановна!

Потом послышался Зинин вскрик, веселые охи. И из кузова в руки к ребятам посыпались свертки, рулоны, пакеты. А быстрый, мягкий по-украински голос отсчитывал:

— Карты тут, учебники здесь, инструменты здесь, микрокалькулятор есть, диафильмы вот.

Наконец в руки к Ломоносову вкатился огромный глобус, а за ним, радостно тряхнув кудряшками, совсем по-молодому спрыгнула Варвара Ивановна.

И пошли рассказы про музеи, про ВДНХ, про семена, про министра — у министра была! Школу им новую будут строить! Совсем новую.

К ребятам словно придвинулся весь мир: и синий океанский залив, и древние вулканы, и дальние походы.

— А с английским, с историей как? — спросил Иван Кузьмич.

— И про это подумала. Специально в Хабаровск заезжала. Только бы получилось! — как-то загадочно сказала Варвара Ивановна.

— А мы завтра в погоню за нарушителем бежим! — сообщил Алеша.— Пойдете с нами?

— За нарушителем? — с интересом спросила она.— Ну и дела! — И быстро, решительно кивнула:— А как же! Конечно, пойду!

Еще не было семи, а ребята уже толпились возле школы и поглядывали на скалу Пастухова, потому что понимали: уж ее-то «нарушитель» не минует. А вот куда повернет дальше — это было секретом.

К семи часам из-за моря-океана выкатилось на сопки умытое солнышко, оплескало прозрачным ягодным светом холмистые склоны и леса — и все сразу заторопилось, задвигалось.

Из-за пыльного поворота вылетел «газик», из него выпрыгнул Буран, за ним Артамонов; появился ладный, с автоматом, Майоров и Прыгунов с переносной рацией в руках.

Сержант оглядел всех: «Готовы?» А Прыгунов опустил рацию на ступеньку машины, взял трубку и сказал:

— «Береза», «береза!» Я — «сосна». Вышли на предполагаемое место нарушения. Ведем поиск! Ждите сообщения! — И рацию закрыл.

Артамонов вывел Бурана на тропу, приказал: «След!»

Майоров кивнул: «Пошли!»

Ребята и Варвара Ивановна двинулись за ним цепочкой.

Рыская по тропе носом, бежал черный, будто вывозившийся в угле Буран. Внюхиваясь в землю, повторяли его движения Удар и лохматый Бобка.

Следов не было. И Буран двигался в общем-то небрежно, потягивая прохладные осенние запахи листьев, травы, земли.

Но только подошли к следовой площадке, он задержался, описал носом круг над каким-то грязным оттиском, взъерошился и быстро потянул Артамонова за собой.

Артамонов приспустил поводок, выпрямился, и все быстро побежали в гору.

В минуту всем стало тепло, в три минуты — жарко, и скоро младшие начали оглядываться — на поля, на совхозы, на школу, а еще через несколько минут по быстрому знаку Майорова они остались с Зиной на месте. Варвара Ивановна, опускаясь на траву, улыбнулась: «Посижу. Притомилась ваша Капуста».

Остальные бежали вперед — по тропе, на которой в трудную дождливую ночь преследовал врага Пастухов.

«Сможем?» — спросил у Мити Алеша. И Митя, беря трудный пригорок, кивнул, ответил: «Все смогу!» — ответил не только про эту дорогу, а про все — про учение, про маму, про всю будущую жизнь.

Ребят догонял Витя Мышойкин, которому очень хотелось, чтобы друзья заметили, что он от них не отстает. И то, что он — хоть умри — не отставал, было приятно и ему самому. Иногда он поглядывал на грузно хрустящие по осыпям сапоги Прыгунова. Пограничникам тоже сейчас эта вершина давалась нелегко. Но давалась! И Витя сам прибавлял шаг.

Изредка Майоров оглядывался, и тогда Прыгунов кивал ему на ребят: «Видал? Идут!»

На минуту он остановился, сняв рацию, доложил:

— «Береза», «Береза»! След взят. Продолжаем преследование в районе левого фланга! — Потом отрапортовал в трубку: — Есть продолжать преследование!

И это военное «есть продолжать!» выпрямило всех, сбило усталость и бросило мальчишек вперед.

Наконец из-за елок выдвинулась скала, на которой когда-то стоял партизанский пулемет и с которой потом давал сигнал Пастухов. Рыжела потрескавшаяся каменистая площадка... Поднявшись на нее, преследователи остановились.

Но Буран почему-то и не подумал задерживаться. Он сделал несколько прыжков в сторону, принюхался и тут же через заросли винограда бросился вниз.

Продолговатое лицо Майорова от удивления стало еще длинней. А пес тянул вперед, и ребята, и пограничники, не отставая, бежали за ним.

Но вот все скатились к зарослям камыша, мимо школы выбежали к старому дровяному сараю, и, сорвавшись с повода, Буран стал лаять и бросаться на рассохшуюся дверь.

Майоров тревожно посмотрел на прокладывавшего след Прыгунова: «В чем дело?» Артамонов распахнул дверь, и из сарая вывалилось страшное глупое чучело с драными сапогами вместо рук.

— Во нарушитель так нарушитель! — крикнул Ломоносов.

А следом, неизвестно откуда, вырвался Удар и стал зло подпрыгивать и драть подол вражеской фуфайки.

В то время, когда ребята стали спускаться с горы, к школе подъехала машина. Из нее выбрались два человека. Один — седой, крепко сбитый мужчина в потертой кожанке. Другой — высокий молодой парень в замшевой куртке, с кинокамерой в руках. Он налаживал кинокамеру, все время прикладывался к ее глазку. А старший, потирая пальцами крепкие скулы, сосредоточенно молчал, что-то обдумывая.

Теперь он запросто подошел к мальчишкам и с явным удовлетворением похвалил:

— Молодцы! Честное слово, молодцы! Да и собака работала как следует.

И пограничники, и ребята, и пес посмотрели на человека с вопросом: может быть, это и так, но вы-то откуда знаете?

— Молодцы! — повторил мужчина и, помедлив, спросил: — Ну, а кто тут из вас Ломоносов?

Алеша вскинул глаза, а подошедший Иван Кузьмич растерянно сказал:

— Так это он и есть!

— Ну здравствуй.— Достав из кармана конверт, мужчина протянул его Алеше:— Твое?

Алеша присмотрелся и кивнул: «Мое!» Он посылал в редакцию.

— Ну и что ж. Тогда нужно поговорить,— сказал серьезно мужчина.— Потому что я и есть корреспондент краевой газеты Г. Халин, которому ты писал. Разрешите? — Он попросил Алешу и Ивана Кузьмича пройти в класс.

— А чего в класс? — удивился Алеша.— Можно и при всех.

Но корреспондент настоятельно улыбнулся, открыл дверь и пропустил в нее своего молодого коллегу, Ивана Кузьмича и Алешу.

— Так ты утверждаешь,— присаживаясь на край парты, сказал он,— что в вашем санатории живет

Варвара Ивановна начала рассказ, и к ребятам словно придвинулся весь мир: и Москва, и синий океанский залив, и древние вулканы, и дальние походы...

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО

человек, который участвовал в бою на высоте четырех?

— Так, конечно,— кивнул Алеша.— Только не четырех, а восьми! Я же написал об этом!

— Откуда ты это знаешь? — Халин посмотрел ему в глаза.

— Он сам говорит. У него же все фамилии в тетради сто раз написаны! И первые точь-в-точь с вашими совпадают!

— А что ж он сам не обратился в редакцию? — спросил второй корреспондент, с кинокамерой.

— Из скромности. Помнит не все, вот и боялся, что не поверят.

— Вот видишь,— повел бровью корреспондент,— и сам не помнит: было или не было...

— Было! — твердо сказал Алеша.

— Так почему же о нем не упомянуто в донесении? — подпирая кулаком крупный подбородок, задумчиво спросил Халин.

— Война. Бывало всякое,— ответил Алеша словами отца.— Вы Котельникова самого спросите...

— Спросить можно. Это мы и сами знаем,— повел плечом молодой.— Но бывало действительно всякое. Случалось, и к чужой славе люди пришвартовывались...

— Зачем вы так?! — возмутился Алеша.— Он за Родину дрался.

Старший согласно кивнул, но его товарищ усмехнулся:

— Не всем сразу славу раздавать. Воевали многие, да по-разному.— Алешино упорство пришлось ему не по душе. Да и что так долго объясняться с мальчишкой!

— Ну, вы-то совсем не воевали! — сказал Алеша, почувствовав и в этой усмешке, и в самом тоне пренебрежение и враждебность.

Молчавший до этого Иван Кузьмич покачал головой:

— Алеша!

Кинокорреспондент хотел что-то с прощающим великодушием ответить, но Алеша, опережая его, резко возразил:

— Зачем вы так не верите? Там люди насмерть дрались!

— Да нет, Алеша,— сказал по-доброму Халин и положил ему на плечо руку.— Ты правильно пойми. Верить обязательно нужно! Но и знать надо, почему одни есть, а других не нашли. Точность нужна. Ты же сам меня в неточности обвиняешь.— Он покачал конвертом.

— Так они же под танки бросались с гранатами!

— А сам Котельников?

— Не помнит. У него весь висок, знаете, как изранен!

— Вот видишь,— сказал корреспондент.— В военкомате не знают, никто не знает. И сам не помнит! Сложно все это.

Сложности, конечно, были. Может быть, действительно он, Халин, до конца в документах не разобрался, чего-то не нашел, а статью написал потому, что очень хотелось скорей рассказать людям о подвиге земляков! Может быть. Но правда и то, что действительно никто, кроме Котельникова, который многого не помнит, подтвердить пока ничего не мог. Да и названия статьи жалко. Все уже привыкли к звучному названию «Высота четверых».

Он так и сказал вслух:

— Люди привыкли к тому, что четверо героев высоту отстаивали.

— Но их было восемь! — с упорством сказал Алеша.— И все герои, а про них не знают...

И тут, защелкнув кинокамеру, второй корреспондент, подумав, сказал:

— Если даже все верно, возвращаться, может быть, к старому и не стоит... Что, если рассказать о тех, других, в отдельном очерке? Под танки бросались! Но по отдельности. Какая разница? Все равно правда!

Но Алеша возразил:

— Нет. Из такой-то правды неправда получится! Высоту они отстояли вместе, погибали вместе. Значит, и навсегда должны остаться вместе! Они потому и выстояли!

И вдруг Иван Кузьмич, словно убеждая корреспондентов и еще больше самого себя, сказал:

— А ведь он прав, прав он!

Теперь и кинокорреспондент с уважительным удивлением посмотрел на Алешу, но спросил:

— А не слишком ли ты взросел?

— В маленьких засиживаться недосуг! — ответил Алеша.

Халин встал, задумчиво прошелся по классу.

— Что ж, веди! Послушаем твоего героя...

— Ну вы к одному, а я к другому,— улыбнулся кинокорреспондент.— Мне к Поросюше, прямо на поле!

Скоро Халин сидел в комнатушке Котельникова, записывая в блокнот его рассказ про то, как бросались под танки Виноградов и Крысин, как лежал уже без ног у пулемета младший лейтенант Плоткин...

Но как только дело доходило до самого Котельникова, до того, что было дальше, он хмурился, качал головой:

— Не помню...

Таких счастливых совпадений в жизни Ломоносова еще не было.

Бывало всякое — и вместо двойки схватывал пятерку, и вместо того, чтоб глотать на койке пилюли, сидел в санаторном кино. Но такого еще не случалось!

Пока Алеша беседовал с корреспондентами в школе, старый совхозный почтальон Свечкин удивлялся. Письмо из самого Министерства обороны какому-то Алексею Ивановичу Ломоносову!

Михайлу Васильевича Ломоносова Свечкин, конечно, знал. А вот Алексея Ивановича не помнил. Кто такой? Алешка, сын медсестры... Так ему с чего бы? До министерства не дорос! А только он один Алексей Ломоносов и есть...

Размышляя так, Свечкин дошел до санатория, надо было выплатить пенсию инвалиду войны Котельникову...

И, надо же, совпадение: войдя в комнату Котельникова, почтальон обнаружил там и Алешку Ломоносова. Измерив его взглядом: каков Алексей Иванович,— протянул письмо, а сам сразу же стал отсчитывать пятерками пенсию Котельникову.

Алеша, волнуясь, надорвал конверт, быстро оглядел отпечатанный на машинке текст и собственные имя-отчество и протянул листок Халину:

— Смотрите! А вы сомневались.

Халин взял листок и стал читать:

«В комсомольскую организацию
заставы Хвойной
т. Майорову.
Копия: Ломоносову Алексею Ивановичу.

Уважаемый Алексей Иванович!

На ваш запрос сообщаем, что гвардии рядовой Николай Акимович Котельников служил в 124-м полку Н-ской гвардейской Краснознаменной диви-

зии в минометно-пулеметной роте и, верный военной присяге, погиб в тяжелом бою на Днепропетровщине в деревне Ново-Петривке, отражая с товарищами атаки превосходящих сил противника, поддержанного танками.

По сохранившемуся донесению умершего потом от ран гв. мл. лейтенанта Плоткина Е. П., посланный за подкреплением рядовой Котельников был окружен врагами и подорвал гранатой себя и наседающих фашистов.

За свой подвиг Котельников, как и его товарищи, посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Кроме того, в наградном отделе министерства обнаружено представление на награждение Котельникова Н. А. орденом Красной Звезды за мужество в боях при освобождении г. Мелитополя.

Вот все, что мы можем сообщить о судьбе и подвиге рядового Котельникова. Похоронен он в братской могиле села Ново-Петривка.

Майор Г. Крючков».

Халин еще раз пробежал бумагу и вдруг, порывисто сжав руку стоявшего рядом Котельникова, волнуясь и краснея, заговорил:

— Николай Акимович, Николай Акимович, прочитайте! Поздравляю, от всей души поздравляю!

Старый солдат взял письмо крепкими натруженными руками, поднес его к лицу. Прочитав первые строчки, нахмурился, плечи его судорожно передернуло; и, облокотясь о стену, не сдерживаясь, он заплакал. Халин нахмурился. Алеша растерянно притих, не зная, как тут быть. Но вот Котельников выпрямился и удивительно четко, будто увидел перед собою весь тот давний долгий бой, сказал:

— Это лейтенант отдал мне свою последнюю гранату...

Через несколько дней в совхозе, на заставе, в санатории и по всему краю читали газету, в которой на третьей странице был напечан большой очерк Г. Халина «Восемь с высоты четверых».

Рядом была статья о комбайнере Поросюше и тут же Указ о награждении его орденом «Знак Почета».

А сверху из правого угла газетного листа требовательно смотрел на читателей молодой пограничник и темными колонками выделялись его стихи, над которыми крупно был набран заголовок «Пусть посмотрит в глаза граница».

Ниже в маленьком редакционном сообщении говорилось, что для восстановления имен героев много сделали пионеры Железнодорожной школы и их друзья-пограничники.

— Ну что? Ничего живем,— говорил учителю Иван Антоныч.— Ничего, броня крепка! Ребята твои, Иван Кузьмич, просто-таки молодцы! Читаешь — одни события!

Да, жизнь вдруг переполнилась событиями.

Стихи пограничника Пастухова уже читали по радио. С телевидения приезжала машина в санаторий и делала передачу про Николая Акимовича Котельникова. А к Ивану Кузьмичу пришло письмо от студентов из Владивостока, которые хотели бы, закончив учение, приехать на работу к ним в школу.

И в школьных делах задора прибавилось.

С одним микрокалькулятором, который Варвара Ивановна привезла из Москвы, веселой работы хоть отбавляй. Включил, нажал кнопку, нажал другую — все перемножено, все поделено! И всем интересно: пятый класс задачу решает, а четвертый на очереди стоит, заглядывают, как зеленые цифры на табло выскакивают. Да и сам Иван Кузьмич любопытствует, лишнюю задачу решить не прочь, очереди не пропустит! А что ж: в Москве осваивают, везде осваивают — не отставать же!

В общем, время спешило.

Зина ходила к олененку Борьке и помогала Волкову наводить порядок у кухни. Митя тем временем занимался с Ударом. Пес умнел с каждым днем. Острыми треугольничками вскидывались его уши. Лапы окрепли и обещали скоро стать сильными, песьими. Правда, был он еще доверчив и, стоило засмотреться, прижимался к любому прохожему, виляя хвостом.

Вот тут и произошел ряд событий, которые надолго взбудоражили поселок, заставу и санаторий.

Медовый запах из тайги незаметно ушел, и уже в долине чувствовался дух скорых морозов. Сопки порыжели. Воздух стал синим, холодным. И в нем виднелись самые высокие стаи улетающих птиц.

В это время со двора Поросюши в небо потянулся пахнущий паленым салом дымок: там смолили хорошего кабанчика. В доме собирались отмечать сразу два события: награждение знатного комбайнера трудовым орденом и день рождения дочки Зины.

Выполняя поручение отряда, Мышойкин и Ломоносов заглянули в магазины и по совету искавшего батарейки для фонаря Ивана Антоныча купили в подарок Зине скучавшего Буратино и себе три лотерейных билета, на которые можно было выиграть автомобиль. Но, подходя с подарком к дому, друзья увидели именинницу в слезах, бабку Тараканову и Марью Ивановну в такой суматохе, будто лиса перетаскала у них всех гусей и кур! Но гуси и куры были на месте. Не было Удара. Удар бегал за Зиной и Марьей Ивановной к магазину и вдруг пропал.

Полдня ребята напрасно искали щенка в камышах и на задворках. А к вечеру в поселок под конвоем Зининых «автоматчиков» явился приехавший в гости к брату боцман дальнего плавания Поросюша, из куртки которого выглядывал Удар!

Боцман купил его в подарок Зине на станции у красноносого мужика.

— В рыжей куртке и рыжих туфлях? — спросил Ломоносов.

— Точно! В рыжей куртке и в рыжих туфлях! — обрадовался смущенный боцман.

На следующий день, дождавшись, когда плутоватый шабашник зайдет в магазин, Мышойкин и Ломоносов разыграли веселую шутку.

Ворвавшись в магазин, Ломоносов попросил у продавщицы еще три лотерейных билета и перед носом шабашника сказал что-то Мышойкину, выбежал на улицу.

— Чего помчался? — удивилась невозмутимая Потаповна.

— Да к своему дуплу,— ответил Мышойкин.— Билеты прятать. Мотоцикл по лотерее выиграл...

Шабашник торопливо выбрался из магазина.

А через час тревожная группа стаскивала человека в рыжей куртке с дуплистой сосны, на которой совсем недавно побывал Ломоносов.

— Какой я нарушитель? — кричал шабашник начальнику заставы.

— А кто же еще? — сказал Ломоносов.— Кур воровал, нашего Удара украл и продал! Все границы перешел!

Но совершенно согласный с Алешей Щербаков все же сказал:

По всему краю читали газету, в которой был напечатан очерк «Восемь с высоты четырех»...

— Но ведь и ты, брат, тоже сейчас перешел границы.

А мама только вздохнула:

— Беда, Алеша, с тобой. Все-то тебя заносит. Посмотрел бы, что ли, как твои дядья живут. Да и посидел бы спокойно дома. Без пограничных дел.

«Ну как же без пограничных? Живем-то на границе...» — хотел ответить Алеша, но, посмотрев на маму, сказал:

— Ну, ладно. Можно попробовать и без пограничных.

А через день Ломоносов пропал.

На уроках в пятницу он был. Раньше всех отработал контрольную по математике, получил пятерку за новое стихотворение, потом вместе с Мышойкиным — выговор за проделку на границе.

Еще Варвара Ивановна сказала:

— Вот выдумщики, ох артисты. В школе бы лучше спектакль поставили, пьесу бы сочинили.

— Про Красную Шапочку,— улыбнулся Алеша.

— Про Зинкину заставу! — сказал Мышойкин.— Вот нарушитель будет банками громыхать!

Все, даже Зина, засмеялись. А Варвара Ивановна согласилась.

— Можно и про это. А можно и по-настоящему героическую,— и снова, уже не в первый раз намекнула:— Вот подождите, если только кое-что получится, если выйдет...— Вот только что «выйдет», так и не открыла.

Потом, вспоминали ребята, Ломоносов готовил с отрядом площадку под огород для заставы.

Дальше он с Митей напилил и наколол кучу дров: ну не едет к ним отец, так не сидеть же Мите и его маме в холоде!

А там пропал. Понадобился Варваре Ивановне, а его нигде не было.

В школе не было. На заставе тоже. В санатории не оказалось.

Пропал человек!

А тут еще добавил тревоги Иван Антоныч... С утра он собирался в город за батарейками и за книжками, потом отложил поездку до вечернего поезда и махнул с корзиной и дробовиком в тайгу.

Но едва дойдя до камышей, возле участка, который недавно копали под огород ребята, остановился и поежился: по всему огороду шли тяжелые кошачьи следы...

Вот и получилось: могучие кошачьи следы были, а Ломоносова не было!

— Искать надо. Тут можно и собаку, если что, пустить,— многозначительно рассудил Антоныч.

— Так нужна какая-нибудь Алешкина обувь! — сказал Мышойкин и с общего согласия побежал в санаторий, позвал встревоженную Полину Ивановну домой — за ботинками.

Но как только Полина Ивановна открыла дверь в комнату, со стола слетела записка:

«Мам! Не волнуйся и не сердись! С твоего совета поехал к родне, учиться уму-разуму. Наберусь быстро: я у тебя способный!

Картошку тебе сварил, завернул в шубу. Кушай, пока горячая. Скоро прибуду. Целую, Алексей».

Пониже была быстрая приписка:

«Мам! А может, можно устроить Митину маму в санаторий, а?

Спи спокойно. Алеша».

Ах, какая прекрасная штука — веселый гудок тепловоза! И когда слышишь его дома, хорош. Летит, зовет — и видятся тебе неведомые дальние леса, синие города на морском берегу, веселые глазастые корабли!

А уж когда едешь на поезде под перестук колес, так и вовсе здорово! Обгоняют друг друга бегущие поля, меняются на глазах сопки. И все-то летит, летит и не улетает! И все-то впереди, впереди.

И древние созвездия, и ближние огни, и знакомые заставы летят с тобой, и говорят, и пророчат своим бесконечным светом: все впереди, Ломоносов, все сладится, все сбудется!

Алеша сидел на подножке товарного вагона, радовался вечернему бегущему простору, но сердце чего-то щемило — такое с ним уже было когда-то, давным-давно!

Вместе с отцом они стояли тогда на борту старенького карбаса, а мама с берега смотрела на них с гордостью и с печалью. И у Алеши наворачивались слезы, хотя ой как хотелось в первое плавание! И ветер, и волны, и кричавшие чайки — все звало, радовало. Вот и были и радость, и слезы вместе.

А потом они, возвращаясь на лодке, неудачно причалили, перевернулись и мокрые выбирались на берег. Отец, пританцовывая, кричал: «Ой, хорошо! Ой, хорошо!» — а мама смеялась и вытирала слезы.

«Ну ничего, и тут встретит! — подумал Алеша.— Правда, поволнуется перед этим. Так ведь сама сказала, надо родственников посмотреть, поднабраться ума! Вот он и выбрался. Побывает в гостях, заглянет в порт, к дядьке-водолазу, глядишь, голова и поумнеет!»

Алеша увидел огни станции и стал собираться: от вокзала лучше подальше. Рядом пограничная гостиница. Попадутся свои, начнутся вопросы, расспросы.

Буфера лязгнули, Ломоносов спрыгнул с подножки и быстро перебежал через путь к маленькому скверику, в котором все еще по осенней-то погоде качались игольчатые астры.

Увидел в темном углу скамейку и в ожидании поезда присел на край.

Стало прохладно. Алеша поднялся, прошелся вдоль сквера. Поглядел на тускло освещенный газетный стенд — газета висела старая. Перебрался к щиту объявлений.

И вдруг с листа бумаги глянуло на него скуластое угловатое лицо с наглыми ухмыляющимися глазами — по диагонали красной краской было напечатано: «Разыскивается опасный преступник».

Алеша подвинулся поближе, сузив глаза, стал разглядывать. Нет, незнаком. Ломоносов пошел было дальше, но ухмылка на снимке его задела: ты смотри, чего-то натворил, какие-то границы переступил и еще людям в глаза смеется!

В это время у гостиницы появилось несколько военных. Алеша снова вернулся в сквер на скамью, поднял воротник и задремал.

Очнулся он от шума: у стенда толкалась группа мальчишек и девчонок в пилотках, в теплых куртках, с автоматами через плечо. Таких он видел только на снимках в «Пионерской правде» да в «Пионере». У Алеши мигом пропал сон.

Ребята, глядя на снимок, переговаривались:

— А может, он?

— Что он?

— Да капитана дальнего плавания ранили месяца три назад. «Жигули» угнали, а его, раненого, в тайге бросили.

— Ну да?

— Вот тебе и да. Колькин отец преступника разыскивал.

— Такого еще не бывало...

— А может, не этот? Того уж, наверное, взяли.

— Рожа наглая!

Но тут раздалось: «Зарница»! По вагонам!» И через три минуты на перроне никого не было.

Ломоносов спохватился: это же и его поезд! Ехать-то ему всего полтора часа осталось.

И, повторяя адрес родных: «Блюхера, 5, Блюхера, 5 »,— Алеша бросился в кассу.

Взяв билет до Океанска, Алеша вошел в поезд, в общий полупустой вагон, и пристроился у окна — смотреть. И тут же за переборкой, прямо за его спиной, послышался вздох и кто-то знакомо сказал:

— Перекусить бы, что ли...

Потом зашуршала разворачиваемая газета, щелкнул складной ножичек. И уже кто-то другой с улыбкой в голосе ответил:

— Ну, Иван Антоныч... ехать-то три часа, а набрал на полгода.

Алеша удивленно притих и прислушался:

— А я всегда с запасом. Вдруг, броня крепка, кого встречу.

Поезд дернуло. За стенкой зазвенело. И другой голос сказал:

— Люблю ездить по этой дороге. И что, как посмотришь? Сопки, поля, облака. Лес-то не тот, что у нас под Москвой. А вот жить без этого не могу. Сколько на заставах служил, сколько потом командовал — не соскучился. Не могу без этого — и все. Без тайги, без сопок, без черемши...

Алеша тоже вдруг почувствовал во рту — слюнки потекли — весенний чесночный вкус черемши.

— И интересно все! Я вот воспоминания собираюсь писать. Дела какие, люди какие!

— А что ж,— поддержал Иван Антоныч,— и напиши! Время на пенсии есть! Я первый читать буду.

Алеше захотелось посмотреть на собеседника Ивана Антоныча, да не хотелось выглядывать.

— Я ведь,— сказал собеседник,— на вашей заставе начинал. А уж потом меня сменил Фомин. Толковый мужик.

— Наверное,— согласился Иван Антоныч, добавив:— Правда, на фронте он не был...

— Ну на фронте не был, а два ранения имел. Он до нас служил в Туркестане, в песках. Брал там банду басмачей. Сначала на конях, потом пешком по горячим барханам. Несколько дней без воды! Уже духу ни у тех, ни у других. А все-таки у нашего духу хватило. Раненый, а взял!

— Ну, у нас, броня крепка, всегда духу хватало,— сказал Иван Антоныч и, помолчав, доба-

вил:— А нынешний начальник Щербаков тоже не хуже...

На минуту Алеша отвлекся: дверь тамбура приоткрылась, появилось серое угловатое лицо. Незнакомец быстро, но внимательно окинул взглядом полки, исчез... Что-то тревожно задело Алешу, что-то напомнило ему это лицо...

Но дверь прикрылась, а за перегородкой снова послышались голоса Ивана Антоныча и его собеседника.

— А в поселке как?

— Хорошо, тихо,— сказал Иван Антоныч.— Так бы вот всегда.

— В общем, никаких событий?

— Ну, почему никаких? — Иван Антоныч даже обиделся.— Событий хватает,— сказал он.— У нас пионеры столько дел понаделали! Шабашников работать заставили! Имя героя от забвения спасли. Ордена ему отыскали. Думали, мертвый, а он живой! Может, сегодня ордена и вручат. Ему боевые, а Поросюше трудовой!

«Вот события-то, а я разъезжаю»,— подумал Алеша.

Дверь снова приоткрылась, и в щель проник жесткий, нагловатый взгляд. Леша перехватил его, глаза в тамбуре сузились: «Ну посмотри, посмотри!» — И дверь опять прикрылась...

«Нагляделся на портрет, вот и мерещится!» — посмеялся над собой Алеша. Однако тревога не уходила.

Но тут Иван Антоныч выдал такое сообщение, что Ломоносов забыл обо всем:

— А еще событие. Мальчонка у нас с утра пропал! Правда, потом по записке поняли — в гости поехал. Но я перед этим со страху было не помер...

«С чего бы это?» — удивился Алеша, но Иван Антоныч будто ему и ответил:

— Подумали, не тигр ли задрал...

— Тигр?! — удивился голос.

— Он, броня крепка! Следы я первый и увидел. У них на школьной грядке. По грибы я шел. Потом к вечеру заставский повар вышел с Прыгуновым в наряд. И вдруг впереди, метрах в двадцати, что-то полосатое — шурх в кусты, только хвост и увидели. А уж Майоров с вышки в бинокль разглядел. Натуральный тигр! Метра три. За косулей охотился.

Дальше Ломоносов уже не слушал. Котельникову ордена вручают, Майоров и Прыгунов тигра видели, а он катается! Так не пойдет!

Да и в путь-то, прямо говоря, отправился без толку. Дядьям ничего не сообщил? Не сообщил! Станут они в воскресенье сложа руки его дожидаться! Предупредить бы надо было заранее. Так-то разумней. А сейчас самый смысл возвращаться домой.

Алеша встал. Забытая было тревога вскинулась снова, но наперекор ей он шагнул и распахнул дверь.

В коридоре уже никого не было. Только в открытое окно вытягивалось облачко табачного дыма. Алеша вздохнул: нет, это кажется. Станет преступник разгуливать у всех на виду!

Поезд замедлил ход, и, как только остановился, Ломоносов спрыгнул. А скоро на встречном товарняке подъезжал к своей станции.

На станции, ясно, ничего не переменилось. Газета на стенде висела та же, старая. И глаза преступника с заиндевелого листа глядели все так же нагло, ненавидяще.

Алеша снова вспомнил тамбур. Такие же самые! Лицо, может, и другое. Но глаза были те, одинаковые. И ухмылка все та же. Может, у всех у них взгляд один?

«А вдруг...— Легкий жарок прохватил Лешу.— А если упустил? Отчего тот, в вагоне, глядел с такой опаской и лютостью? Кто-то сказал, что преступника не поймали? А раненый капитан? А угнанная машина? Неужели где-нибудь еще ходит...» — подумал Алеша, отходя от стенда, вздохнул.

Однако было на станции все-таки хорошо!

Освещенное здание вокзала молодил первый сверкающий инеей, а за вокзалом начиналась темнота, в которой морозно-морозно, уже по-зимнему над тайгой и над сопками горели скопища звезд. Дыхнешь — и веселый клуб пара так и катится к этим звездам.

Алеша поднял голову: где-то далеко вверху с протяжным покрикиванием тянулась в сторону границы запоздалая стая перелеток.

— Вот вам и зимний привет,— сказал кто-то за углом, и на свет вышли несколько офицеров, а вместе с ними молодая женщина в сапожках, в сером пальто, повязанная светлым платком.

— Похоже на зиму! — звонко сказала она, скосив глаза на выбившуюся из губ легкую струйку пара.

У стенда толпились мальчишки и девчонки в пилотках, теплых куртках, с автоматами через плечо...

— Ну так пойдемте с нами в тепло? — предложил офицер с небольшим чемоданом в руке.

— Спасибо! Побуду здесь! — отказалась она.

— Ну как хотите,— с сожалением улыбнулся офицер, отдавая ей чемоданчик.— А лучше бы с нами.— И он кивнул на прощание.

Женщина оживилась: счастливо вглядываясь в звезды, прошлась по темной стороне сквера, потом задержалась у стенда, скользнув безразлично по преступной физиономии. Увидела Алешу, окинула его взглядом и весело, с добром спросила:

— А ты куда, молодой человек?

— Домой! — так же просто ответил Алеша,— к санаторию.

— Смотри-ка! А я думала, только мне, горемычной, туда! — живо сказала она.

«Ничего себе горемыка! — усмехнулся Алеша.— В глазах одно озорство и радость!»

Она прошлась, подумала и резко повернулась на каблучках:

— А добираться долго ли?

— Так если подвернется товарняк — с полчаса, ну час! — сказал Алеша.— А пешком часа три-четыре! Автобус-то утром будет.

— А пешком не страшно? — Она заглянула ему в глаза.

— А чего страшного? Рысь только по сопкам ходит. Кабан где-нибудь в буреломе спит,— ответил Алеша. Про тигра он не сказал.

Темные глаза женщины вспыхнули, продолговатое красивое лицо заострилось.

— Так, может, махнем? — спросила она озорно.

— Махнем! — рассмеялся Алеша: он и в одиночку подумывал, а вдвоем-то да с такой бедовой спутницей чего не махнуть!

И, протянув руку к ее чемодану — не женщине же тащить,— вдруг спросил:

— А пропуск в зону есть?

— Найдется,— успокаивающе ответила она, измерив Алешу любопытным взглядом.— А чемодан пока не надо. Пока могу сама.

Вот когда звезды разгорелись самым жарким пламенем! Заискрились слева, справа, сверху!

Путникам шагалось бодро, легко, в удовольствие. Иногда срывался навстречу бойкий ветер и осыпал их первой серебристой пыльцой, потом разбегался в обратную сторону и укладывал белые сверкающие полоски вдоль обочин. Но на такой ветер и идти было просто любо. Весь мир лежал перед тобой глубокий, мерцающий, жаркий.

Сначала спутница покосила на Алешу глазом: не плутает ли. Но шел он твердо, зная куда, и она призналась:

— А я первый раз в такой дороге,— засмеялась.— Даже не верится! Рыси, кабаны, сопки. И не думала! Жила неподалеку, а вот быть не была.

— А чего ж в такую пору? — вдруг озадачился Алеша.

— Да так пришлось.— Она усмехнулась и остановилась отдышаться.— Когда-то заболела да по глупости не вылечилась, теперь вот еду подышать соснами, сопками, попить вкусной воды. И вообще в новую жизнь.

Алеша понимающе кивнул.

Стало видно, как через все небо, что-то отыскивая, бежит спутник.

— А вы по работе кто? — спросил Алеша, забирая у нее чемодан.

— Учительница! Больная учительница!

— Вот здорово-то! — крикнул Ломоносов.

— Что здорово? Что больная учительница?

— Да нет! Здорово, что учительница! А по какому? — сразу же поинтересовался Алеша.

— По литературе и по языку.

— А историю и иностранный можете?

Она посмотрела на него с любопытством.

— Если постараться — смогу.— И вдруг сдвинула брови, прочитала:

Пусть посмотрит в глаза граница —
Все сумею и все смогу!

— Слышал такие стихи?

— Слышал! — сказал Алеша, ошарашенный тем, что к ним в поселок шла такая учительница.

Начавшие белеть сопки то подступали к дороге, и тогда звезды смотрели на землю прямо с них, то отступали, и звезды отдалялись в глубь неба — там начинали далекую от всего земного таинственную, неразгаданную игру... Потом вышел месяц, и все вокруг озолотилось. Вдали, справа, мелькнули, покачиваясь, огни фар. Там шли бронетранспортеры — наверное, с учения... Алеша вздохнул и сказал:

— А давайте к нам в школу! У нас учителя по истории нет, по языку нет. Не приехали. Во как нужно!

— Так мне лечиться надо,— сказала она.

— А и лечиться, и учить! — распорядился Ломоносов.— Я бы вас самой короткой дорогой до школы водил! Для дыхания — самое то!

Он вспомнил свою тропинку: сейчас, поди, вся в серебре!

— А если некогда ходить,— сказал он уверенно,— так договорились бы с начальником заставы, с Шербаковым, возили бы. Он, знаете, какой хороший!

— А точно хороший? — полюбопытствовала она.

— Ого! Да у нас все хорошие! И Капуста, и Иван Кузьмич.

— И Капуста Ивановна? — с каким-то особым интересом и улыбкой спросила Алешина спутница.

— А лучше Варвары Ивановны и не придумать! — вырвалось у Алеши.

И вдруг, остановясь, он спросил:

— А как вас зовут?

— Татьяна!

Ломоносов помолчал, подумал: «Татьяна-то хорошо, но учительницу эдак называть не станешь...» И уж сразу, наперед доспросил:

— А по отчеству?

Она все поняла и рассмеялась:

— Игнатьевна! Татьяна Игнатьевна я.— И засмеялась снова: еще до места не дошла, а уж нашла по дороге хорошего друга. Ну что ж, друзья всегда находятся в пути!

— Ну вот и уговорил! — сказал весело Алеша, подумав, что не такой уж зряшной оказалась его поездка.

На какую-то минуту в спину ударило морозной пылью и посвистом ветра. Татьяна Игнатьевна прислушалась, а Алеша резко обернулся. Но никого не было.

Они прошли еще с час, и Алеша успел выложить про ребят, и про то, как пропал и нашелся Удар, и как проучили шабашников. Рассказал о Котельникове, вспомнил о Поросюше — поискал в небе самое яркое созвездие.

Тут неожиданно сзади вырвались лучи фар, бросили на дорогу их выросшие тени, и рядом, как вкопанный, встал газик.

Дверца открылась, и из нее выглянула голова старшины Полтавского.

Путникам шагалось бодро, легко, в удовольствие. Весь мир лежал перед ними глубокий, мерцающий, жаркий...

— Вот это да! Видали? — сказал старшина.— Его все село разыскивало; на заставе тревога: Ломоносов пропал! Тигр слопал! Мать без ума. А он — на тебе! Ночные прогулочки совершает.

И вдруг, покосившись на женщину, перешел на полушепот:

— А это?!

Ломоносов, наклонясь поближе, прошептал что-то в ответ.

И, выпрыгнув из машины, пропуская учительницу на свое место, Полтавский сказал:

— Татьяна Игнатьевна, вы сюда, а мы с Ломоносовым к Пузыреву.

В машине пахло дратвой, сапожным варом и кожей.

Ломоносов увидел обнимавшего заставский телевизор Пузырева и все понял. Лучший в отряде сапожник рядовой Пузырев был единственным рядовым, за которым высылали машину, как за полковником. Из-за него спорили, за него воевали. Теперь Полтавский отвоевал его у соседней заставы и был очень рад, потому что подступала зима, валенок для подшивки на заставе собралась гора, а валенки, понятно, зимой нужны и на левом и на правом фланге.

Пузырев смотрел под ноги, где лежал подстреленный Полтавским часа два назад кабан, и думал, что обеды будут на заставе что надо.

— Здоровый! — сказал Ломоносов, потрогав кабана ногой.

— Пудов на девять! — откликнулся Полтавский и уточнил:— Сам бросился на машину! Прямо из камышей.

Настроение у старшины было хорошее: все валенки к зиме, считай, подшиты; телевизор исправен, так что заставе мировое первенство по хоккею и фигурное катание обеспечены; щи и котлеты есть. Буран на посту. Дозоры — в дозоре. Он посмотрел вдаль. Все в порядке.

Они вырулили к перекрестку и собирались поворачивать к санаторию, но тут у крайнего совхозного дома увидели толпу, услышали причитания. На снегу лежала задранная тигром черная свечкинская корова.

Ломоносов, а за ним Полтавский выпрыгнули из машины. Увидев новых людей, старуха Свечкина запричитала еще громче. Но тут же рядом раздался веселый крик Мышойкина:

— Алешка-то живой! — Витя бросился к товарищу.— Ты живой! А Иван Антоныч тебе уже оркестр заказывал. Мы с Прыгуновым все сопки облазили...

Алеша рассмеялся, но, заметив рядом Ивана Кузьмича, подошел к учителю, который уже начал осуждающе покачивать головой, показал в сторону машины, где стояла ошеломленная обилием событий Татьяна Игнатьевна, и быстро, убеждающе заговорил.

Иван Кузьмич слушал сначала с недоверием, потом с удивлением и, наконец, уже к удивлению Ломоносова, спросил: «Так там Татьяна Игнатьевна?» — и качнув головой: «Ну, Ломоносов, ну, Ломоносов!» — почти побежал к машине.

Воскресный день у Алеши не прошел, пролетел! Как фазан! Так и вспыхнул золотым огнем! Может быть, оттого, что с самого утра играла морозцем протоптанная им тропа и сопки в ярких кленовых перьях так и горели жарким осенним цветом — золотым, лиловым, огненно-алым.

Может быть, еще и оттого, что по этому радостному пожару где-то бродил красивый и опасный зверь.

Но прежде всего от чуда, которое он привез. Потому что Капуста как увидела Татьяну Игнатьевну, так и сказала: «Ну чудо, чудо!» — и засмеялась от радости.

Ее-то, давнюю подругу, походницу и затейницу, и ждала Варвара Ивановна. К ней заезжала, уговаривала приехать, хотя и сомневалась, получится ли. А вот и получилось: не усидела Татьяна, выбралась и лечиться, и детей учить. Сейчас очень нужна была она школе. Только бы ей понравилось!

Вот и водил Алеша Татьяну Игнатьевну с Варварой Ивановной по самым красивым местам. По распадкам, ручейкам, сопкам. Чтобы понравилось!

На Зинкиной заставе были. На школьном участке огромные, в две ладони, следы осмотрели. С пастуховской скалы, уже всем классом, самые дальние дали оглядывали и место для новой школы присматривали.

А на следующий день к концу занятий Татьяна Игнатьевна сама пришла в школу и дала первый урок английского. Так и предупредила: «Попробуем». Подняла привезенный Варварой Ивановной новенький учебник, сказала:

— Учебник учебником. Но давайте представим, что мы отправились на корабле в путешествие и потерпели крушение, а прибило нас к острову, где говорят только на английском. И нам с вами, чтобы объясниться...

— Надо учиться говорить! — сказал Мышойкин.

— А меня с собой возьмете? — озорно спросила подсевшая к Мите Варвара Ивановна.

Татьяна Игнатьевна спросила ребят: «Возьмем?» — и, услышав дружное согласие, кивнула: «Решено».

Вот какие это были дни!

В этой суматохе, правда, заезжали в поселок милиционеры, спрашивали, не появлялся ли кто чужой, посторонний. Мужчина. Но таковых не было. Шабашников проводили, другие не заглядывали. Правда, когда Алеша вспоминал вагон, щелку в дверях, пограничное чувство тревоги его не оставляло. Но здесь чужих не было.

А вот мысль была.

У Ломоносова была мысль, из-за которой теперь под вечер все сидели в школе, судили-рядили, и за последней партой вместе с Варварой Ивановной возле ребят — Татьяна Игнатьевна. Она слушала, думала, и в глазах у нее было столько интереса ко всему, делавшемуся рядом, столько живости и желания жить этой новой жизнью, что с нею загорались и ребята, и Варвара Ивановна, словно бы по-новому все открывали, что было вокруг. И Иван Кузьмич, что-то считавший у стола на микрокалькуляторе, то и дело, вскидывая голову, с любопытством вглядывался в гостью.

После уроков Алеша стал рассказывать, как ехал в одном поезде с «зарничниками», которые всем отрядом отправились на финал в Океанск.

— Вот и нам бы так! — сказал он ребятам.

— В «Зарницу» играть? — спросила Зина.

— Ну, у них «Зарница», а у нас «Граница»,— нашелся Алеша.— И дело, и игра. И чтоб каждую осень финал, на сопке, в день Пастухова. А? — Алеша посмотрел на ребят.

— А что ж, хорошо,— включилась в разговор Варвара Ивановна.

— А форма? — спросил Витя Мышойкин.

— Не в форме дело,— заметил Алеша.— А если форму, так что, не достанем? В совхозе заработаем! И на огороде, и в поле! Да мы и коровник бы покрыли сами!

— Ну уж это ты перебрал,— улыбнулся, отрываясь от микрокалькулятора, Иван Кузьмич.

Алеша посмотрел на него, согласился:

— Ну, может, немного и перебрал. А вот заработать, чтоб на каждой парте такой прибор,— он кивнул на микрокалькулятор,— и чтоб всем классом и к вулкану, и на залив, и еще куда, можем? Можем!

— Дел хватит,— сказал Витя.

Татьяна Игнатьевна посмотрела на Витю:

— Дел, конечно, хватит... Вот стояли мы вчера на скале.— Она, неожиданно выпрямясь, посмотрела вдаль.— И я думала: какая вокруг красота! За такую красоту жизнь отдать не жалко. И не зря отдал ее молодой пограничник, комсомолец, ваш старший брат...

Класс притих.

— Не знаю, на что мы еще заработаем,— сказала Татьяна Игнатьевна,— но прежде всего я заработала бы ему на памятник. Пусть маленький, пусть всего мраморная доска на скале: его профиль и...

— И стихи,— подсказал Митя.

— Да, стихи. Последние две строчки. Но так, чтобы их видели и люди, и ветры, и эта земля. Или я не права? — быстро спросила Татьяна Игнатьевна.

— Правда,— сказали все.

— И еще.— Татьяна Игнатьевна подалась вперед.— Не поставить ли нам спектакль?

Варвара Ивановна всплеснула руками и улыбнулась: ну что я вам говорила?! А Татьяна Игнатьевна посмотрела ребятам в глаза:

— Давайте попробуем? Спектакль о герое-пограничнике, о его друзьях и о новых героях! И напишем, и сыграем!

Все разошлись... Только Алеша да Витя, выбранные командир и начальник штаба, остались продумывать план «Зарницы». Дело есть дело!

Заехал было на несколько минут капитан Щербаков, расспросил, как дела, и как бы мимоходом напомнил, если что — помнить о границе. Он уехал, а мальчишки снова взялись за дело.

Иван Кузьмич, изредка поглядывая на ребят, сидел у окна над тетрадями, и листать ему их было радостно, интересно. Время торопилось, несло навстречу веселые хвойные запахи: новогодних забот, снежинок, хорошего веселого утренника... Раздобыть бы к зиме ребятам лыжи, достать бы коньки!

И тут в темноте послышался прихрамывающий шаг, по стеклам скользнул раз, потом другой резкий луч света, раздался стук в дверь, а за ним веселый голос:

— Ну что, сидите?

Это довольный Иван Антоныч пробовал фонарь с раздобытыми наконец батарейками.

— А я к вам с хорошим делом! — сказал он и, присев за парту, движением руки пригласил всех поближе:

— Ехал я обратно из города. С батарейками и с книгами. А со мной полвагона ребят. Молодцы в «Зарнице» воевали! Про них радио говорило.— Он посмотрел на мальчиков и выложил суть. — А я подумал: чем наши хуже? Наши, броня крепка, может, и лучше! Только бы им форму и устав. Как вы думаете, а? Чем мы хуже? — Он снова посмотрел на Алешу и Витю.

— А мы и не хуже! — улыбнулся Ломоносов.

— Опоздал малость, Иван Антоныч! — подмигнул Иван Кузьмич. — Мы уже военный совет провели.

— Да ну?

— Точно!

— Это хорошо! — одобрительно сказал Иван Антоныч.— Хорошо. Но форму и оружие надо сделать на совесть, чтоб комар носа не подточил.

— Материал нужен,— заметил Иван Кузьмич.

— А материал хоть сейчас,— по-боевому расправив грудь, заверил Иван Антоныч.— Пошли?!

— Темно,— предупредил Иван Кузьмич.

— А это на что?— Иван Антоныч с гордостью похвалился светом своего фонарика: наконец-то горит, хоть книгу читай!

Встретилась в дверях Варвара Ивановна, стала приглашать на чай с вареньем. Вишневое! Из самого-самого Чернигова везла!

Но Иван Антоныч все расписал по порядку:

— Спасибо, только сперва дело. А там и чай!

Он вышел во двор и, посвечивая фонариком, захромал по дорожке. За ним, поеживаясь, пошел Иван Кузьмич, следом Алеша и Витя.

Луч то неторопливо скользил по дороге, то легко пролетал по сопке и, отрываясь от земли, бросался сквозь тьму в самые далекие звезды. Но вот он вернулся на сопку, снова прошелся по тропе и уперся в сарай.

Дверь протяжно скрипнула и застыла. Алеша вздрогнул. Но Иван Антоныч щедро сказал:

— Материалу здесь, Кузьмич, на целую армию.

Он распахнул дверь, шагнул и вдруг, метнув наверх луч, крикнул:

— Стой!

Дверь откинулась. Мгновенный удар чем-то тяжелым обрушился на Ивана Антоныча. Хватаясь за грудь, он вскрикнул: «Ах, ты, броня...» — и тяжело опустился по косяку вниз.

А мимо, оттолкнув ребят и учителя, ринулся кто-то тяжелый, громадный. В бьющем вверх застывшем луче света рядом с Ломоносовым мелькнуло знакомое угловатое лицо.

— Алеша...— позвал Иван Антоныч.— Алеша!

И это «Алеша» толкнуло Ломоносова с незнакомой еще силой вперед, за врагом, потому означало только одно: «Задержи!»

Не оглядываясь, Алеша крикнул: «На заставу!» — и, пригнувшись, бросился в погоню.

На мгновение шум впереди затих. Алеша тоже остановился.

Тьма наполнилась напряжением и опасностью. Он почувствовал, как в ней озирается, и прислушиваясь, выискивает направление бандит. Как он зрачками и слухом впитывает этот сжимающийся, наполненный грохотом сердца простор.

И сам Ломоносов в один миг уловил всю их долину: справа — санаторий, впереди — застава, слева — сопка и граница. И если враг знает место, ни к заставе, ни к дороге он не пойдет. Он кинется только в гору, по сопке. Обратного пути у него нет.

Алеша бросился по тропе, опережая врага.

Враг бежал рядом. Это был враг, враг! Он ранил капитана! Он только что свалил Ивана Антоныча. Это он на весь вагон, на весь мир, про который они сегодня говорили, смотрел с лютой злобой и ненавистью. Тот ли он, что был на снимке, или другой — это он, все равно он!

Враг тоже понял Алешин расчет и обманно сквозь камыши бросился вправо, чтобы обойти препятствие стороной. Но там, у Зинкиной заставы, загремело, загромыхало, и он ринулся вверх.

Алеша тоже метнулся вправо, но только вперед, выше и теперь стоял на пастуховской тропе, которую обойти было почти невозможно.

Тот, кто ломился снизу, выбираясь на тропу, видел, что перед ним в темноте малец, которого можно смять и отбросить одним ударом ноги. Но, может быть, еще он увидел и то, что глаза этого мальчишки уже давно упорствовали на его пути, мешали, полные непримиримой ненависти и презрения. Они задерживали.

Он хрипло крикнул: «Уйди!» И в ту же минуту Алеша увидел вырастающую в прыжке фигуру, вскинутую руку, мелькнувшее лезвие.

Он этого ждал: пригнулся и рывком занес над собой подхваченную крепкую жердь. Испуга не было.

Было только грохочущее сердце.

В этот миг противник оглянулся и замер.

Слева на вышке вспыхнул прожектор, и по полю шел белый дымящийся луч. Словно поджигая простор, он подходил все ближе, ближе, и отступать врагу было некуда. Он мог идти только вперед, на Алешу.

Но Ломоносову отступать было невозможно. Они стояли на одной тропе друг против друга. Один — громадный, полный ненависти и злобы, и другой — маленький, полный упорства и огня.

Кровь гудела в сердце, в ушах, и поэтому он не слышал ни тревожных звуков горна, ни криков: «Алеша, Алеша!» Он не видел, как подбегают Майоров и Прыгунов и громадными скачками одолевает пространство Буран.

Он видел только врага.

Видел и шел ему навстречу, на свой первый бой, и другого пути у него не было. Он шел — и граница смотрела ему в глаза.

КОНЕЦ

К 100-летию со дня рождения В. А. Фаворского

Сергей ГОЛИЦЫН

РАССКАЗ О ДОБРОМ ХУДОЖНИКЕ

Не так давно жил в Москве один старый, добрый и мудрый художник — Владимир Андреевич Фаворский. Его постоянно окружали многочисленные ученики. Он их любил, давал им советы, и не только по их работам: он заботился о них, переживал их неудачи, помогал им стать настоящими художниками.

И еще он очень любил детей. Когда-то, в начале революции, он резал кукол для первого спектакля детского театра, которым руководила Наталья Сац. В том доме, где он жил, после войны были квартиры других художников. Их дети, друзья этих детей, а также внуки его самого могли прийти к нему в любое время. Они отвлекали его, но он никогда на них не сердился, прощал им шалости. Нередко они показывали ему свои рисунки. Он когда хвалил, а когда и деликатно указывал на недостатки. Он говорил, что, «несмотря на техническую слабость, рисование детей и живопись в большинстве случаев — искусство, и очень живое, увлекательное, непосредственное...».

Взрослые почитали его за ум, за отзывчивость, за добрые советы. Дети любили его за ласку. А за длинную седую бороду называли Владимира Андреевича добрым Дедушкой Морозом.

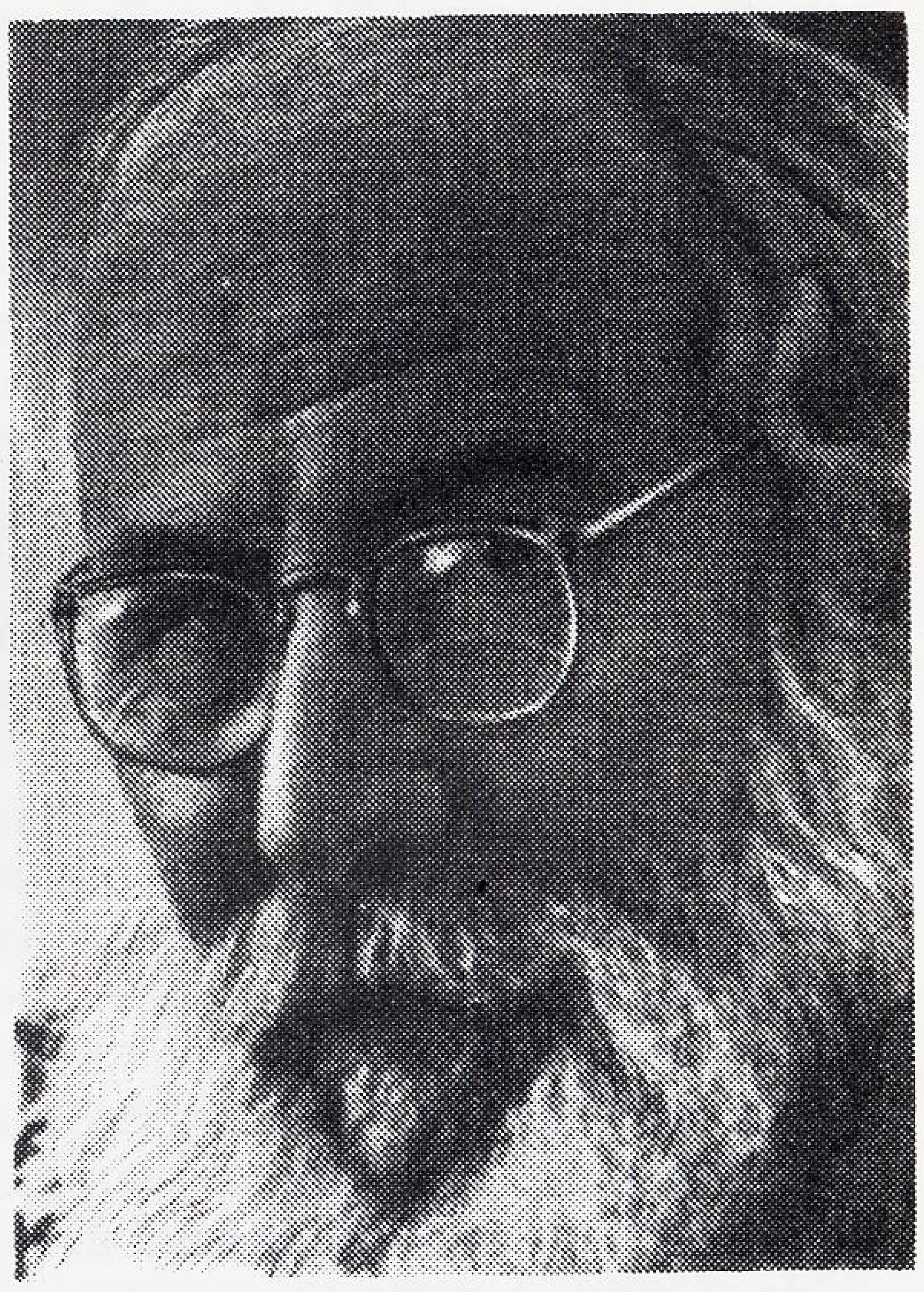
Каждое утро в своей мастерской он садился за стол и начинал работать. Он не писал больших, многокрасочных полотен, а иллюстрировал книги, в том числе и детские. Он считал, что в книгах самое главное — это текст. Цветные, яркие картинки отвлекают, а они должны помогать читателю глубже вникать во всё то, о чем писал автор книги.

Казалось бы, и быстрее, и легче было рисовать просто на бумаге — ватмане — тушью с помощью пера и кисточки. А Фаворский говорил:

— Я люблю материал, сопротивляющийся художнику.

Этот материал — крепчайшее дерево самшит, растущее на Кавказе. От самшитового полена отпиливаются кругляши толщиной с палец, от каждого кругляша откалываются по четыре горбушки, затем полученные квадратики склеиваются между собой. Так получаются прямоугольники — торцовые дощечки. Размером они могут быть от половины обычного листа бумаги до почтовой марки. Гладко отполированные, они очень красивы: желто-розовые, все в концентрических кружках — годовых кольцах, то более темных, то более светлых.

Фаворский брал торцовую дощечку и тушью наносил на нее заранее заготовленный на бумаге рисунок, но в зеркальном изображении. Была у него особая кожаная, похожая на каравай черного хлеба, набитая песком подушка. Он при-



Владимир Андреевич
ФАВОРСКИЙ

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ», 1937 г., гравюра на дереве.

страивал на ней свою дощечку, а сзади ставил зеркало. Ведь ему нужно было видеть в нем рисунок таким, каким он позднее отпечатается на бумаге. Он выбирал из ящика один из штихелей...

Штихели — это острые стальные резцы, или, как иглы, тонкие, или потолще. Ручка у штихеля деревянная, она похожа на гриб, но со шляпкой, расколотой пополам, с длинной ножкой. В конце ножки вставляется резец.

Фаворский мог часами сидеть и проводить штихелем бороздки, то совсем как паутинка, то потолще, как человеческий или конский волос. Он ставил точки, то едва заметные, то размером с просяное зернышко. Он резал штихелем бережно и медленно, словно ласкал дощечку. Ошибиться ему никак было нельзя, иначе приходилось высверливать испорченное место и вставлять самшитовую пробочку.

Когда он считал, что все готово, то специальным валиком накатывал на дощечку черную краску, брал лист бумаги, накладывал на дощечку и разглаживал особой кисточкой.

Так получался оттиск. Те места, где на дощечке шли бороздки и штрихи, где рассыпались ямки, оставались белыми, а места, которых штихель не касался, получались черными. Такие оттиски называются гравюрами. У Фаворского они всегда выходили изящнее, тоньше, красивее, нежели рисунки тушью. Вот почему он предпочитал работать на твердой и неподатливой торцовой дощечке.

За долгую жизнь ему довелось иллюстрировать множество книг, одно их перечисление заняло бы целую страницу. Больше всего он любил украшать книги исторические, особенно посвященные русской истории, прославляющие подвиги русского народа. Он, например, иллюстрировал поэму Наталии Кончаловской «Наша древняя столица».

А вот как он работал над великим произведением двенадцатого века — «Словом о полку Игореве».

Дважды до войны и один раз после войны он принимался за «Слово». Оно издано было совсем маленькой книжечкой с мелкими гравюрами, затем он исполнил две гравюры к юбилейной выставке «Слова», еще две гравюры — для школьной хрестоматии.

И только взявшись за работу в четвертый раз, он осознал, что те прежние его гравюры были лишь подготовкой к самому главному, к тому, что он собирался делать для детского издательства.

Ни к какой работе над книгой он не относился равнодушно, даже если рукопись казалась ему бледной. Вчитываясь в текст, он искал в нем живые мысли. А уж если автор был классик, Фаворский не просто увлекался работой, а влюблялся в нее. Теперь, на старости лет, перечитывая строку за строкой «Слово», он забывал все на свете и сосредоточенно набрасывал в блокноте эскизы к будущим гравюрам. Он понимал, какой немыслимо тяжкий труд взял на себя.

Он ходил в Исторический музей, там срисовывал древнерусское оружие — старинные мечи, островерхие шлемы, стрелы. Особенно его привлек большой тускло-красный щит острым концом вниз. Он срисовывал одежду, посуду, другие предметы древнего быта.

Он ходил и в Ленинскую библиотеку, там подолгу рассматривал каждую рукопись двенадцатого, тринадцатого, четырнадцатого веков. Впоследствии в своей книге «Рассказы художника-гравера» он писал: «В древних русских книгах такое богатство и разнообразие орнамента, что его можно рассматривать без конца... Орнамент состоит из сложных переплетений и из зверей, кото-

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ», разворотная иллюстрация, 1950 г., гравюра на дереве.

рые дерутся друг с другом, проглатывают друг друга, переплетаются друг с другом. Буквы (заглавные) были тоже со зверями или людьми. Но, в общем, узоры орнамента были суровые и мужественные, соответственно времени, когда русским людям постоянно приходилось бороться и с природой, и с другими народами за свое существование».

Фаворский срисовал множество узоров, чтобы потом выбрать из них лишь некоторые.

Вчитываясь в «Слово», он различал в нем две линии. Одна — это походы, суровая борьба, битва с половцами. Эту линию должны олицетворять в будущих гравюрах звери из древних книг.

И другая линия — поэтическая, нежная. Это такие лирические отступления, как «Плач Ярославны», как многие и многие сравнения, взятые из мира природы.

Фаворский понимал, что в будущей его книге обе линии — героическая и лирика — должны слиться в единое и прекрасное целое.

С юных лет он любил рисовать птиц, рисовал просто для себя соколов, орлов, уток, лебедей, ласточек; на его рисунках они сидят поодиночке и стаями на ветках, на земле, плавают, а всего чаще летают. Его увлекала красота их полета. Теперь, перелистывая старые альбомы, он радовался, что многие рисунки пригодятся для «Слова».

Прежде чем начать работать над книгой, Фаворский должен был «построить макет», то есть точно рассчитать, где и на какой странице сколько строк займет текст, как разместить иллюстрации, каких размеров будет каждая из них. Все они должны выглядеть убедительными и понятными, чтобы дети, с интересом разглядывая их, учились бы русской истории.

Сперва Фаворский начал думать об обложке. Далась она ему не сразу, а после многих примерок и проб. На предварительном эскизе он наметил восемь всадников, потом сократил их до пяти, в конце концов оставил троих. Для фона он выбрал тусклый кирпично-красный цвет. Такой, как украшения в древнерусских книгах. На этот словно поблекший от времени фон он перенес с эскиза трех всадников, дал им в руки щиты. Стебли растений обвиваются вокруг них. Кони у них — статные, тонконогие. Над их головами летят соколы — сперва их было три, потом художник добавил четвертого. Ниже он разместил название книги, начертанное буквами, похожими на славянские. Он сам придумал шрифт, долго бился, пока не остался доволен им.

По всей книге начиная с обложки, по всем гравюрам — от самых больших, на разворотах, до самых крошечных, на полях — вместе с людьми живет и действует природа, земля Русская. Люди страдают, думают, переживают, борются; вокруг них цветы, трава, деревья, облака, тучи, солнце, птицы летают. Всюду поэзия, красота. На полях черные и тускло-красные узоры из древнерусских рукописей напоминают о двенадцатом веке. Они связывают всю книгу в единое и прекрасное целое.

«Слово о полку Игореве» с иллюстрациями Фаворского — это, наверное, самое совершенное творение художника. За эту книгу, а также за иллюстрации к «Борису Годунову» и к «Маленьким трагедиям» Пушкина Фаворский стал лауреатом Ленинской премии. Он был первым из художников, работающих над книгой, кто получил столь высокую награду.

Фаворский скончался в 1964 году. С тех пор прошло более двадцати лет. Время от времени устраиваются выставки художественно оформленных книг. Там на стендах всегда можно увидеть те издания, которые были оформлены его учениками и учениками его учеников.

По тому, как построен макет, как идет штриховка на отдельных гравюрах, всегда угадывается воздействие того мудрого и доброго мастера, кто на недосягаемую высоту поднял тончайшее и прекрасное искусство украшения книги.

А. ПУШКИН. «БОРИС ГОДУНОВ», 1954—1955 г., гравюра на дереве.

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

(1894—1959)

«Никогда не бери в дорогу с собой то, что может пригодиться,— бери только то, без чего нельзя обойтись» — такой совет дал пионерам-путешественникам знаменитый детский писатель Виталий Валентинович Бианки.

Уж он-то знал, как надо путешествовать! С тех пор, как он научился ходить, отец — известный ученый-орнитолог — начал брать его в свои прогулки и путешествия. Орнитолог — это ученый, изучающий птиц. С отцом маленький Виталий Бианки бродил по лесу, рощам, полям, научился распознавать каждую птицу, насекомое, травинку. Все живое в природе он не только знал в лицо, но еще и умел назвать по имени, отчеству и фамилии.

Прошли годы. Виталий Бианки, как и отец, окончил университет, стал ученым-натуралистом, изучающим птиц. И каждый год многие недели и месяцы Виталий Бианки проводил в путешествиях. Нет, он не ездил в Африку и Южную Америку, не бродил по Камчатке и Чукотке — все свои путешествия он совершал только в близких ему лесах и полях Новгородской области. Зато там он видел то, что другие не умеют увидеть. И это было так захватывающе интересно, что у него появилось желание рассказать об этом детям. В 1923 году вышла первая книжка писателя «Чей нос лучше?».

Не случайно в названии этой первой книжки вопрос. Вы знаете и сами, сколько вопросов возникает у человека, начинающего присматриваться к природе. «Чей нос лучше?», «Чьи это ноги?», «Кто чем поет?» — так назывались книги Бианки. В них он рассказывал своему читателю, как много может разглядеть внимательный, любящий природу человек. Птицы танцуют на воде, маленькая белка испугала большую лису, медведь играет на расщепленном пне, как на струне... Как, оказывается, интересно увидеть и то, как птицы и звери помогают друг другу в борьбе за существование: птицы разных пород набрасываются на кота, разоряющего их гнезда; прогоняют своего врага — сову, ставшую беспомощной от дневного света...

Но природа для Виталия Бианки существует не сама по себе. Человек стал такой могущественной силой, что без его любви и умной, внимательной помощи природа оскудеет, лишится своей главной способности — к самообновлению. Сейчас большая часть населения нашей страны живет в городах. И как же важно, просто необходимо людям не терять связи с лесами, лугами, реками, озерами, болотами, со сложным и красивым миром, наполненным жизнью растений и животных. Но Бианки с недоверием и без всякой симпатии относился к таким туристам, которые предпочитают увидеть красоту лесов или гор из окна автобуса, постояв у дверей автомобиля, а то и вовсе сверху, с самолета... Свое письмо к пионерам, путешествующим по родным краям, Бианки начал так: «...доброго здоровья вашим многоуважаемым ногам!.. Если вы хотите узнать родную землю по-настоящему близко и крепко — отправляйтесь на «топтобусе»: своими ногами пройдите по ней — по проселочным дорогам, лесным и полевым тропам и совсем без дорог».

Виталий Бианки был писателем, которого нельзя себе представить без постоянного, непрерывного общения с читателями-школьниками. Бианки с ребятами на «топтобусе» бродил по лесам, изучал с ними реки и речушки — от маленького родничка до устья. А больше всего переписывался. Получал сотни и тысячи писем от своих читателей и всем отвечал на вопросы.

А потом на основе этой переписки с «лескорами», как он их называл, создал совершенно замечательную, единственную в мире книгу «Лесная газета». В ней было все, что в настоящей газете: передовая, хроника, «письма в редакцию», фельетоны... Весело и интересно рассказывалось о той удивительной и сложной жизни, которая происходит в лесу. Огромен был успех этой книги, она много раз переиздавалась, переведена на многие языки мира.

Виталий Бианки любил писать сказки. Герои его сказок — звери, птицы, насекомые. Но, как и положено в сказках, они умеют разговаривать, шутить, плакать, радоваться. И в этих сказках, как и во всех произведениях писателя, его любовь, его надежды, его вера. В одном из своих сочинений о птицах — их он любил больше всех других животных — он фантазировал: летят над нашей землей перелетные птицы. Вот бы всем птицам от ласточки до лебедя и журавля надеть на лапку скатанное в трубочку послание, которое развернули бы и прочли люди во всех странах. А в послании написать:

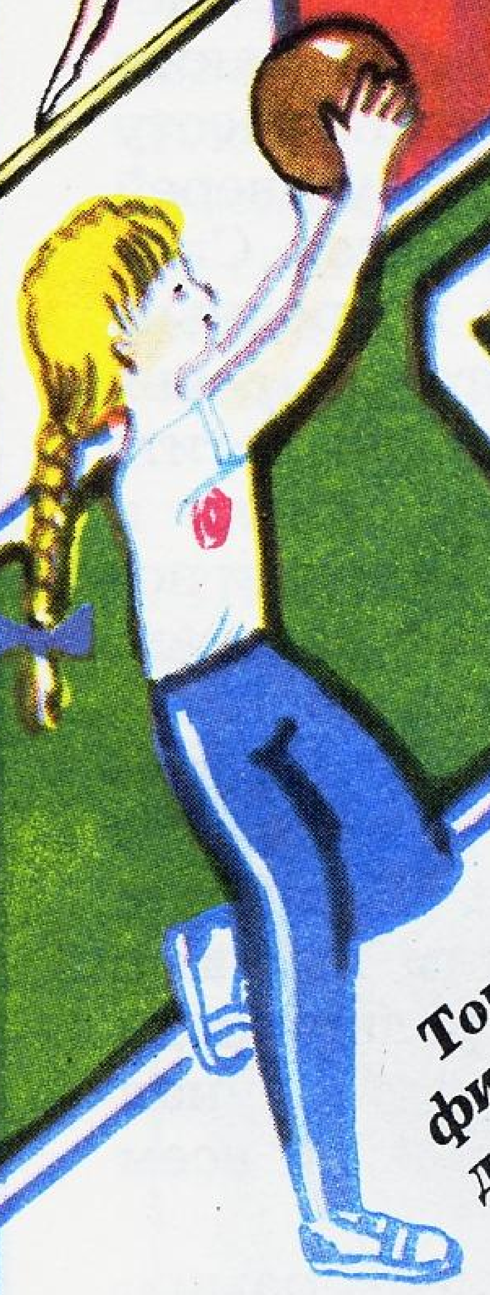
Клянемся вражду между стран уничтожить,
Жить в мире со всеми клянитесь вы тоже!
Да здравствует дружба, да сгинет война
На вечные времена!

Вот он какой был человек и писатель — Виталий Бианки!

Лев РАЗГОН

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

«ПИОНЕР»СКИЙ СПОРТЗАЛ

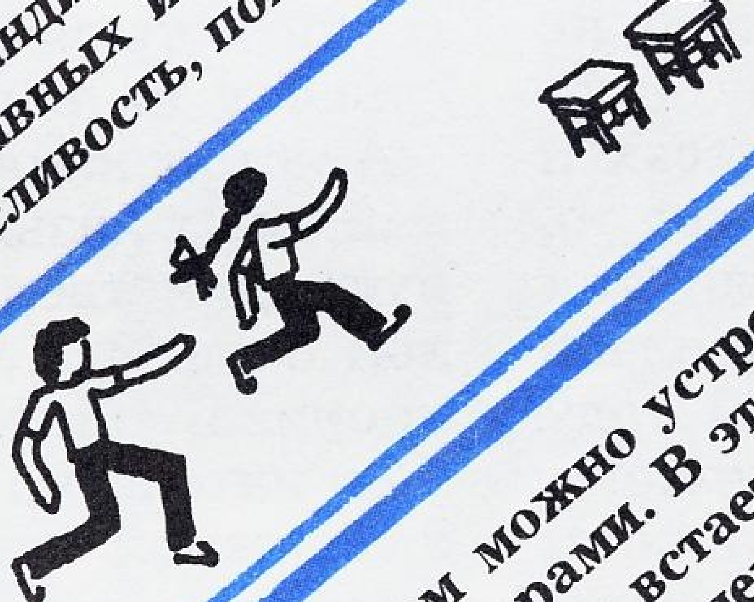


Тогда, в 1931 году, юношам и девушкам Советской страны, участникам физкультурного комплекса ГТО вручали первый «физкультурный орден» — значок ГТО. А через десятилетие они, верные защитники Родины, закалившие себя с молодых лет в спорте, награждались, нередко посмертно, орденами боевыми.

С тех пор как со страниц «Комсомолки» впервые прозвучал девиз «Готов к труду и обороне СССР», прошло 55 лет. И сегодня каждый из вас, ребята, знает, что ГТО — это крепкая закалка, физическая выносливость, это здоровье и готовность по первому призыву Родины встать в ряды ее защитников.

В этом номере кандидат педагогических наук Игорь Михайлович Коротков предлагает вам несколько спортивных игр. Такие игры готовят вас к сдаче норм ГТО, развивают ловкость, скорость, выносливость, помогают в любое время года не терять хорошую спортивную форму.

1 Ходьба с пересадкой

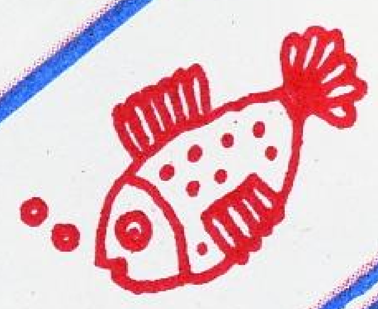


На одном из концов зала стоят две табуретки. По сигналу игрок взбирается на одну из них, потом, взяв другую, ставит ее впереди и переходит на нее. Так, переступая с табуретки на табуретку, играющий должен дойти до отметки на другом конце зала. Кто из игроков сделал это первым, не оступившись, тот и победил.

Затем можно устроить соревнование парами. В этом случае один из игроков встает на табуретку, а его товарищ переносит другую табуретку, на которую переходит партнер, вперед. Затем освободившаяся табуретка снова переносится вперед.

Добравшись до поворотной отметки, игроки меняются местами.

3 Спринтеры



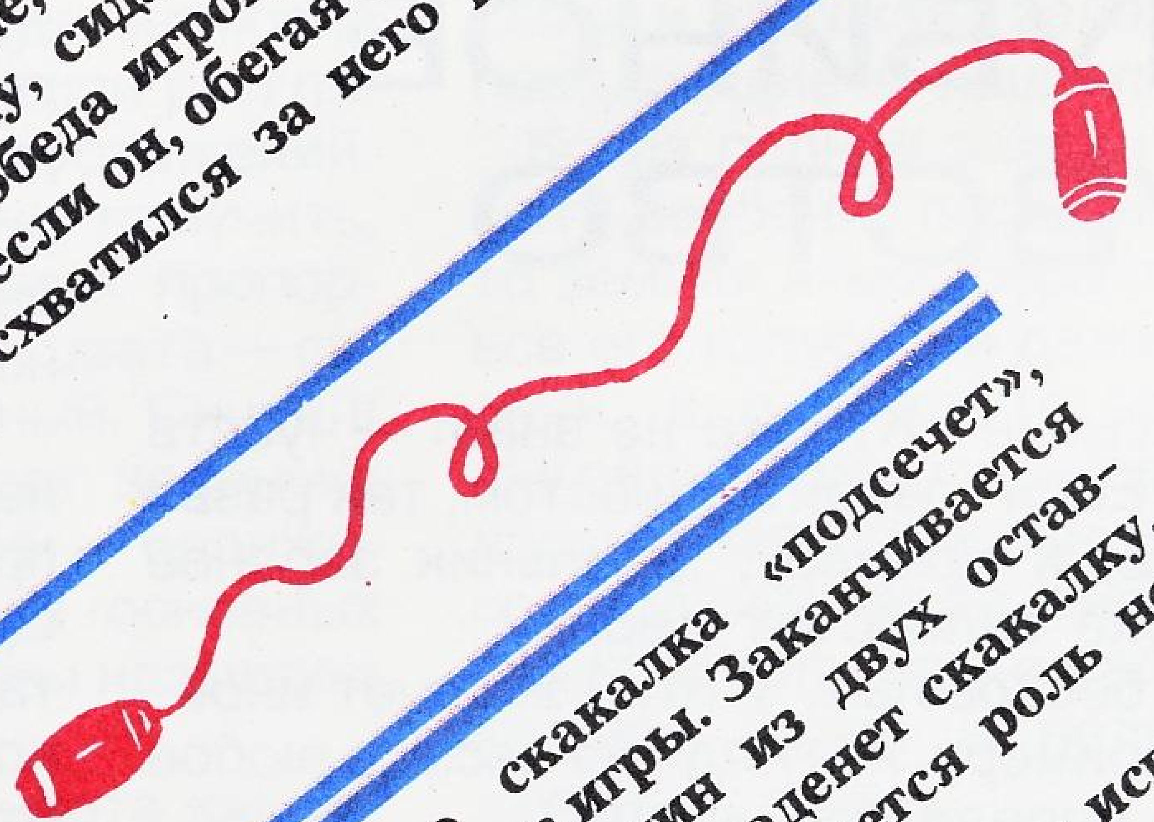
2 Рыболовы

В этом соревновании победит тот, у кого проворнее руки. Для игры возьмем тонкую веревку длиной 8—10 метров, которую условно назовем удочкой. Привяжем к ее середине пластмассовую рыбку, а к двум свободным концам веревки прикрепим эстафетные палочки. Эти палочки вручаются двум «рыболовам», которые встают друг против друга. При этом удочка с рыбкой натягивается. По сигналу каждый участник поединка начинает быстро вращать палочку, наматывая на нее веревку и продвигаясь вперед. Все ближе и ближе подходят участники игры к рыбке. Наконец палочка одного из них касается рыбки. Поздравляем победителя!

Так называют бегунов на короткие дистанции. В игре проверяются быстрота и ловкость. Здесь также нужны табуретки или стулья и веревочка.

Табуретки ставятся в зале на расстоянии 10 метров друг от друга, а веревка натягивается на полу так, чтобы ее концы проходили между ножками табуреток. На табуретки спиной друг к другу садятся два участника игры. Неожиданно раздается свисток, по которому игроки покидают свои стулья и бегут, огибая стул соперника слева и возвращаясь к своему стулу. Надо быстро сесть на него и постараться дернуть за веревочку раньше соперника.

Победитель забега продолжает соревнование. Во втором забеге он снова может выиграть, а может и выйти из игры, уступив место другому бегуну. В игре важно соблюдать два правила. Во-первых, победа засчитывается только в том случае, если игрок дернул веревочку, сидя на стуле. Во-вторых, победа игроку не присуждается, если он, обегая стул соперника, схватился за него рукой.

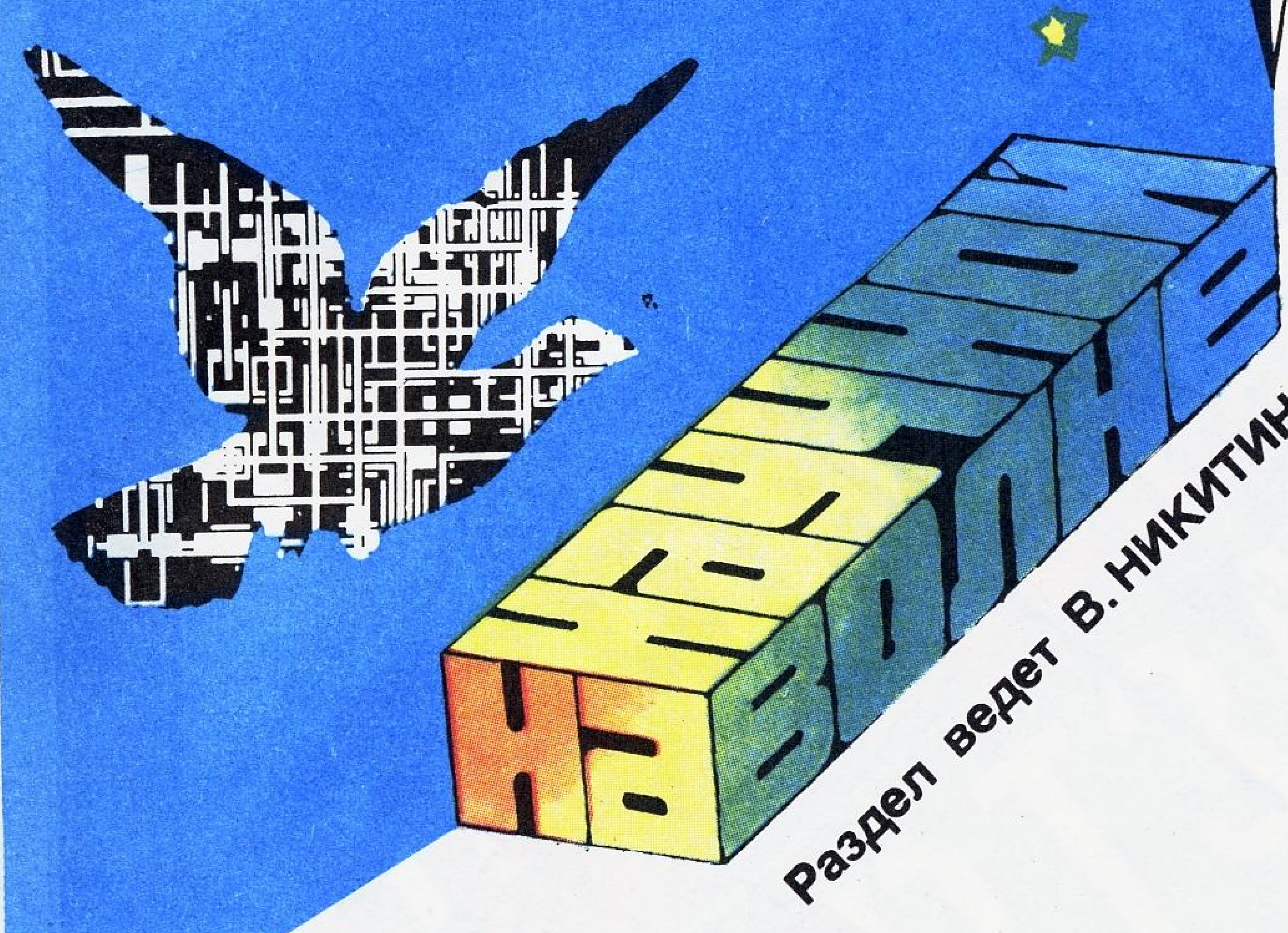


4 Скакалка-подсекалка

Эта игра с прыжками. Пять-шесть игроков встают по кругу, а один со скакалкой в руках выходит на середину. Он берет скакалку за одну ручку и, присев, начинает ее вращать вокруг себя, перехватывая сзади руками. Другая ручка скользит по полу, описывая круги. Игроки делают один-два шага вперед, чтобы оказаться над скакалкой, а затем перепрыгивают через нее, стараясь не задеть.

Тот, кого скакалка «подсечет», выбывает из игры. Заканчивается игра, когда один из двух оставшихся игроков заденет скакалку. Победителю поручается роль нового водящего.

Вместо скакалки часто используют веревочку, на конце которой небольшой мешочек с песком. Веревка может быть длиной больше скакалки, поэтому в игре могут принять участие больше игроков.



Раздел ведет В. НИКИТИНА

Тайны раскрытые и нераскрытые

ВОСЬМОЕ ГОЛУБИНОЕ ЧУВСТВО

...Какое такое восьмое? Кто же не знает — чувств бывает всего пять. Если говорят о шестом, так разве что в шутку. Когда, к примеру, школьник заранее чует, на каком уроке схлопочет двойку.

Пять — это у нас, бескрылых. У птиц же счет иной.

Можете ли вы, к примеру, не глядя на часы, в любое время суток точно определить время?

Едва ли.

А голубь, обыкновенный почтовый голубь всегда знает, который час и где в этот час должно находиться Солнце. Потому-то и определяет страны света безошибочно, не хуже бывалого штурмана. Это доказали хитроумные опыты, при которых ученые нарочно «сдвигали» шестое птичье чувство на несколько часов. Сбитые с толку голуби прокладывали курс в точности так, как если бы солнышко запоздало или, наоборот, убежало вперед ровно на столько же...

Посади любого из вас в машину без окошек, увези в незнакомый лес за километр-другой, выпусти без карты и компаса — нипочем не отыщете дорогу домой, пока не спросите кого-нибудь.

Тренированный голубь без труда находит родную голубятню, даже если его увозят от нее на тысячу километров в любом направлении. Задавать вопросы он, понятно, не умеет (да и кому их задавать), карту в клюве не носит. Солнечный «компас», правда, при нем. Но если на дворе ночь, он что же, думаете, ждет рассвета? Как бы не так. Летит, не медля ни минуты, и прекрасно добирается до дома со средней скоростью 60, а то и все 80 километров в час.

Выходит, и светило ему ни к чему?

Получается, что так... Если не помогает шестое чувство, птица подключает следующее, седьмое...

В наши дни радость владельца голубятни знакома не многим. Сидишь в тишине на теплой крыше, а высоко над тобой стройной эскадрильей вьется вознесшаяся по твоей команде стая благородных летунов. И ты точно знаешь, что они обязательно вернутся к тебе, прилетят, усядутся кругом, потому что признают и почитают только тебя, кормильца и хозяина...

Гонять голубей считается забавой старомодной, мало подходящей для века электроники. Между тем и в этот век голубиная почта считается верной и надежной. Ведь ей не мешают радиопомехи, коварный враг ее не перехватит. Не случайно во многих государствах до сих пор выращивают, холят и лелеют почтовых голубей. Ну, а если вспомнить историю, так можно ли не упомянуть сотни птиц, исправно доставлявших в 1870 году донесения из осажденного немцами Парижа; бесчисленных почтарей, служивших и древнерусским князьям, и римским императорам, и даже египетским фараонам?..

Выращивать и обучать крылатых вестников умели еще в незапамятные времена, но знали ли тогда, как голубь прокладывает путь ночью или в пасмурную погоду? Конечно, нет. Так же, как не знали компаса. Между тем у голубей (это выяснили лет 20 назад) компасы были и тогда. Настоящие, магнитные. Это тоже удалось выяснить, сбивая птиц с верной дороги. Привязывали им к лапкам легкие магнитики — и почтари (если они не видели Солнца) начинали блуждать. Их подводило то самое седьмое чувство: оно, оказывается, воспринимает направление магнитного поля Земли.

Часы, компас... Это, конечно, замечательно, но для нас, людей, обыденно. Внутри нас таких приборов, правда, нет, но зато мы их давным-давно изобрели. Однако у птиц есть в запасе еще одна штуковина, такая, что нам и не снилась. Ведь и солнечный компас, и магнитный — это еще не все, что требуется, чтобы отыскать единственную на планете голубятню. Кроме компаса, задающего общее направление, азимут, требуется еще и карта, конкретные ориентиры. Глазами голуби их не воспринимают, это доказано: свой дом они ухитряются отыскать даже в полной темноте, ничего не видя.

В чем же тогда секрет?

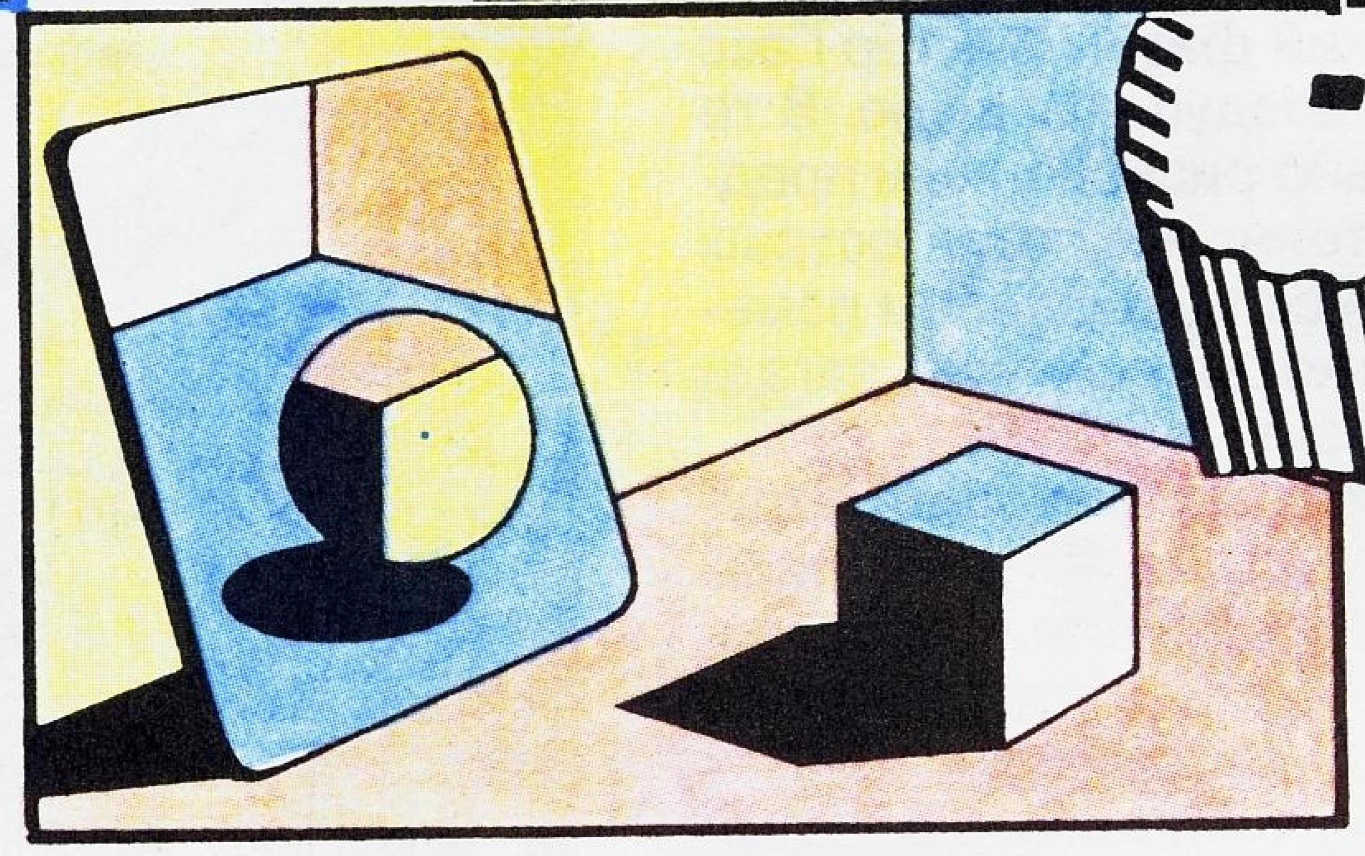
Лишь недавно исследователи из Академии наук Украинской ССР во главе с академиком К. М. Сытником поставили опыты, показавшие: у голубей есть еще одно, восьмое чувство — способность ощущать тончайшие изменения земного тяготения, запоминать точное направление, в котором действует эта сила в районе их родного гнезда.

В этих опытах птицам тоже мешали. Выпускали их так, чтобы на пути к голубятне располагался район, где под землей залегают особо тяжелые горные породы, искажающие поле тяготения. Голуби уверенно прокладывали курс прямо к дому, но, долетев до «заколдованного места», начинали блуждать. Это было хорошо видно ученым с борта вертолета. А за несколько секунд до того закрепленные на птицах крошечные приборчики передали по радио: голуби волнуются, электрическая активность их организмов резко изменилась...

Так и метались бывалые летуны, пока им не удавалось выбраться из неприятного района. После чего сразу же снова находили верную дорогу.

Ученые, открывшие у голубей это непостижимое восьмое чувство, предполагают, что его удастся использовать не только для доставки писем. Если под землей лежат неразведанные запасы тяжелой руды, поле тяготения в этом месте должно искажаться. Птицы, пролетая над такими районами, начнут плутать и тем самым помогут найти полезные ископаемые!

В. РОМАНОВ



зачем? почему?

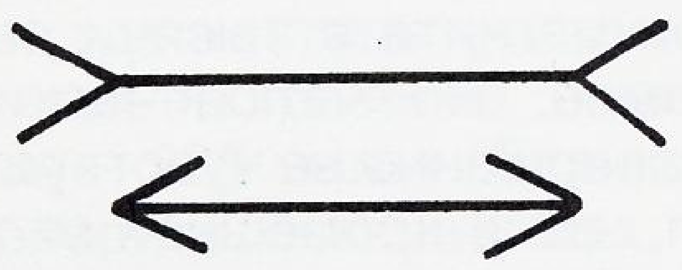
ЧТО МЫ ВИДИМ И ЧТО НАМ КАЖЕТСЯ

Однажды вечером я видел облако зеленого цвета. Что это за облако и почему оно зеленое?

Сергей Михайлов, 5-й класс, г. Балашов Саратовской области.

Слух, осязание, обоняние и вкус вместе взятые, дают нам почти в десять раз меньше сведений об окружающем мире, чем зрение. Природа постаралась почти воедино слить глаз человека с мозгом, соединив их настолько толстым пучком нервных волокон, что иногда даже говорят, что глаз — это часть нашего мозга.

И все же зрение часто нас подводит. Скажите, например, какой из нарисованных здесь отрезков длиннее?



Вам кажется, что длиннее верхний? А на самом деле оба отрезка совершенно одинаковы. В этом легко убедиться, измерив их линейкой. Наш глаз — точнее, тесно связанный с ним мозг, — вносит свои поправки в результаты объективных наблюдений. Подобные же иллюзии могут встречаться и при разглядывании цветных изображений.

Любой цвет можно получить, смешивая в различных пропорциях три основных цвета — синий, желтый и красный. Синий в смеси с желтым дает зеленый; желтый с красным — оранжевый; все вместе три основных цвета дают то, что мы называем белым.

А если из белого цвета как бы вычесть красный? Остаток нам покажется зеленым. Так и выглядит зеленое бутылочное стекло: оно поглощает красные лучи. И зеленая трава кажется нам зеленой потому, что поглощает красные лучи солнечного света и отражает зеленые лучи, попадающие в наш глаз.

Когда солнце заходит за горизонт, особенно перед ненастьем, то земная атмосфера поглощает все его голубые и даже зеленые лучи, в результате чего закат выглядит багрово-красным. А наши глаза, привыкшие к белому солнечному свету, вносят в восприятие поправку и раскрашивают все белое в недостающие зеленые тона.

Так что облако на самом деле было обыкновенным — белым, но на красном фоне казалось зеленым.

В. БАТРАКОВ

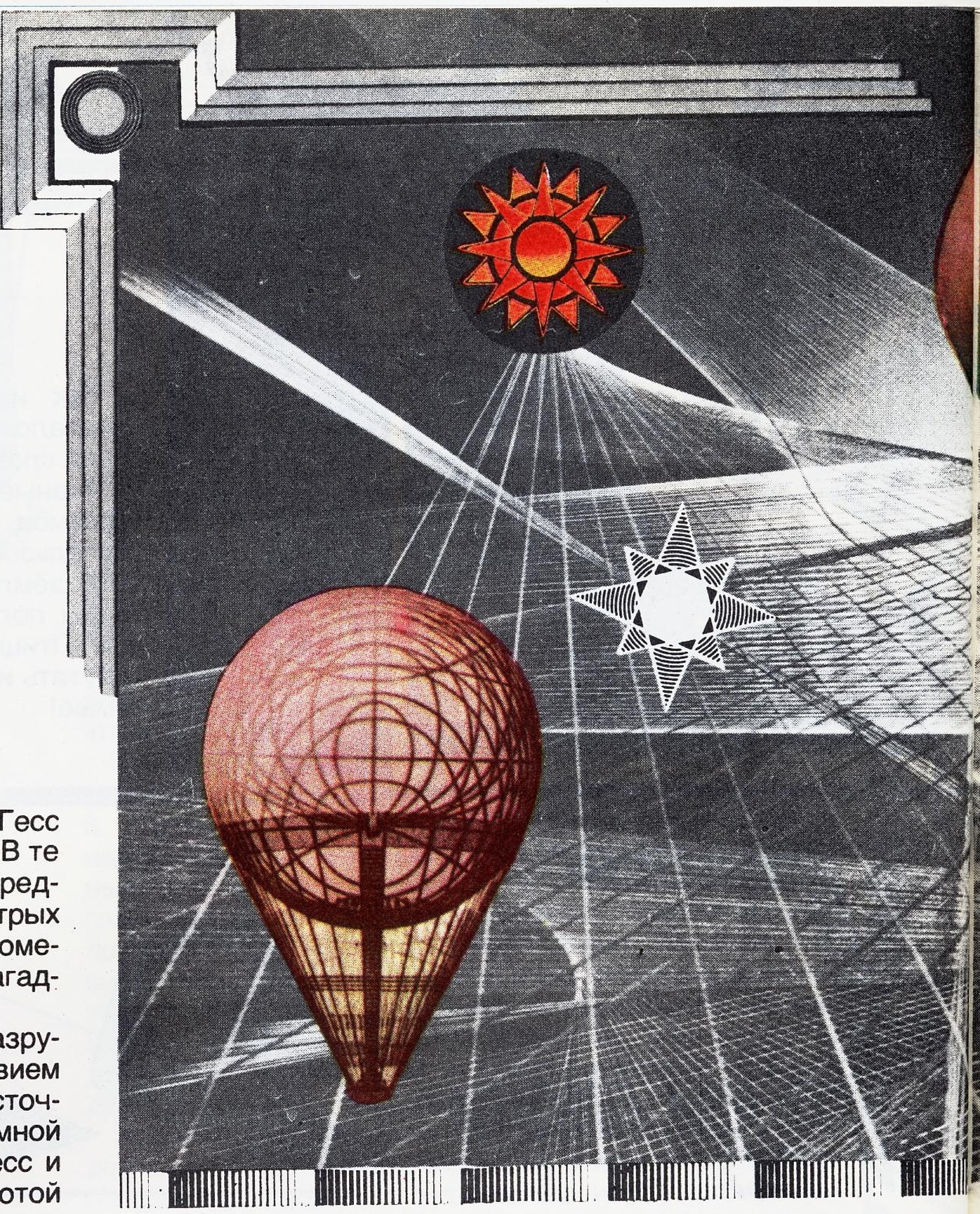
Знаешь?

В Австралии обнаружены ископаемые останки плотоядного кенгуру.

От пережевывания жестких листьев у жуков быстро стачиваются челюсти.

Создан робот-домохозяйка.

СТРАННИКИ ВСЕЛЕННОЙ



Весной 1912 года австрийский физик Виктор Гесс поднялся над землей на воздушном шаре. В те времена это было довольно рискованным предприятием, но полет был затеян не ради острых ощущений. В гондоле вместе с исследователем помещались научные приборы. Гесс хотел выяснить загадку лучей, вызывающих ионизацию воздуха.

Ионизация воздуха, или, если сказать проще, разрушение его атомов, обычно связана с действием радиоактивных веществ. Сначала думали, что источник разрушающего излучения находится в земной почве. Чтобы проверить это предположение, Гесс и решил подняться повыше. К его удивлению, с высотой ионизация не только не ослабевала, а даже увеличивалась. Стало ясно, что таинственное излучение приходит с неба, из космоса. Так были открыты космические лучи.

И в наши дни изучение космических лучей остается одной из самых романтических профессий. Земная атмосфера сильно поглощает эти лучи, поэтому исследователи забираются высоко в горы, поднимают свои приборы на аэростатах и ракетах и даже отправляют их в космос. Но основная работа идет на специальных станциях, расположенных в заоблачных высях Кавказа, Тянь-Шаня, Памира.

Мы побывали на такой станции — она находится на перевале Цхра Цкаро на Кавказе. Здесь работают ученые тбилисского Института физики. Тут, на высоте 2500 метров, природа сурова — ни дерева, ни кустика. Только покрытые травой склоны. Частые туманы и дожди с градом. Это летом. А зимой ураганные ветры достигают такой силы, что могут согнуть и опрокинуть стальную опору высоковольтной линии. Так что жизнь ученых на такой станции сродни жизни зимовщиков где-нибудь за Полярным кругом.

Космические лучи состоят в общем-то из самых обычных веществ — это ядра атомов водорода, гелия, железа. Но летят эти частицы почти со скоростью света, и наделены они огромной энергией. Когда на их пути оказываются ядра какого-нибудь земного вещества, происходят очень интересные для физиков события. Ядра раскалываются, и осколки, словно брызги, разлетаются в разные стороны. По этим осколкам можно узнать, какая частица прилетела и из чего состояло ядро, и даже открыть новые частицы, которые рождаются иногда в таких столкновениях.

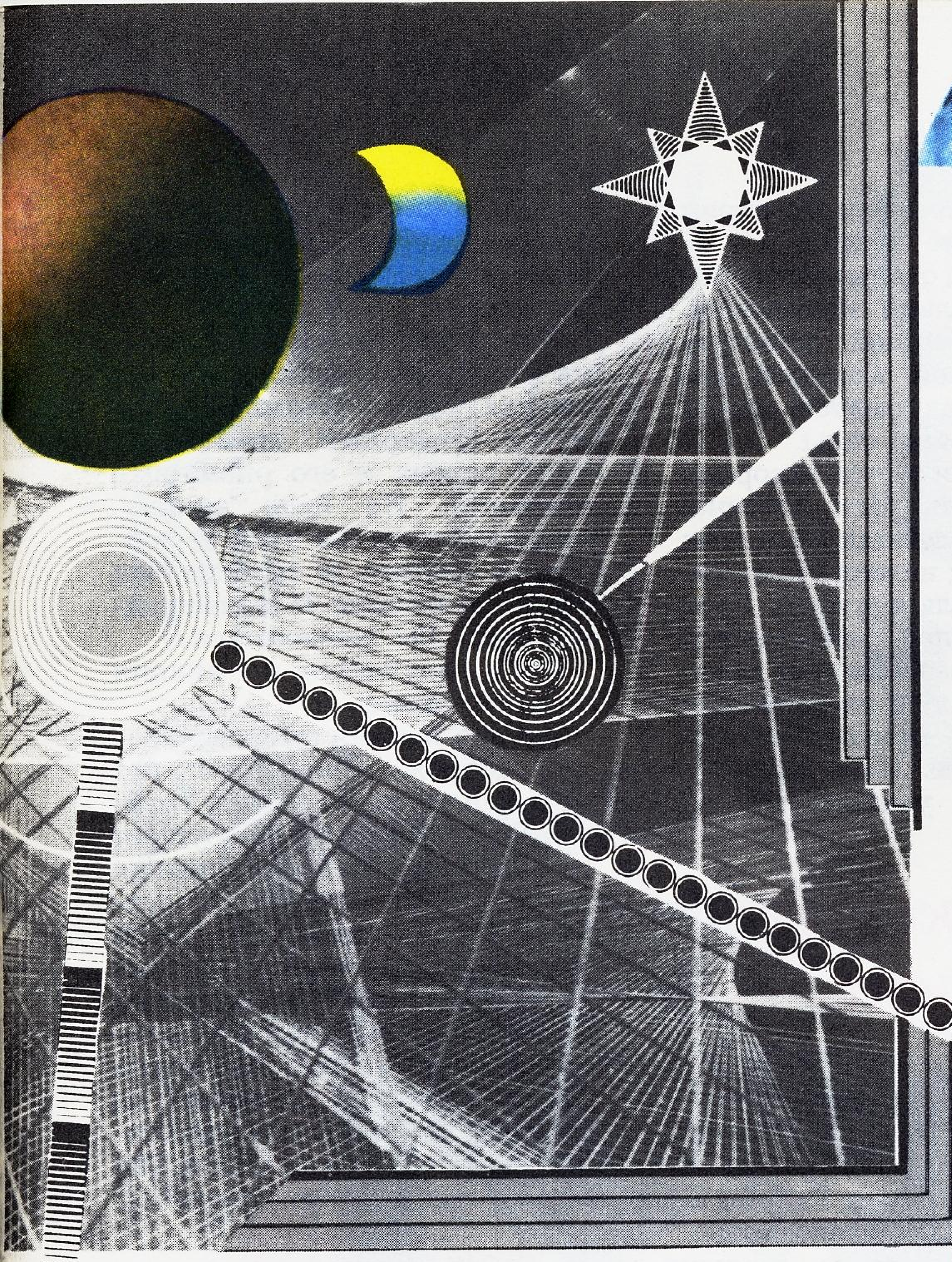
Но как это все увидеть — ведь частицы так малы и летят с такой скоростью, что наблюдать их невозможно? Оказывается, они оставляют следы, которые можно сфотографировать. Для этого существуют искровые камеры. Это прозрачные стеклянные ящики, наполненные газом — неоном или аргоном. В ящики вставлены электроды и подано электрическое напряжение. Когда через камеру пролетает космическая частица, то между электродами вдоль всего пути ее полета проскакивает искра, и траектория движения частицы становится видимой.

Искровую камеру обычно помещают в магнитное поле. Оно закручивает положительно заряженные частицы в одну сторону, отрицательно заряженные — в другую, а нейтральные продолжают лететь по прямой. Так что по следу частицы можно узнать ее заряд и массу, определить, сколько и каких частиц родилось при столкновении.

Магнитное поле создают с помощью электромагнита. Мы видели такой магнит на станции Цхра Цкаро. Ну и махина! Весит тысячу тонн. А внутри него помещается целая комната. Там стоят искровые камеры и фотоаппараты, снимающие следы частиц в камерах. И еще там есть скамеечка, на которой могут сидеть люди, чтобы наблюдать за работой приборов. Нам тоже разрешили посидеть и посмотреть.

Мы сидим внутри магнита в полной темноте и ждем, когда произойдет «событие» — визит частиц из космоса. Магнитное поле внутри магнита в тысячи раз сильнее, чем просто на земле. Но человеческий организм, оказывается, его совершенно не чувствует. Зато темнота... Нам кажется, что в кромешной мгле время просто замерло. А прошло-то всего несколько минут.

Хозяева станции объясняют нам, что заранее неизвестно, когда и куда пожалуют частицы из космоса. Хотя их и много. В среднем через любую площадку размером с квадратный сантиметр, например, через ноготь человека, проскакивают 1—2 частицы в секун-



ду. Но грузинских физиков сейчас интересуют только определенные частицы, которые прилетают гораздо реже. Так что придется нам подождать.

И тут как вспыхнет все вокруг оранжевым светом! Как загрохочет, будто гром во время грозы! Это сработали искровые камеры. Мы от неожиданности вздрогнули и зажмурились. К счастью, приборы срабатывают гораздо быстрее человеческого глаза: чтобы зажмуриться, нужны десятые доли секунды, а вспышка в тысячи раз короче. Так что, пока мы закрывали глаза, в них все же успели запечатлеться десятки лучей, образующих звездочки. Это следы частиц, которые родились при столкновении космической гостьи с атомным ядром газа и затем разлетелись в разные стороны.

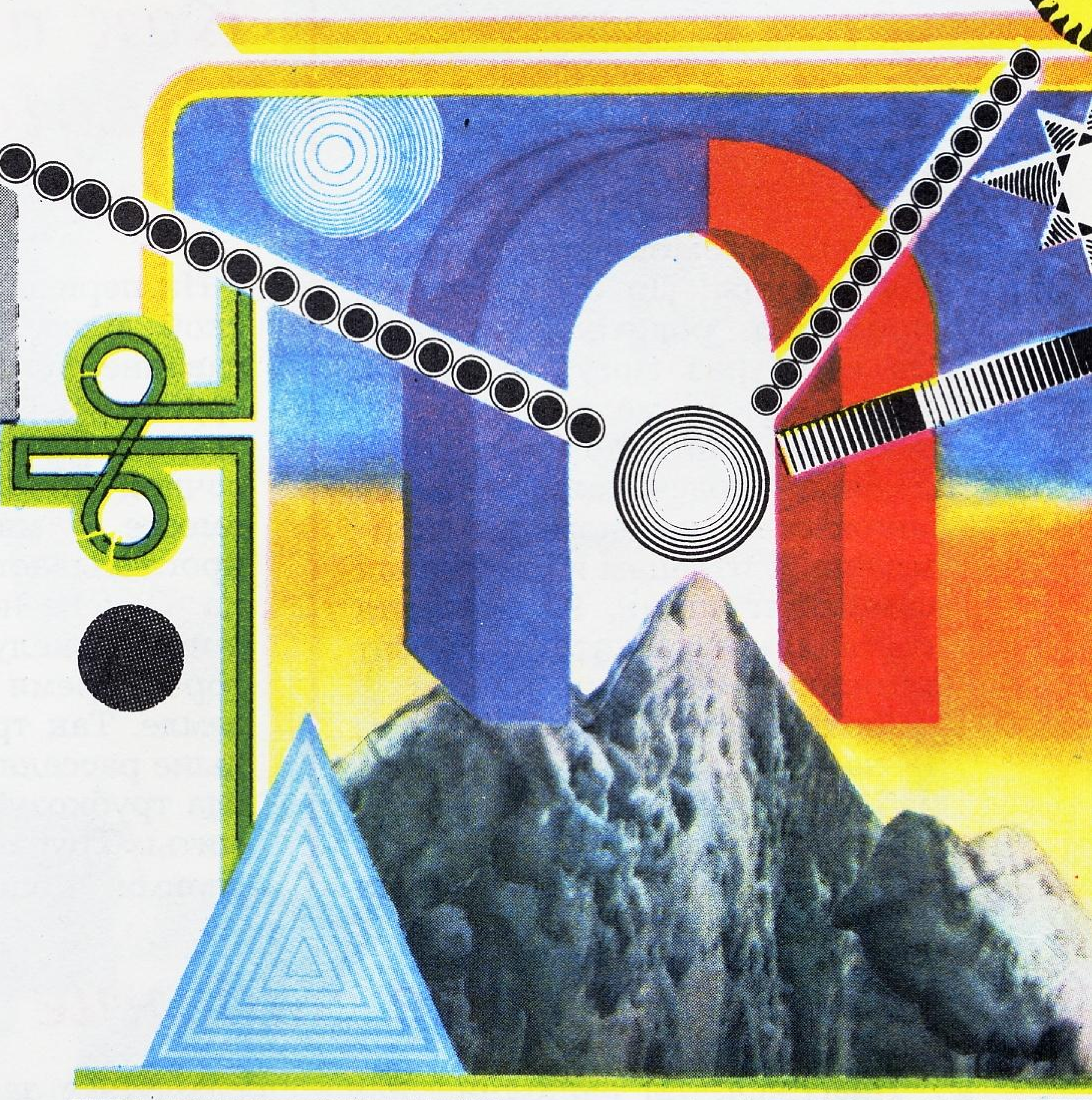
Мы спрашиваем: что это была за частица? Оказывается, в зазор магнита угодил протон (ядро атома водорода) с огромной энергией — в сто миллиардов электрон-вольт.

Такой гость — прямо-таки подарок физикам. Потому что чем энергичнее частица, тем больше она может натворить в ядерном мире и тем она интереснее.

Чтобы получать частицы большой энергии на Земле, приходится строить огромные установки-ускорители, где частицы ускоряют с помощью электрических полей. В розетке вашего дома обычное напряжение — 220 вольт. Если с помощью этого напряжения ускорить бег частицы, то она приобретет энергию 220 электрон-вольт. В ускорителе частицу заставляют бегать по кругу, как бы подхлестывая ее на каждом обороте. И пока она наберет ту энергию, с которой прилетел к нам протон из космоса, ее придется прогнать по кругу много миллионов раз.

Но откуда берутся ускорители в космосе? «Вот как раз это для нас самое интересное», — отвечают нам. Оказывается, в пространствах Вселенной тоже есть очень сильные электрические и магнитные поля. И в них рождаются частицы с энергией, еще в миллионы и даже миллиарды раз большей, чем у протона, зарегистрированного при нас. Физики пока не умеют разгонять частицы до таких энергий.

Ускорители в космосе возникают при бурных катастрофах. Например, при взрывах звезд. Большие звезды — в несколько раз бóльшие, чем наше Солнце, — иногда взрываются. Да так, что от огромной звезды остается только малая часть. При этом звезда ослепительно вспыхивает. Такие звезды называют новыми. А если вспышка получается особенно яркой, то звезду именуют сверхновой. Один из таких взрывов произошел в 1054 году в нашей Галактике. Остатки от взрыва этой сверхновой и сейчас видны нам. Это Крабовидная туманность, прозванная так потому, что разметанные взрывом остатки звезды образуют клочья, похожие с Земли на клешни краба.



Космические лучи рождаются и в других, столь же грандиозных процессах во Вселенной — при столкновении галактик, образовании черных дыр... А потом они долго блуждают по Галактике. Это настоящие вселенские странники. Они запутываются в межзвездных магнитных полях, сталкиваются с молекулами межзвездного газа, с пылевыми и плазменными облаками. И только через миллионы лет пути они случайно попадают на Землю.

Космические лучи приносят нам сведения о тех таинственных процессах, в которых они родились, и о том, что с ними случилось на их долгом пути по Вселенной. И чтобы не пропустить очередного небесного гостя с этими бесценными сведениями, физики несут свою вахту в заоблачных горных высях.

Г. ВОРОНОВ, В. ЧЕРНИКОВА

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

**Отдел ведет А. ПЛЕШАКОВ.
Научный консультант
член-корреспондент АН СССР
А. В. ЯБЛОКОВ.**

Два лица скворца

Очень прожорливы у скворцов птенцы! До 35 раз в час прилетают родители к гнезду. За один раз могут принести, например, 15 мелких гусениц, всего за день — почти тысячу! Ученые подсчитали, что из множества насекомых, скормленных птенцам и съеденных самими птицами, 92 процента составляют те, что приносят хозяйству человека ущерб.

Люди любят скворцов. Любят и за эту вот помощь, и за забавное пение. Еще бы! Скворцы замечательно копируют голоса самых разных птиц, кваканье лягушек, скрип колес и другие звуки.

Но скворцы, оказывается, поедают не только насекомых. Вишней, черешней, виноградом, клубникой, малиной они тоже охотно лакомятся, «посещая» фруктовые сады.

Значит ли это, что скворцов не надо беречь? Нет, конечно, не значит! Полезных дел у этих славных птиц намного больше. Но дело не только в этом. Просто надо помнить: животных и птиц нельзя разделить на хороших и на плохих, на полезных и вредных. В природе все гораздо сложнее. Надо помнить об этом и уважать такой порядок.

Как акация помогает дыне

На первый взгляд африканской дыне, которая растет в саванне, помогает не акация, а трубкозуб. Этот удивительный зверь любит утолять жажду сочной дынной мякотью. А вместе с мякотью трубкозуб проглатывает и дынные семена. Семена не перевариваются у него в желудке и через некоторое время оказываются на земле. Так трубкозуб помогает дыне расселяться. Но основная еда трубкозуба не дыни, а термиты. Трубкозуб разламывает своими копытцами прочные стенки термитников и с помощью длинного (тридцатисантиметрового) языка собирает насекомых.

Между некоторыми термитами и акацией существует самая прямая связь. Термиты кормятся отмершей древесиной этого дерева и его опавшими листьями. Не будь акации, меньше стало бы этих термитов. А значит, и трубкозубов стало бы меньше. И дыне труднее было бы расселяться.

Вот и получается, что акация помогает дыне!

Однако и дыня отвечает акации добром. Происходит вот что: дыня утоляет жажду трубкозубу, трубкозуб разрушает термитники, а на разрушенных термитниках поселяется особая трава — свинорой. Этой травой кормятся изящные антилопы-импалы. А когда на акации созревают плоды, антилопы охотно их едят. Но семена этих плодов... Да-да, семена не перевариваются и в конце концов оказываются на земле. Так резвая импала сеет акацию.

Каждый год — в путь

Весь берег был усыпан божьими коровками. Откуда они? Почему их так много?

Нашествия божьих коровок давно известны людям. Однажды, в 1842 году, англичане заметили над морем длинное-предлинное облако, похожее на столб пароходного дыма. Оно приближалось к берегу. И вскоре все на берегу было усыпано коровками.

В конце лета и осенью коровки летят, оказывается, на зимовку в горы, а весной и в начале лета возвращаются обратно. Словно они не жуки, а перелетные птицы. В середине лета тоже можно увидеть стаи коровок. Они путешествуют в поисках корма — ищут места, где много тлей... Летят коровки чаще всего высоко, так, что с земли их не видно. Один ученый, чтобы узнать, куда жуки направляются, вынужден был преследовать их на небольшом самолете!

Полны опасностей перелеты коровок. И все-таки каждый год отважные маленькие путешественники отправляются в путь...

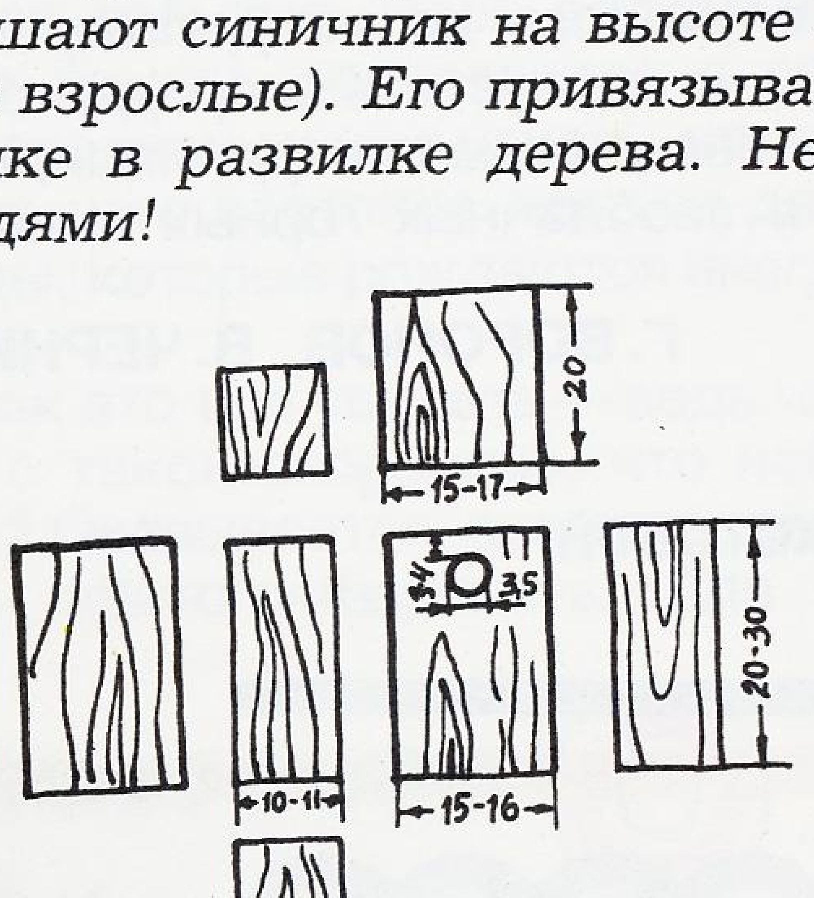
Наше задание

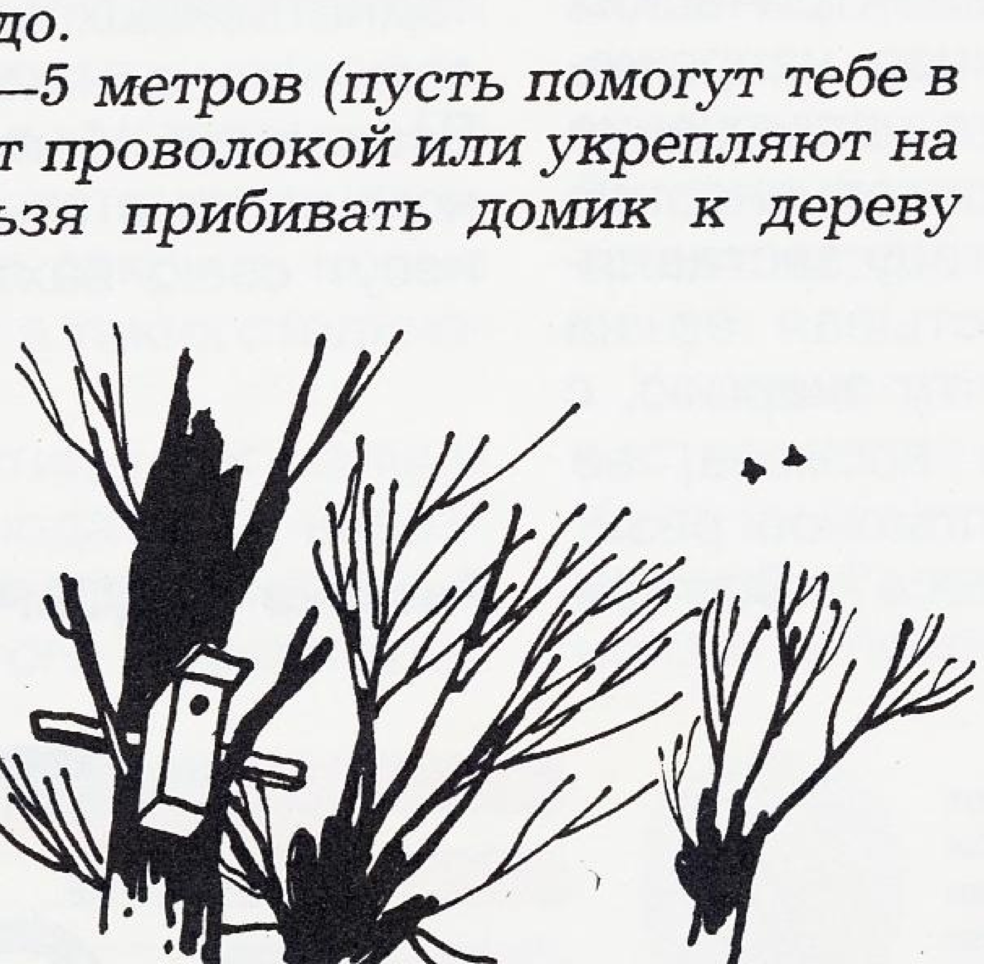
Надеемся, ты выполнил наше предыдущее задание и зимой хорошо позаботился о птицах. Теперь внимательно рассмотри рисунки. Домик, который ты сделаешь с их помощью, называется синичником (он значительно меньше скворечника). В нем, кроме синиц, охотно поселятся мухоловки-пеструшки или другие мелкие птицы. Спеши! Они уже возвращаются на родину.

Вот несколько советов, чтобы домик получился хорошим.

Бери доски толщиной примерно 2 сантиметра. Фанера не годится. Ту сторону досок, которая будет внутри домика, строгать не надо, иначе птице трудно будет выбраться. Сначала прибивай к дну боковые стенки домика, потом накладывай и прибивай переднюю и заднюю стенки, затем надевай крышку. Не оставляй в домике щелей! Никаких полочек под летком — так называется вход в домик — прибивать не надо.

Вешают синичник на высоте 3—5 метров (пусть помогут тебе в этом взрослые). Его привязывают проволокой или укрепляют на планке в развилке дерева. Нельзя прибивать домик к дереву гвоздями!





ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель. Образуй прилагательное от слова «обед».
Ученик. Вкусный!

Марина Каграманова, г. Ереван.

* * *

Учитель. Составь предложение с дополнением.
Ученик. Я ем кашу!
Учитель. А дополнение?
Ученик. С маслом!

Ольга Суходоева, Донецкая область.

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учитель. Объясни, что такое рефлекс у животного.
Ученик. Когда кошке наступают на хвост, она по рефлексу изо всей силы тянет его руками и орет.

И. и Н. Скворцовы, г. Целиноград.

* * *

Учитель. Какую пользу приносят лягушки?
Ученик. Они помогают людям поедать вредителей сельского хозяйства.

Таня Газарян, Армянская ССР.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель. Какие ты знаешь полезные ископаемые?
Ученик. Каменный уголь, железная руда, картошка...

Оля Гулина, г. Астрахань.

Из школьных сочинений

«*Уснув, сидя на лошади, Сергей весело пел песню...*»
«*Я убегал от кота, который стал гавкать на меня*».
«*Мальчик вскинул белесые брови и посмотрел ими так, что всем стало страшно...*»
«*Уши у него торчали кто куда...*»
«*Он бросился в лодку и начал грести коромыслами*».
«*Она дружила с тремя девочками: одна была Люда, вторая — Оля, а третья была ее бабушка*».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Белые ручки и белоручки

Когда появилась Фея, Золушка бросала в школьном дворе снежки.

— Вы о злой фее когда-нибудь слышали? — спросила Золушка, дыша на свои замерзшие пальцы.

— Слышала? — Фея пожала плечами. — Видела. Мы с ней вместе работаем. — Фея сняла свои красивые пушистые варежки и надела их Золушке на руки. — Видишь ли, если бы советы давали только добрые феи, золушки давно стали бы

ангелочками. Но так уж получается, где одна Фея, там рядышком и другая. Иначе у сказок не было бы начала, сразу счастливый конец — и все! Вот скажи, пожалуйста, кто тебя надоумил сделать себе такой сногсшибательный маникюр: длинные-длинные заостренные ногти, лак. Час напряженной работы, не меньше...

— Полтора,— скромно уточнила Золушка. — А что, нельзя?

— Понимаешь, стоит взрослой Фее сказать «нельзя», как маленькая Золушка тут же в ответ скажет «льзя». Я опять «нельзя», а ты опять свое. И наш разговор заходит в тупик... Что мне тогда делать? Превращать тебя в капустную кочерыжку? Усыплять на двести лет? Я совсем не злая фея и не умею наказывать детей. И я не против этого великолепного маникюра... если он тебе так нравится... Но я за то, чтобы облик девочки был гармоничным: ее одежда, возраст, речь, манеры, стиль жизни, обстановка сочетались. Мы уже говорили об этом когда-то: плоха не сама по себе косметика — она плоха на детском лице. Если бы ты была барышней с накрашенными ресницами и тебе нечего было делать, как сидеть в кресле и покрывать лаком ногти, пожалуйста... Но скажи, разве тебе удобно было мыть сегодня посуду?

— Пожалуй, нет,— вздохнула Золушка,— лак облупился.

— На уроках, наверное, половину прослушала — любовалась ногтями, на записки отвечала — класс наверняка обратил внимание на сногсшибательное изменение в твоей скромной внешности.

— Ну-у... что-то вроде...— опять вздохнула Золушка.

— После уроков играла в снежки... Очень милый вид. Я так люблю, когда играют в снежки: и щеки розовые, и шапочка в снегу, и шубка. И вот у этого невинного создания — такие дамские пунцовые ногти. Испугаться можно. Нет... — Фея покачала головой,— я не против твоего маникюра, но он мне НЕ НРАВИТСЯ. С ним неудобно писать, печатать на машинке, держать ракетку, играть в мяч, мыть посуду, стирать колготки. Он как-то не идет тебе. Посмотри, какая сейчас мода: свободная одежда, обувь на низком каблуке, удобные сумки — все как будто приноровилось к нынешнему стилю жизни — энергичному и совсем не жеманному...

— Так что же... — Золушка окинула прощальным печальным взглядом свой маникюр. — Совсем?

— Не совсем. За руками нужно ухаживать обязательно. Но соображения гигиены, целесообразности и хорошего вкуса должны преобладать над желанием выглядеть, как барышня с картинки в витрине парикмахерской. Ногти надо непременно каждые три — пять дней подстригать, закруглять и подпиливать пилкой. Если ногти ломкие, слоятся — делать для них время от времени ванночку из подогретого подсолнечного масла. Не стоит при этом забывать, что возня с ногтями — это часть твоего личного туалета, и заниматься им в присутствии других людей не стоит. Отведи для ухода за руками столько времени, сколько они того заслуживают, а именно, немного. Неприятно смотреть на Золушку, которая все время грызет ногти, но ничуть не более приятно смотреть, как она их то и дело разглядывает, подпиливает, подчищает. Кроме того...

— Неужели еще не все? — удивилась Золушка.

— Извини за скучные подробности, но руки надо чисто мыть. И почаще. Грязные руки не украсит никакой маникюр. Они опасны для желудка. Когда ты прикасаешься немытыми руками к лицу, кожа загрязняется, портится (хотя, конечно, в любом случае от привычки без нужды трогать лицо надо избавляться). Итак, руки надо мыть, но никак не за пять минут до того, как ты собралась на улицу. Зима еще не конча-

лась, будь осторожна с морозом. Умываться нужно за час до выхода из дома. На лице не должно быть крема, он не защищает кожу — любой крем содержит влагу, и кожа на морозе грубеет.

Если руки замерзли, вернувшись домой, вымой их горячей водой с мылом (любым хорошим туалетным мылом), насухо смажь жирным кремом. Если кожа на руках сильно потрескалась, стала шершавой, покраснела, руки надо как следует подержать в теплом отваре из-под очищенной картошки, смазать на ночь глицерином, надеть старые нитяные перчатки. Так можно их быстро привести в порядок. Кстати,— Фея посмотрела на Золушкины руки, красные, как лапы у гусенка,— ты свои варежки потеряла или...

— Или,— призналась Золушка,— я их терпеть не могу.

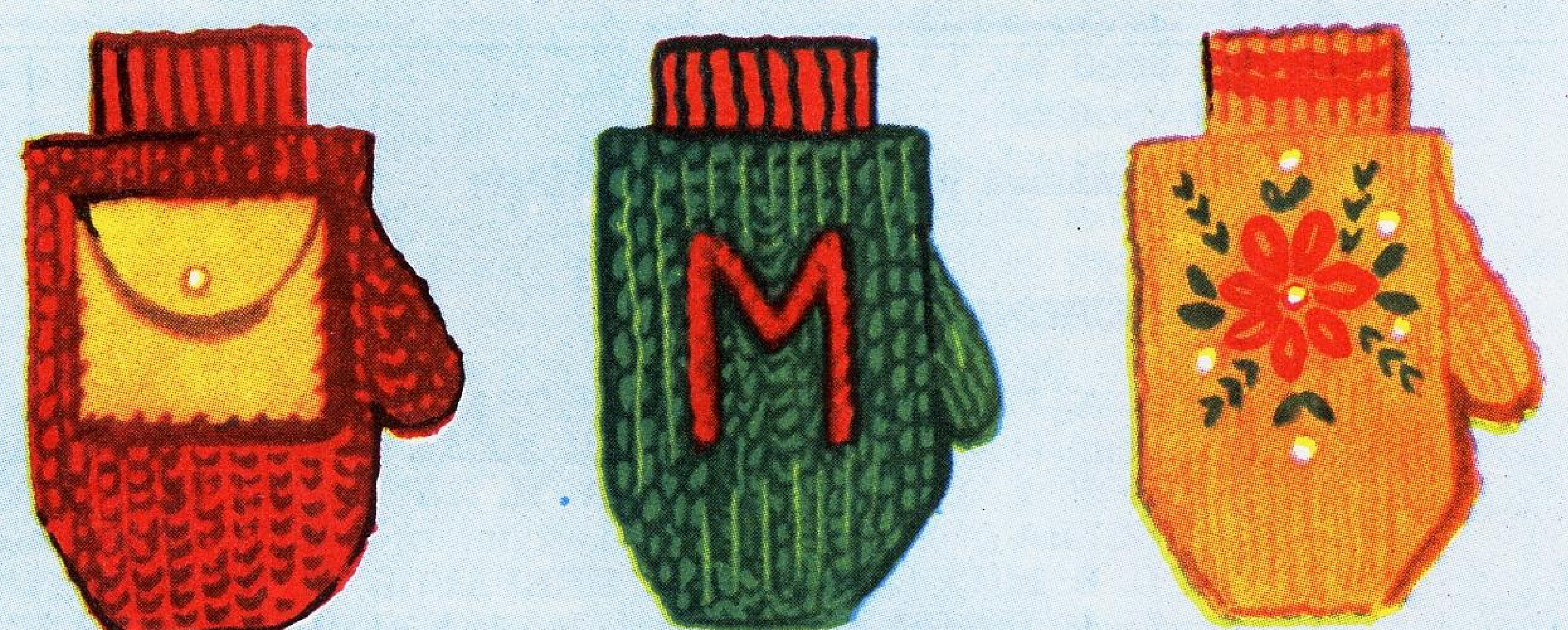
— Напрасно. Бывают варежки, которые выглядят красиво и забавно и, если не выбиваются из общего решения твоего зимнего наряда, могут очень украсить Золушку... Чего не скажешь о красных, замерзших руках. К тому же холодные руки, мокрые, как снежки, которые ты бросала,— вполне достаточная причина для простуды.

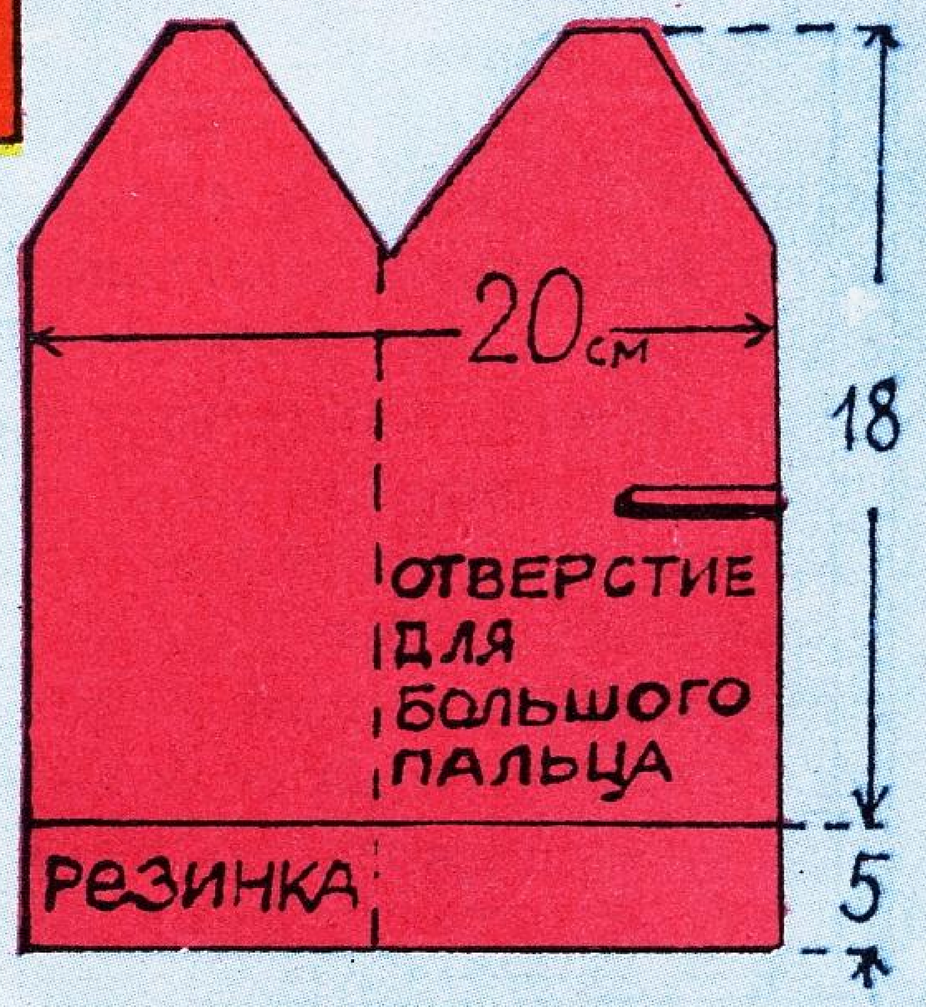
— А вот говорят, чтобы детей не кутали! — возразила Золушка.

— Мудрые слова. Я и не предлагаю тебе носить сразу три пары варежек. Хотя, если у тебя есть терпение и охота, ты можешь связать себе такие, такие и вот такие. — Фея открыла волшебным образом появившийся сундучок и показала, какие там лежат варежки. — И носить их по очереди и настроению. Обрати внимание на карманчик-кошелек — в него как раз уместится талончик на троллейбус или пятак на метро. Если бы мне приходилось перемещаться именно так — непременно завела бы себе рукавицы с карманчиками.

И Фея исчезла своим обычным, не поддающимся объяснению науки способом.

Золушкин сундучок





Варежки обычно вяжут по кругу на пяти спицах. Такое вязание называется круговым. Но тем, кто еще неуверенно держит в руках спицы, советуем связать рукавички на двух. Получается плоское вязание, которое потом сшивается. Для вязки потребуется около 100 г шерсти средней толщины.

Сначала наберите такое число петель, чтобы в варежку свободно проходила рука, например, 60 петель, и вяжите резинкой 2 × 2 (2 лицевые, 2 изнаночные) не менее 5 сантиметров в высоту, чтобы не мерзло запястье. Затем вяжем прямое полотно чулочной вязкой (1 ряд лицевые петли, 1 ряд изнаночные) до основания большого пальца. Для пальца оставим 14 петель и переведем их на большую булавку. Над этими петлями наберем такое же количество (14 петель) новых, чтобы получилось отверстие, и продолжаем вязать дальше — до конца мизинца. После этого разделите петли на две равные части и вяжите их отдельно, провязывая по 2 петли вместе на каждом лицевом ряду с обеих сторон. Когда на спице останется 8 петель, их соберите на нить и закрепите.

Теперь вяжем полотно для большого пальца, собрав на спицу петли, что были на булавке, и те, что были набраны над нею. Полотно по длине должно быть на 1 сантиметр короче большого пальца. Затем убавляем по 2 петли в каждом лицевом ряду, пока на спице не останется 6 петель. Их закрываем и сшиваем палец, потом сшиваем варежку. Связанные рукавички можно украсить вышивкой, аппликацией, маленькими бусинками. Можно из кусочков кожи или плотной ткани сделать кошелек и нашить его на верх варежки.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Валентина ЛАНЦЕТТИ,
участник VI и VII совещаний
молодых писателей

Поединок

Хотя и пушки не гремят,
И не свистят снаряды,
На поле шахматном
громят
Враги мои отряды.
Одна надежда на Ферзя!
Король дрожит от страха.
Его величеству нельзя
Уйти, сбежать от шаха.
Командовал на поле он,
Сдвигая брови хмуро,
И думал: «Я Наполеон!
Я важная фигура!..»
Он на коня вскочил: «Вперед!»
И лихо вскинул шпагу...
Но важный слон пред ним встает —
Забыл он про отвагу...
Прикрылась пешкой Королева,
Нет вправо хода, нет и влево,
Ее ладью «за борт» бросают,
Она бежит одна, босая...
И пешка падает за пешкой...
«А ну, Король, смелей!
Не мешкай!..
Враги прорвали оборону!..»
Король вздохнул
И снял корону.
Я в гневе крикнул:
«Эй, Король,
Ты пешки тратил в спешке!
Ты не Король, а круглый ноль,
Не стоишь даже пешки!..
Коней загнал, забыл про тыл
И потопил свою ладью...
А Королеву бросил ты!
Ты погубил страну свою!»
Лежит поверженный Король,
В его глазах тоска и боль:
«Отдал бы царство за коня,
Да нету царства у меня...»
Мне жалко стало Короля:
Ведь проиграл не он, а я...
И я прошу его:
«Прости,
Твоя ли в том вина?
Мне до Каспарова расти,
Как пешке до слона...»

СОДЕРЖАНИЕ

Пионерское слово, пионерское дело, пионерская честь ... II, IV обл.
Хозяин.— Повесть О. Сидельниковой. Рисунки Ю. Карповой ... 2
Отряд говорит с отрядом.— Рисунки А. Вовиковой ... 10
«Круглый стол» «Пионера»
Мы — за мир! ... 12
Игры с Чипом.— Ведет доктор физико-математических наук А. А. Мигдал ... 15
Сандалик, или Путь к девятому бастиону.— Повесть В. Крапивина. Рисунки Е. Медведева ... 16
К 100-летию со дня рождения С. М. Кирова ... 25
«Кораблик» ... 26
Всесоюзный штаб Тимура
Репетиция. Тимуровский театр на сцене и в жизни.— И. Андрианова, Т. Шаронова. Фотографии М. Вылегжанина ... 28
Там, где танцует тюлень. Стихи, посвященные другу.— Стихи Ю. Кушака. Рисунки С. Соколова ... 32
Маршрутами пятилетки
Путешествие по фитотрону.— С. Зигуненко. Рисунки А. Борисова ... 34
Пусть посмотрит в глаза граница.— Повесть В. Коржикова. Окончание. Рисунки М. Лисогорского ... 38
Рассказ о добром художнике.— С. Голицын ... 50
Виталий Бианки.— Л. Разгон ... 53
Пионерский спортзал.— Рисунки А. Вовиковой ... 54
На научной волне.— Рисунки Н. Доброхотовой ... 56
Про птиц и зверей ... 60
«Переменка» ... 61, III обл.
Сто советов Золушке ... 62
Поединок.— Стихи В. Ланцетти ... 64

На обложке:
Юные хозяева земли.— Рисунок Л. Хачатряна.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, И. Н. НИКИТИН, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Л. Х. НАСЫРОВ.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1986.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.01.86.
Подписано к печати 17.01.86. А 01911. Формат $84\times60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 850 000 экз. Изд. № 353. Заказ № 2184.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

«КАК СТАТЬ АРТИСТОМ?»

Сколько писем от ребят с таким вопросом постоянно приходит в редакцию журнала «Пионер»! Мы не раз беседовали со многими артистами и убедились: готового рецепта нет. Конечно, нужны способности, конечно, нужен упорный труд, и, конечно же, необходима любовь к театру, которую не поколеблют ни неудачи, ни трудности.

Сегодня о своих первых шагах на сложном пути в искусство рассказывает корреспонденту «Переменки» Людмиле Яковлевой популярный артист театра и кино Андрей Александрович Миронов.

Миронов. Я считаю, что в одном мне очень повезло: с самого начала у меня не было иллюзий, что профессия артиста легкая. Перед глазами постоянно были мои родители-артисты. Они часто репетировали дома, и я видел: для самой маленькой реплики, для самой незначительной фразы требуется масса сил, упрямства, упорства и настойчивости. И поэтому я был, так сказать, с детства готов к встрече с трудностями. И трудности не заставили себя долго ждать. Достаточно сказать, что все мои дебюты оказывались исключительно неудачными.

Первый мой дебют был кинематографический. Мне было тогда лет семь-восемь. В подмосковном прекрасном месте Пестово, где мы с родителями отдыхали, снимали фильм «Садко». Я так долго маячил перед кинокамерой, так клянчил, что мне, наконец, выдали соответствующий старинный костюм, но посоветовали держаться в задних рядах. А я увлекся и, расталкивая бояр, все-таки вылез на первый план. Началась съемка. И вдруг дикий крик режиссера: «„Молния"! „Молния"! Уберите этого негодяя!» Оказывается, я забыл запахнуть кафтан и на первом плане в кадре появилась моя москвошвеевская тенниска с блестящей застежкой-«молнией». Согласитесь, довольно смелая деталь для двенадцатого века.

Дальше фортуна вроде бы улыбнулась мне. В школьном драмкружке ставилась драма А. Островского «Без вины виноватые», и мне дали роль Шмаги. Я старался изо всех сил, я помогал себе мимикой и жестами так увлеченно, что сцена абсолютно срывалась, потому что рыдающая от смеха Кручинина, истерически хохочущий Незнамов и кривляющийся рядом Шмага не очень соответствовали духу пьесы Островского.

Корреспондент. Андрей Александрович, но о самом своем первом дебюте вы почему-то умолчали. А у нас есть свидетель вашего первого появления на сцене — народная артистка РСФСР Мария Владимировна Миронова.

Миронов. Я эту артистку хорошо знаю: она по совместительству моя мама.

Миронова. Да-а, самый первый дебют Андрея я не забуду никогда. Это было в театре ЦДСА. Я стояла на сцене и произносила серьезный, можно сказать, драматический монолог. И вдруг услышала в зале смешок. Один, потом другой. Я мужественно продолжала читать. Когда же весь зал начал хохотать, я позволила себе оглянуться. На сцене около кулис стоял в коротких штанишках, огромной кепке, с раскрытым ртом мой пятилетний Андрей и завороженно смотрел на меня. Он, видно, сам не заметил, как вышел из-за кулис... и провалил мое выступление. Вот это был его первый дебют.

Миронов. Теперь вы понимаете, что этот дебют не лучшая страница моей творческой биографии...

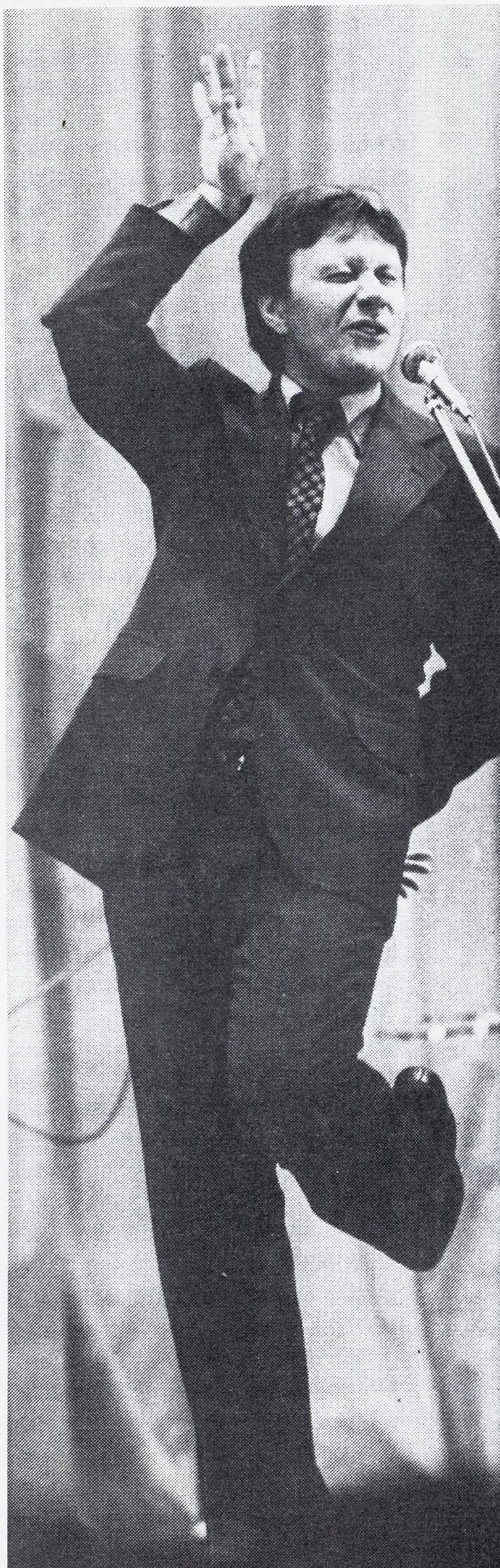
Ну, а если говорить всерьез, то можно вспомнить о массе трудностей, которые постоянно сопровождают артиста. Можно вспомнить, как на съемках «Бриллиантовой руки» оборвался трос, на котором Анатолий Папанов торпедировал меня в открытое море, и как я плавал до изнеможения, пока меня не подобрал катер.

Можно было бы рассказать, как трудно во время съемок есть и пить, особенно с аппетитом, потому что дублей может быть десять, а это значит съесть за полдня десять обедов и выпить цистерну воды.

А сниматься в валенках, тулупе и меховой шапке в сорокаградусную жару? Может быть, вы смотрели научно-фантастический фильм «Таинственная стена»? Именно там это и происходит.

В общем, много можно рассказать о перипетиях, неурядицах, нелегких актерских буднях, но думаю, что если человек талантлив и твердо решил стать актером, вряд ли это его остановит.

Фотография В. АРУТЮНОВА



Пионерское слово, пионерское дело, пионерская честь

✻

Пионеры города Минска послали в одну из провинций Вьетнама, где произошло стихийное бедствие, двести тонн груза помощи. Школьно-письменные принадлежности, игрушки, одежда порадуют пострадавших и помогут им наладить жизнь.

Удивительный Дворец пионеров и школьников выстроен в Минске. О нем говорят: «Дворец — сказка». Пионеры города помогают строителям убирать и озеленять территорию вокруг дворца.

В минской школе № 54 был открыт монумент «Орлятам Великой Отечественной войны». Монумент посвящен батальону белорусских орлят. Средства на памятник заработали комсомольцы и пионеры в лагерях труда и отдыха, на воскресниках и субботниках.

✻

Пионеры Армении участвуют в олимпиадах школьных политинформаторов. Мы должны не только хорошо учиться, работать, но и быть политически грамотными членами советского общества, решили пионеры.

К XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов, проходившему в Москве, пионеры Армении изготовили тысячи сувениров. «Фабрика мира» действует теперь постоянно. Там пионеры готовили подарки к XXVII съезду КПСС.

Операции «Отстающие рядом», «Пятерка — тоже Знак качества» помогают армянским ребятам получать только хорошие и отличные отметки.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.